

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»**

На правах рукописи

Ван Тинянь

**Русская языковая картина мира в фольклорных текстах коронавирусной
эпохи с позиции носителя китайского языка**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат социологических наук, доцент
Митрофанова Ирина Игоревна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения русской языковой картины мира	14
1.1. Определение понятия «языковая картина мира»	14
1.2. Методология исследований русской языковой картины мира в период пандемии	30
1.3. Жанровая классификация фольклорных текстов периода пандемии COVID-19	43
Выводы по Главе 1	68
Глава 2. Русская языковая картина мира коронавирусной эпохи в жанрах интернет-фольклора	70
2.1. Репрезентация русской языковой картины мира эпохи пандемии в интернет-пословицах и интернет-поговорках	74
2.2. Репрезентация русской языковой картины мира эпохи пандемии в мемах и карантиках	88
2.3. Корпусный анализ русских хэштегов пандемийной эпохи с позиции носителей китайского языка	101
Выводы по Главе 2	114
Глава 3. Русская языковая картина мира в фольклоре периода covid-19 на фоне китайской национальной традиции	116
3.1. Лингвистическая репрезентация эпохи пандемии в фольклорных текстах	120
3.2. Лингвокультурологический анализ фольклорных текстов коронавирусной эпохи	138
3.3. Исследование русской языковой картины мира актуализированной пандемийным дискурсом методом анкетирования	156
Выводы по Главе 3	171
Заключение	174
Список использованной литературы	178
Приложения	196
Приложение 1. Русские и китайские фольклорные тексты периода пандемии	196

Приложение 2. Русские и китайские пословицы и поговорки периода пандемии	223
Приложение 3. Анкета «Анализ восприятия интернет-фольклора эпохи Covid-19 носителями русского и китайского языков»	224

Введение

Диссертация посвящена анализу русской языковой картины мира коронавирусной эпохи, репрезентированной в фольклорных текстах, а также особенностям её интерпретации с позиции носителя китайского языка.

Пандемия COVID-19 стала не только глобальным социальным и медицинским вызовом, но и мощным лингвокультурным катализатором, повлиявшим на способы языковой репрезентации действительности, осмысление последствий пандемии и развитие интернет-фольклора.

Особую роль в этот период приобрели интернет-пословицы, интернет-поговорки, мемы, «карантинки», хэштеги, поликодовые тексты, в которых нашли отражение ценностные, эмоциональные, коммуникативные особенности русской языковой картины мира.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления и интерпретации специфики русской языковой картины мира пандемийного периода в межкультурном аспекте. В условиях расширения гуманитарных и образовательных контактов между Россией и Китаем возрастает потребность в таком знании, которое позволило бы носителям китайской лингвокультуры не только усвоить языковые средства русского языка, но и понять культурные смыслы, транслируемые через фольклорные медиатексты пандемийной тематики. Особую значимость представляет выявление того, как русскоязычные фольклорные тексты, содержащие иронию, языковую игру, культурно маркированные образы, прагматические установки, интерпретируются носителями китайского языка.

Степень научной разработанности темы

Вопросы взаимосвязи языка и культуры обладают обширной теоретической базой, изучались многими учёными, представляющими различные научные школы. Э. Сепир, Б. Ли Уорф разработали гипотезу лингвистического релятивизма, показывая влияние языка на мышление [Сепир, 1921] [Уорф, 1960]. Л. Выготский исследовал связь языка и когнитивных процессов [Выготский, 1934]. М. Бахтин

акцентировал внимание на диалогической природе языка и его культурной обусловленности [Бахтин, 1979]. Ф. де Соссюр описал язык как систему знаков, отражающих культурные структуры [Соссюр, 1999]. Попытки решения проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры наблюдаются в трудах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984], А.А. Потебни [Потебня, 1958].

Современные зарубежные исследования развивают данные подходы в контексте когнитивной и межкультурной лингвистики. В работах С. О'Нила [O'Neill, 2015], Чжан Сюэмэ [Zhang, 2014], Хайцзин Лян [Liang, 2011], Чжао Юй и Яо Дунлянь [Zhao; Yao, 2011] анализируется роль языка в формировании сознания, социальной реальности и культурных различий, в том числе на материале китайского и английского языков.

Фундаментальные основы изучения китайского фольклора были заложены в трудах Я. Я. М. де Гроота [De Groot, 1892–1910], В. Эберхарда [Eberhard, 1937]. Современные подходы к анализу традиционного китайского фольклора представлены в работах Чжун Цзинвэня и Фан Сяо [Чжун, 2008; Фан, 2008].

Сфера межкультурного анализа интернет-фольклора COVID-19 остается недостаточно изученной. С одной стороны, существует значительное количество работ, посвященных языковым и культурным «реакциям» на пандемию в русском и китайском фольклоре и медиа, однако они не включают в себя анализ восприятия русской языковой картины мира пандемии носителями китайского языка.

Так, А. Осмушина исследовала семантику пандемии в русском комическом фольклоре, подчеркивая социальные отклики и пессимистические оценки, связанные с экономическим и культурным спадом в период пандемии [Осмушина, 2023]. Е. Завьялова анализировала русские анекдоты на тему "короны", освещая проблематику и поэтику таких текстов, их способность адаптироваться к изменяющимся условиям коммуникации, акцентируя внимание на национальной идентичности и антропоморфизации вируса [Завьялова, 2021]. Н. А. Купина рассматривала карнавализацию русского языка в эпоху коронавирусной пандемии, исследуя, как пандемия стимулирует создание новых слов и значений, что отражает сопротивление нарушенной реальности и способствует комическим эффектам,

характеристике и аксиологической оценке реальности [Купина, 2021]. И. Карабулатова, сопоставляя официальный дискурс и смеховой метадискурс, порожденные коронавирусной инфекцией, использовала психолингвистический метод девальвации опасности, что подчеркивает механизмы психологической защиты через юмор [Карабулатова, 2020].

Исследованию китайского фольклора периода пандемии коронавируса посвящены следующие работы: Ц. Чжан, анализирующий нарративы китайских эпидемий, выявляя культурные механизмы преодоления препятствия и роль фольклора в укреплении оптимизма и устойчивости общества [Чжан, 2023]. Л. Хан исследовал символику масок в контексте COVID-19, рассматривая их как элемент управления катастрофой на основе семиотики и биополитики [Хан, 2020]. С. Чэнь изучал влияние классической китайской поэзии на борьбу с COVID-19, акцентируя внимание на ее роли в выражении эмоций и формировании моральных устоев [Чэнь, 2020]. Сяогэ Ли анализировала сложные слова в русском и китайском языках в эпоху COVID-19, сосредоточив внимание на фонетических, морфологических и синтаксических различиях [Ли, 2020]. Джулия Хиллс анализировала взаимосвязь между культурными и языковыми изменениями в китайском фольклоре и их воздействие на социальные нормы и поведение [Хиллс, 2021].

Данные работы затрагивают взаимосвязь культурных и языковых изменений в китайском фольклоре, но не включают анализ с русской языковой картиной мира. Таким образом, на данный момент научных трудов, систематически исследующих восприятие русской языковой картины мира COVID-19 в китайской лингвокультуре, практически нет. Это указывает на перспективность дальнейших исследований, направленных на выявление межкультурных параллелей, различий в интерпретации пандемического фольклора и особенностей его адаптации в китайской языковой среде.

Несмотря на наличие значительного массива работ, посвящённых фольклору эпохи пандемии, в настоящее время отсутствуют исследования, направленные на системный анализ восприятия русской языковой картины мира COVID-19 носителями китайского языка. Межкультурный аспект интерпретации

русскоязычного пандемического фольклора в китайской лингвокультуре остаётся недостаточно разработанным, что обуславливает исследовательскую задачу настоящей работы.

Объект исследования – русская языковая картина мира в интернет-фольклоре эпохи Covid-19 с позиции носителя китайского языка.

Предмет исследования – особенности репрезентации и интерпретации русской языковой картины мира коронавирусной эпохи в фольклорных текстах в восприятии носителей китайского языка.

Цель работы заключается в описании русской языковой картины мира коронавирусной эпохи в фольклорных текстах с позиции китайской лингвокультуры. Для ее достижения были решены следующие задачи:

1. Раскрыть понятие языковой картины мира, провести анализ её ключевых подходов и классификаций, а также определить место русской языковой картины мира в общем типологическом ряду;
2. Описать исторические предпосылки и современные особенности формирования русской языковой картины мира, выявив её культурно-ценностные доминанты и символические репрезентации;
3. Определить специфику жанров интернет-фольклора, сформировавшихся в условиях пандемии Covid-19, включая мемы, интернет-пословицы, интернет-поговорки, «карантинки», хэштеги;
4. Проанализировать особенности функционирования интернет-пословиц, интернет-поговорок как форм актуализации языковой картины мира в цифровом пространстве;
5. Охарактеризовать фольклор русского языка с позиции носителя китайского языка;
6. Проиллюстрировать особенности русских фольклорных текстов эпохи пандемии Covid-19, определить, как они отразили изменения в русской языковой картине мира;
7. Выявить особенности лингвистической и лингвокультурной репрезентации пандемии в русских фольклорных текстах на фоне китайской

национальной традиции, а также определить специфику восприятия русской языковой картины мира коронавирусной эпохи носителями китайского языка.

Материалом исследования послужил сформированный автором двуязычный корпус интернет-фольклора коронавирусной эпохи общим объёмом 1200 единиц, включающий 600 русскоязычных и 600 китайскоязычных материалов. В состав корпуса вошли интернет-пословицы и интернет-поговорки – по 100 единиц каждого жанра на русском и китайском языках; интернет-мемы и «карантинки» – по 200 единиц на каждом языке; поликодовые тексты – по 100 единиц на каждом языке; хэштеги – по 100 единиц на каждом языке. Материалы относятся преимущественно к периоду 2020 – 2022 гг.. Подкорпусы поликодовых текстов и хэштегов охватывают период 2020 – 2021 гг.

Источниковую базу исследования составили открытые русскоязычные и китайскоязычные интернет-ресурсы: социальные сети и цифровые платформы, форумы, тематические сайты и пользовательские подборки, электронные новостные и аналитические издания, официальные ресурсы государственных и медицинских организаций, а также специализированные словари и архивные коллекции. В их числе использовались «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», «Новые слова и словари новых слов. 2020», Chinese-English Dictionary of Terms Related to COVID-19 и материалы коллекции Государственной публичной исторической библиотеки «Коронавирусный архив».

Отдельный эмпирический этап исследования был реализован методом анкетирования. В опросе приняли участие 200 респондентов – носители русского и китайского языков и информанты с различным уровнем владения русским языком. Результаты анкетирования использовались для анализа восприятия, понимания и эмоционально-прагматической интерпретации единиц интернет-фольклора пандемийной эпохи.

Гипотеза исследования заключается в том, что русский фольклор эпохи пандемии COVID-19 отражает национальную специфику языковой картины мира, выявляя характерные лингвистические и культурные механизмы, активизированные в условиях пандемии. Восприятие и интерпретация этих текстов

носителями китайского языка позволяют зафиксировать особенности межкультурной коммуникации и возможные различия в концептуализации пандемии.

При этом предполагается, что различия в интерпретации пандемийного фольклора обусловлены культурными доминантами: в русской языковой картине мира преобладают иронические, карнавальные и индивидуально-оценочные подходы, тогда как в китайской – нормативно-мобилизующие и коллективистские.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили труды российских, зарубежных и китайских учёных, посвящённые проблемам языковой картины мира, лингвокультурологии, фольклора, цифровой коммуникации.

Исследование опирается на фундаментальные работы, в которых язык рассматривается как средство концептуализации и интерпретации действительности, а также как форма выражения национально-культурного опыта.

В этом аспекте были проанализированы труды В. фон Гумбольдта (1984), Э. Сепира (1921), Б. Уорфа (1960), М. Хайдеггера (1986; 2001), Н. Ф. Алефиренко (1993), В. Б. Касевича (2004), Е. С. Яковлевой (1996), Н. Л. Чулкиной (2003), О. А. Корнилова (2003), Ю. С. Степанова (2001), А. А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелёва (2005), Х. Сарач (2016) и др.

Особое значение для исследования имели работы в области лингвокультурологии, в которых язык осмысливается как форма хранения и трансляции культурных смыслов, ценностных установок и моделей национального мировосприятия. В этой связи были учтены исследования В. И. Карасика (2002), Д. С. Скнарева (2014), М. К. Унежевой (2016), Е. Ю. Макаровой (2006), М. В. Ивановой (1998), Т. В. Маркеловой (2023) и др.

При анализе фольклорных текстов коронавирусной эпохи особое внимание уделялось исследованиям, посвящённым языковым и культурным изменениям периода пандемии, особенностям медийного и цифрового дискурса, а также функционированию новых форм интернет-фольклора. В данном аспекте были проанализированы труды С. А. Гадумовой (2011), коллективная монография

«Русский языка коронавирусной эпохи» (2021) под редакцией Е. С. Громенко, Н. В. Козловской, А. С. Павловой, М. Н. Приемышевой и Ю. С. Ридецкой, а также созданный на её основе «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (2021), работы китайских исследователей, посвящённые языковой репрезентации пандемии, трансформации коммуникации в условиях COVID-19, развитию сетевого языка и цифрового фольклора: Ч. Чэнь (2021), Ч. Ань, И. Фан (2021), С. Сюй (2020), Чжан, Чэнь (2020), И. Чжоу (2021), Ц. Хэ (2005), Л. Ван (2021) и др.

Методологическую основу исследования составили лингвокультурологический, сравнительно-сопоставительный, контент-аналитический, интерпретационный подходы, позволившие рассмотреть интернет-фольклор как репрезентативную форму языковой объективации. В работе использованы **методы** лингвокультурологического анализа, контент-анализа, элементы корпусного анализа, а также анкетирование и статистическая обработка эмпирических данных.

Поиск и отбор фольклорных единиц, анализируемых в исследовании, осуществлялись в открытом интернет-пространстве. Формирование выборки проводилось методом «снежного кома», предполагающим последовательное расширение круга источников: каждая найденная интернет-страница, содержащая релевантный материал, позволяла выявлять новые площадки с аналогичными единицами, что обеспечивало накопление и репрезентативность исследовательского корпуса [Вайсгербер, 1993].

Научная новизна исследования заключается в следующем:

в комплексном межкультурном анализе русской языковой картины мира в фольклорных текстах пандемийной эпохи COVID-19 на фоне китайской языковой традиции, в выявлении трансформационных процессов фольклора под влиянием цифровой среды. Исследование позволяет по-новому взглянуть на феномен языковой репрезентации глобальных ситуаций пандемического масштаба и расширяет теоретико-методологические основания изучения интернет-фольклора.

В рамках диссертационного исследования **впервые** предложено определение интернет-фольклора как совокупности фольклорных текстов и жанров,

функционирующих в цифровом медиапространстве, обладающих интерактивной природой, мультимодальной структурой, способностью к быстрой адаптации.

Впервые введены и теоретически обоснованы понятия мемов-мотиваторов и мемов-демотиваторов как особых разновидностей фольклорных единиц цифровой эпохи, которые рассматриваются как носители прагматических установок, отражающих эмоционально-оценочное отношение общества к происходящему, выполняющих регулятивную и компенсаторную функции.

Впервые описаны взаимосвязь и взаимовлияние между цифровыми медиа, фольклорными текстами, языковой картиной мира в условиях пандемии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русскоязычный интернет-фольклор периода COVID-19 выступает механизмом концептуализации кризисной реальности: пандемийная лексика, новые номинации, метафорические модели и трансформированные паремии фиксируют изменения повседневности и одновременно формируют её коллективную оценку в русской языковой картине мира.

2. Мемы-мотиваторы и мемы-демотиваторы представляют собой прагматически противопоставленные разновидности поликодового интернет-фольклора: первые реализуют поддерживающую, мобилизующую и регулятивную функции, вторые – критическую, ироническую и компенсаторную. Их разграничение определяется характером эмоционального воздействия и соотношением вербального и визуального кодов.

3. Общность пандемийной тематики не устраняет национально-культурной специфики её фольклорной репрезентации. Русскоязычные тексты тяготеют к иронии, карнавализации, языковой игре и выражению индивидуального переживания, тогда как китайскоязычные – к нормативности, коллективной ответственности, мобилизации и восстановлению социальной гармонии.

4. Пандемия обусловила системную трансформацию фольклорных текстов на семантическом, структурном, жанровом и функциональном уровнях: традиционные модели были переосмыслены посредством пандемийной лексики, а цифровая среда способствовала развитию мультимодальных форм, выполняющих

информативную, регулятивную, оценочную, солидаризирующую и психокомпенсаторную функции.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о динамике языкового сознания и языковой картины мира в условиях глобальных социокультурных трансформаций, вызванных пандемией COVID-19. Работа дополняет лингвистические и лингвокультурологические подходы данными о взаимодействии языка и культуры в цифровой среде, раскрывая роль интернет-фольклора в формировании и трансформации русской языковой картины мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в образовательных программах по лингвистике, культурологии и межкультурной коммуникации, а также в преподавании русского языка как иностранного: анализ воздействия пандемии на языковые картины мира предоставляет ценные данные для исследования современных форм фольклорной коммуникации, развития межкультурного взаимопонимания и подготовки специалистов в указанных областях.

Апробация исследования осуществлялась в форме докладов и сообщений на международных, всероссийских научных конференциях, проходивших в ведущих научно-образовательных центрах России (Москва, Казань, Тамбов, Ростов-на-Дону, Грозный) в 2022–2025 гг., включая конференции и научные семинары на базе Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, РУДН, Казанского федерального университета, ТГУ им. Г. Р. Державина, ДГТУ и др.

Основные теоретические и практические положения диссертационного исследования отражены в 14 научных публикациях, из которых 6 опубликованы в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, и 8 – в изданиях, индексируемых в РИНЦ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Структура данного исследования определена его целями и задачами. Настоящая работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, трех приложений.

Библиография содержит 181 наименований, в том числе 44 на иностранных языках, а также список словарей и энциклопедий из 16 наименований.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения русской языковой картины мира

1.1. Определение понятия «языковая картина мира»

Языковая картина мира – лингвокогнитивная модель, через которую язык хранит, передаёт и преобразует знания о действительности. Она формируется на базе категорий и значений языка (лексика, фразеология, грамматика) и задаёт правила категоризации опыта; ключевые номинации, устойчивые сочетания и поговорки выступают семантическими реперами интерпретации.

В рамках современной когнитивной лингвистики языковая картина мира рассматривается как центральное понятие, объединяющее исследования в области концептуальной метафоры, семантической деривации и фреймовой репрезентации знания. Согласно концепции Н. Ф. Алефиренко, языковая картина мира воплощает исторически сформированную совокупность концептов, вербализованных в определённых лексико-грамматических формах и отражающих этнокультурную специфику мировидения. Учёный подчёркивает, что «язык создаёт особую модель реальности, где синтаксические, морфологические и лексические структуры функционируют как средства концептуализации опыта» [Алефиренко, 1993: 35].

Так, категории времени, пространства, модальности или причинно-следственных отношений могут реализовываться по-разному в разных языках, что свидетельствует о глубокой типологической связи между языковыми средствами и системой культурных координат. Грамматические категории, например вид, залог или модус, задают не только формальные параметры высказывания, но и когнитивные ориентиры интерпретации ситуации. Лексико-семантические поля, отражающие национально-значимые концепты (например, «судьба», «доля», «воля» в русском языке), выполняют функцию смысловых доминант, репрезентирующих приоритетные для носителей категории мышления.

Языковая картина мира не отражает мир, а конструирует его интерпретацию средствами языка. Язык не только обозначает явления, но и структурирует их

восприятие, закрепляя в сознании носителя специфические когнитивные шаблоны и ценностные ориентиры.

Е. С. Яковлева определяет языковую картину мира как уникальную систему познания, закреплённую в языке и отражающую специфику восприятия действительности конкретным языковым сообществом. По её мнению, «язык служит не только средством коммуникации, но и инструментом формирования когнитивных моделей, через которые носители интерпретируют окружающий мир. Такие модели, воплощённые в лексике, грамматике и культурных конвенциях, позволяют идентифицировать особенности мышления и аксиологические ориентиры, характерные для определённой языковой общности» [Яковлева, 1996: 42–43].

В. Б. Касевич развивает данную концепцию, вводя термин «языковые знания» - систему смысловых структур, закодированных в лексико-семантических оппозициях (например, *свет – тьма, добро – зло*) и грамматических категориях. Учёный подчёркивает, что «такие структуры не пассивно фиксируют действительность, а активно формируют картину мира. Например, наличие в языке определённых грамматических категорий, отсутствующих в других языках, задаёт носителям специфические способы категоризации явлений, влияя на особенности концептуализации и интерпретации» [Касевич, 2004: 21–23].

Х. Сарач обращает внимание на то, что языковая картина мира представляет собой совокупность представлений, воплощённых в языковых знаках (лексемах, фразеологических единицах) и синтаксических конструкциях. Согласно его позиции, язык не ограничивается отражением объективной реальности, а формирует систему когнитивных и культурно обусловленных фильтров, через которые эта реальность осмысливается. Так, метафорические выражения (время течёт, любовь горит) не только номинируют абстрактные явления, но и задают интерпретационные модели, отражающие коллективный опыт и культурную специфику [Сарач, 2016: 17–25].

В рамках лингвокультурологического подхода языковая картина мира рассматривается как динамическая семиотическая система, формирующаяся под влиянием трёх ключевых факторов:

- исторического опыта – устойчивых языковых паттернов, передающихся в процессе языковой традиции;
- культурных констант - ценностей, символов и ритуалов, закреплённых в лексиконе и дискурсе;
- коммуникативных моделей – способов речевого взаимодействия, характерных для конкретного этнолингвистического сообщества.

Такой синтез обуславливает тот факт, что каждый язык, несмотря на универсальные свойства человеческой речи, остаётся уникальным средством концептуализации и вербализации коллективного опыта, интегрируя в себе логико-когнитивные установки, культурную память и этническую идентичность.

Таким образом, многоуровневая структура языковой картины мира, объединяющая когнитивные и культурно-языковые компоненты, позволяет рассматривать язык не только как средство коммуникации, но и как когнитивный инструмент, организующий процессы познания, категоризации и интерпретации действительности, что делает его центральным объектом изучения в когнитивной и культурно ориентированной лингвистике.

Концепт языковой картины мира был введён в научный дискурс Б. Л. Уорфом в контексте разработки гипотезы лингвистической относительности [Уорф, 1960: 183–198]. Согласно его взглядам, структура родного языка оказывает непосредственное влияние на мышление, восприятие и способы взаимодействия субъекта с окружающим миром. Уорф подчёркивал, что грамматические категории и лексические средства (например, *наличие категории рода, система времён*) формируют своеобразные когнитивные фильтры, через которые происходит концептуализация опыта. Так, в языках, где отсутствует морфологически выраженное будущее время (как, например, *в языке хопи*), носители выстраивают иные способы репрезентации временных отношений, чем в языках с развитой

временной парадигмой. Эта идея иллюстрирует роль языка как медиатора между сознанием и миром, задающего специфическую оптику восприятия.

И. Л. Чулкина подчёркивает, что «языковая картина мира представляет собой отражение национальной ментальности, зафиксированной в системе знаков, символов и смыслов, благодаря чему язык выполняет функцию посредника между мышлением и культурой» [Чулкина, 2003: 175]. Такая интерпретация акцентирует внимание на роли языка как инструмента вторичной номинации, через который осуществляется репрезентация коллективного сознания.

Современная лингвистика трактует языковую картину мира как систему концептуальных представлений о действительности, формирующихся в сознании носителей под воздействием языковой структуры и культурно-исторического контекста. Система включает лексико-грамматические средства и устойчивые когнитивные схемы, отражающие национально-специфические способы категоризации и осмысления мира. Посредством семантических категорий и грамматических маркеров язык фиксирует опыт осмысления пространства, времени, объектов и взаимодействий.

Центральным направлением исследования языковой картины мира выступает анализ взаимодействия языковых форм и когнитивных механизмов. Так, наличие множественного числа у существительных, не имеющих естественной множественности (например, *небеса*, *сутки*), может отражать символическое мышление и исторически сложившиеся представления. Аналогично, развитая система лексем в области цветообозначения (например, *различение голубого и синего как отдельных цветов*) указывает на степень детализированности перцептивного восприятия в той или иной лингвокультуре. Эти наблюдения подтверждают тезис о том, что язык не является зеркальным отображением действительности, а выступает активным механизмом концептуализации, формирующим рамки когнитивной деятельности и структурирующим индивидуальный и коллективный опыт.

Национально-культурная специфика языковых картин мира отчётливо проявляется в явлении безэквивалентной лексики - единиц, не имеющих точных

лексико-семантических соответствий в других языках. Характерным примером может служить русская лексема *родина*, обладающая высокой степенью аксиологической и эмоциональной маркированности. Несмотря на наличие этимологически родственных слов в других славянских языках, их семантика существенно расходится с русским концептом. Так, в украинском, белорусском, чешском, словацком и польском языках лексемы, соотносимые по корню, преимущественно обозначают понятие *семья*; в сербохорватском и словенском - *плодородие, урожай*; в болгарском - *место рождения*. Эти семантические расхождения иллюстрируют способность лексических единиц кодировать уникальные культурно-исторические смыслы, закрепляя национально-специфические концепты в языковом сознании и способствуя формированию этнической идентичности.

Китайский язык, обладающий древней письменной традицией и уникальной иероглифической системой, представляет собой особый тип языковой репрезентации концептов. Письменность, основанная на идеограммах (*ханьцзы*), предполагает графическое кодирование смыслов, что позволяет передавать не только лексическое значение, но и культурную символику. Так, иероглиф 爱 (*ài*) выражает концепт *любовь*, а 和 (*hé*) - *гармония*, репрезентируя ключевые ценности традиционной китайской культуры. Подобные графемы функционируют как носители культурного кода, демонстрируя взаимосвязь между лингвистической формой и концептуальным содержанием.

Языковая картина мира формирует модели восприятия и интерпретации действительности, а также определяет специфику вербальной коммуникации. Лексико-семантический уровень языка играет особую роль в выражении оценочных и эмоциональных состояний: концепты, значимые для определённой лингвокультуры, закрепляются в языковом сознании через устойчивые семантические структуры. Это обуславливает наличие культурно-специфических способов выражения эмоций и ценностных ориентаций.

Так, в русской языковой картине мира особое место занимает концепт душа, который выступает универсальным символом внутреннего мира человека, включающим эмоциональные, духовные и экзистенциальные аспекты. Фразеологизмы *глубокая душа, от всей души, душа болит* фиксируют тесную связь эмоционального опыта с ментальными представлениями, укоренёнными в лингвокультуре. Ещё одной семантически насыщенной единицей является слово *тоска*, обозначающее комплексное психоэмоциональное состояние, сочетающее грусть, утрату, ностальгию и экзистенциальную неудовлетворённость. Отсутствие полной семантической эквивалентности данного концепта в других языках подтверждает его культурную и ментальную уникальность, затрудняющую адекватную переводческую интерпретацию.

В лексико-семантической системе китайского языка термины, обозначающие эмоции и межличностные отношения, демонстрируют высокую степень культурной маркированности. Так, лексема 热闹 (*rènaò*), традиционно переводимая как «оживление» или «шум и гам», репрезентирует не только описание активной социальной среды, но и выражает позитивную эмоциональную реакцию, возникающую в условиях коллективного взаимодействия. В отличие от русской семантики, где шум может иметь негативную коннотацию, в китайской языковой картине мира 热闹 функционирует как положительно оценочная единица, закреплённая в национальном концептуальном пространстве.

Понятие языковой картины мира получило широкое распространение в лингвистике XX века, в частности – в трудах американских исследователей, переосмысливших положения гипотезы лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Л. Уорфа [Демьянков, 1995: 242]. Согласно данной гипотезе, грамматическая и лексическая структура языка влияет на процессы категоризации и концептуализации опыта. Существенный вклад в развитие концепции языковой картины мира внесла школа Й. Л. Вайсгербера. Учёный рассматривал язык как медиатор между человеком и миром, подчеркивая его активную мировоззренческую функцию. С его точки зрения, язык формирует особую

«предязыковую» установку сознания, предопределяя способы мышления и восприятия [Вайсгербер, 1993: 78].

В процессе изучения структур языковой картины мира выявляется её многоуровневая организация, отражающая систему взаимосвязанных семантических и категориальных координат. Пространственные параметры, выраженные через оппозиции верх / низ, право / лево, восток / запад, близость / отдалённость, формируют первичную ориентацию восприятия. Временные категории реализуются через бинарные конструкции типа день – ночь, зима – лето, структурируя хронологическое восприятие действительности. К числу универсальных когнитивных оппозиций также относятся этические дихотомии (*добро / зло*), количественные параметры (*много / мало, единичное / множественное*) и аксиологические шкалы. Подобная семантическая организация указывает на множественность способов концептуализации реальности в разных языках и культурах.

Формирование языковой картины мира обусловлено не только лингвистическими механизмами (лексико-грамматической системой, словообразовательными моделями, прагматическими установками), но и экстралингвистическими факторами: культурной традицией, ментальными установками, формами социального взаимодействия, историческим опытом. Комплексный подход к описанию картины мира представлен в работах Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телии, Е. С. Кубряковой, которые акцентируют внимание на интеграции лингвистических и когнитивных параметров в структуре языкового сознания [Арутюнова, 1999; Телия, 1996; Кубрякова, 2004].

Итак, языковая картина мира – системная модель, объединяющая знания, ценности и способы когнитивной ориентации, включающую в себя совокупность вербализованных знаний, ценностей и способов когнитивной ориентации, обусловленных как внутренними структурными свойствами языка, так и внешними культурно-историческими условиями его функционирования.

Национально-исторический опыт языкового коллектива находит отражение на всех уровнях языковой системы – от фонетико-морфологического до

дискурсивного, что приводит к формированию устойчивых этнокультурных когнитивных моделей. Как отмечает В. А. Маслова, такие модели являются результатом длительного взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов, в результате чего язык приобретает статус коллективной ментальной репрезентации, через призму которой осуществляется интерпретация действительности [Маслова, 2001: 70–71]. В данном контексте язык реализует не только коммуникативную, но и гносеологическую и мировоззренческую функции, выступая неотъемлемым механизмом осмысления мира и ключевым элементом этнокультурной идентичности.

В исследовании О. А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» особое внимание уделяется принципу множественности, рассматриваемому как методологическая основа интерпретации феномена языковой картины мира. Учёный выделяет три уровня её репрезентации: 1) научную картину мира; 2) национально-языковую репрезентацию действительности; 3) индивидуально-психологическое восприятие [Корнилов, 2003: 2]. Согласно данной концепции, языковая картина мира формируется как результат культурно-обусловленных когнитивных операций и отражается в лексико-семантической, грамматической и концептуальной организации языка, репрезентируя специфический способ мировидения, характерный для данной этнолингвистической общности.

Изучение языковой картины мира нередко осуществляется в сопряжении с анализом научной картины мира, что обусловлено необходимостью дифференциации способов концептуализации реальности. В этом контексте особое внимание уделяется категории национальной языковой картины мира, которая приобретает статус самостоятельного объекта лингвистического исследования. В культурно-языковом аспекте данная категория выполняет двойственную функцию: с одной стороны, она служит источником лингвистических данных, с другой – представляет собой инструмент реконструкции ментальных установок и ценностных ориентиров этноса, включая специфические способы категоризации, интерпретации и оценки явлений.

Современная лингвистика демонстрирует разнообразие подходов к определению термина *языковая картина мира*. В рамках научного дискурса подчёркивается её комплексный характер, охватывающий лексико-семантическую организацию языка, его влияние на формирование этнически обусловленного мировосприятия, а также участие в структурировании когнитивных моделей. Наряду с этим существует альтернативный подход, предполагающий рассмотрение языковой картины мира в соотношении с внеязыковыми формами осмысления действительности. В данном случае она трактуется как целостная знаковая система, интегрирующая лексические, фразеологические и грамматические средства репрезентации, формирующие вторичную, интерпретативную модель мироздания. Употребляемые в ряде исследований синонимические обозначения - промежуточный мир языка, языковая репрезентация универсума - акцентируют внимание на медиативной и динамической природе данного феномена, связывающего объективную реальность с субъективным языковым её отражением.

В рамках методологии, разработанной В. А. Масловой, исследование языковой картины мира предполагает трёхаспектный подход: 1) анализ специфических концептов, свойственных конкретной языковой системе; 2) выявление универсальных концептуальных структур; 3) рассмотрение языковой картины мира как целостной системы, обладающей чертами «наивного» мировосприятия. Развивая это направление, Ю. Д. Апресян вводит понятие наивной картины мира, определяя её как донаучную форму когнитивной репрезентации действительности, нередко искажающую объективные закономерности в процессе языкового осмысления [Апресян, 1995: 250]. Исследование семантики языковых единиц в таком ракурсе позволяет реконструировать внутренние когнитивные модели, на которых базируется обыденное мышление.

Формирование ошибочных представлений в рамках «наивной» картины мира - естественный этап когнитивного развития, при этом такие представления могут сохраняться в языке на протяжении длительных исторических периодов. В отличие от неё, концептуальная (или научная) картина мира подвержена более динамичным

изменениям под влиянием новых эмпирических знаний. Ярким примером архаичной когнитивной модели, зафиксированной в языке, может служить фразеологическая единица *воспарить душой*, восходящая к мифологическим представлениям о душе как субстанции, покидающей тело. Подобные выражения вступают в противоречие с современными научными взглядами, однако продолжают функционировать в речевом употреблении как элементы устойчивых семантических схем [Маслова, 2001: 70 –71].

Проблематика динамики языковой картины мира подробно освещается в исследованиях В. Б. Касевича. Учёный указывает, что семантические структуры языка фиксируют следы исторической трансформации: элементы, утратившие актуальность, продолжают функционировать в качестве реликтов вследствие инерционности языковой системы. Языковые единицы, подвергаясь переосмыслению, формируют новые значения на базе прежних сем, что может вызывать внутренние противоречия между архаичными элементами, современной семантикой и актуальными когнитивными установками. Эти противоречия проявляются как в текстах, создаваемых носителями языка, так и в типичных моделях речевого и концептуального поведения [Касевич, 2004: 64].

Таким образом, языковая картина мира выступает не только как способ вербализации знания, но и как структурирующий элемент ментального пространства этноса. Она отражает когнитивную историю народа, сохраняя в себе как актуальные, так и устаревшие представления, и обеспечивает преемственность лингвокультурной традиции.

Языковая картина мира отражает способы взаимодействия человека с окружающей действительностью, включая природное пространство, животный мир и самоидентификацию субъекта в структуре мироздания. Формирование поведенческих норм и когнитивных установок, обеспечивающих целостное восприятие реальности, осуществляется через призму языковых структур. Каждый язык представляет собой уникальную систему категоризации и концептуализации мира, выражающую совокупность значений, формирующих своеобразную

коллективную «*онтологию*», усваиваемую носителями в процессе языковой инкультурации.

Функциональная роль языка, таким образом, заключается не только в передаче информации, но и в структурировании когнитивного опыта, специфичного для конкретного лингвокультурного сообщества. Эта система знаний реализуется в языковой форме - в лексике, грамматике, фразеологии и дискурсивных моделях, формируя «пространство значений», в котором закреплены культурно значимые концепты. В этом аспекте языковая картина мира представляет собой «системное отражение коллективного опыта, закреплённого в языковых формах и воспроизводимого в процессе коммуникации» [Леонтьев, 1961: 61].

Как отмечает Л. В. Толстикова, концепт «*языковая картина мира*» в научном дискурсе трактуется как метафорическая модель, фиксирующая особенности когнитивного восприятия через призму национального языка. При этом специфика языковой системы не формирует для её носителей принципиально иную реальность, а задаёт культурно маркированные акценты в интерпретации объектов и явлений. Эти акценты формируются под воздействием ценностных приоритетов, доминирующих в языковом сообществе, и повседневных моделей поведения, укоренённых в исторически сложившихся формах деятельности [Толстикова, 2012: 12–15].

В современной лингвистике сохраняется исследовательский интерес к уточнению содержания термина «*языковая картина мира*», который интерпретируется как система коллективных представлений о мире, формируемых в сознании носителей языка на основе лингвистических механизмов категоризации. Особую значимость приобретают два методологических подхода к анализу языковой репрезентации действительности. Первый из них ориентирован на реконструкцию наивной языковой картины мира, репрезентирующей донаучную форму когнитивного освоения действительности. В этой модели лексические единицы функционируют как носители эмпирического знания, отражающего базовые представления о структуре мира. Второй подход, разработанный Н. Н.

Болдыревым, основан на идее языковой модели конфигурации знаний, в которой язык выступает как система ментальных координат, формирующая абстрактную структуру интерпретации и категоризации феноменов окружающего мира [Болдырев, 2009: 342]. Согласно его концепции, в языке зафиксирована устойчивая система знаний, играющая роль когнитивного ориентира в процессе осмысления и номинации.

Национальная языковая картина мира, наряду с универсальными формами репрезентации действительности, обладает культурно-специфическими чертами, обусловленными историко-культурной эволюцией языкового коллектива. Её уникальность проявляется на различных уровнях языковой системы: в семантике лексических единиц, в грамматических категориях, в идиоматике и в структуре базовых концептов, репрезентирующих значимые фрагменты мира. В этом контексте языковая картина мира функционирует как динамический механизм, обеспечивающий как когнитивное моделирование действительности, так и создание целостной образной картины мира.

В трудах Ю. С. Степанова язык интерпретируется как полифункциональное явление, выходящее за пределы исключительно коммуникативной функции. Исследователь подчёркивает роль языка в материализации коллективного познавательного опыта, репрезентирующего историко-культурные, географические и ментальные особенности этнического сознания [Степанов, 2001: 54]. В рамках данной концепции формирование национальной языковой картины мира осуществляется посредством процессов концептуализации и категоризации, находящихся выражение в лексико-грамматических и дискурсивных структурах естественного языка. Значительный вклад в развитие представлений о русской языковой картине мира внёс труд Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования», в котором демонстрируется внутренняя связь между языковыми формами, культурными смыслами и историко-ценностным наследием.

Исследование универсальных концептов, репрезентированных в различных лингвокультурах, представляет собой одно из ключевых направлений современной

лингвистики. Анализ таких концептов позволяет выявить инвариантные когнитивные структуры, составляющие базис языковой картины мира. Эти структуры реализуются в конкретных языковых формах, несущих культурно обусловленное семантическое наполнение.

Языковая картина мира как лингвокогнитивная конструкция объединяет различные уровни репрезентации действительности – от универсальных до этноспецифических – и становится основой моделирования концептуального пространства. Глубокий анализ процессов категоризации и концептуализации позволяет уточнить механизмы формирования мировидения, зафиксированного в языковой системе. Эти механизмы отражают взаимосвязь когнитивных моделей с культурными матрицами конкретного языкового коллектива и обеспечивают динамичное обновление языковой модели мира в условиях изменяющегося культурного и социоисторического контекста.

Ключевыми когнитивными процессами, обеспечивающими формирование языковой картины мира, являются категоризация и концептуализация. Они определяют способ организации знаний в сознании носителей языка и предопределяют лингвистическую объективацию опыта. Взаимодействие этих процессов с прагматическими и культурными параметрами функционирования языка способствует формированию когнитивного содержания, лежащего в основе мировосприятия. Включение лингвистических, психологических и культурных компонентов в структуру языкового сознания позволяет синтезировать коллективный опыт и концептуализировать традиционно значимые фрагменты действительности.

В научном дискурсе понятие языковая картина мира допускает поливариантную интерпретацию. Так, Н. Д. Арутюнова определяет её как «комплекс языковых средств, с помощью которых осуществляется вербализация мировоззрения носителей языка, что является неотъемлемой частью когнитивной структуры» [Арутюнова, 1999: 72]. Е. С. Кубрякова рассматривает языковую картину мира как «подсистему языка, служащую механизмом вербализации многомерной реальности, в которой каждый язык формирует свою уникальную

модель мира посредством лексических и грамматических средств» [Кубрякова, 2004: 48]. Согласно В. Н. Телии, языковая картина мира формируется не только средствами языковой системы, но и под влиянием культурных факторов, определяющих способы восприятия и интерпретации окружающей действительности [Телия, 1996: 34].

В.М. Шаклеин вводит понятие «лингвокультурного образа» как особого когнитивного образования, «которое представляет собой динамическое и диахроническое семантическое поле, включающее ядро и периферию, отражающее историческую изменчивость языковой картины мира» [Шаклеин, Афшар, 2022: 78]. Таким образом, языковая картина мира предстает у Шаклеина как подвижная структура, формирующаяся в пространстве ценностей и смыслов.

О.В. Ломакина рассматривает паремиологическую картину мира как «составляющую национальной картины мира», реконструкция которой «не только помогает воспроизвести лингвокультурологическую информацию, показав менталитет народа и его ценностные ориентиры, но и выявляет концентр паремиологического фонда языка» [Комова, Ломакина, 2019: 78]. В её интерпретации пословицы и поговорки выступают в качестве устойчивых формул коллективного сознания, транслирующих культурные ценности.

А.С. Мамонтов, исследуя концепт «прошлое» в русской языковой картине мира, подчёркивает, что его ценностный компонент формирует «двухполюсную зону, внутри которой сосуществуют две группы поведенческих норм», что отражает специфику национального языкового сознания [Мамонтов, Жукова, Столярова, 2021: 42]. Такой подход демонстрирует аксиологическую многослойность языковой картины мира, где противоположные ценностные установки интегрируются в единую когнитивную структуру.

Значимым направлением современного анализа является типологизация языковых картин мира – от этнонациональных до социокультурных и профессионально-групповых. Каждый тип формируется под влиянием историко-культурных условий, репрезентируя особенности коллективного сознания, системы ценностей и когнитивных предпочтений конкретного сообщества. Эти

типы фиксируют специфические параметры интерпретации, включая иерархию значимых концептов, структуру понятийного пространства и способы языковой объективации.

Лингвистические исследования фиксируют множественность форм языковых картин мира в зависимости от субъектной позиции восприятия. Формирование индивидуальной языковой картины мира, как подчёркивает Е. Н. Постовалова, связано с тем, что отражение действительности опосредуется личным когнитивным опытом, жизненным контекстом и мировоззренческими установками: «Сложность формирования индивидуальной картины мира обусловлена взаимодействием человека с окружающим пространством, где отражение действительности приобретает уникальные черты» [Постовалова, 1988: 85].

Этническая языковая картина мира, выступая базовой когнитивной матрицей, интегрирует элементы национального и личностного мировосприятия. В рамках типологии коллективных картин выделяются этнические, социальные, территориальные, профессиональные и возрастные модели.

Анализ языковой картины мира с позиции объекта отражения предполагает разграничение уровней абстракции. Первый уровень охватывает универсальные мировоззренческие модели – мифологические, религиозные, философские и научные концепции. Второй уровень связан с локализованными когнитивными системами – профессиональными, терминологическими и дисциплинарно обусловленными, в рамках которых осуществляется языковая репрезентация отдельных фрагментов действительности: физической, химической, биологической и иных [Климкова, 2007].

Множественность культурных картин мира, характерных для различных этнических сообществ, отражает глубинные различия в концептуализации и интерпретации действительности. Этот феномен играет ключевую роль в сохранении культурно-языкового наследия и обеспечивает устойчивость этнической идентичности. Исследование лингвокультурных моделей позволяет выявить корреляцию между языковыми структурами и аксиологическими приоритетами, лежащими в основе национальных когнитивных установок.

Так, как отмечает Д. С. Скнарев, аксиологическая организация русской и немецкой языковых картин мира демонстрирует противоположные когнитивные ориентации: «первая выражает коллективистскую направленность, в то время как вторая – индивидуалистическую, что проявляется как на уровне ключевых концептов, так и в структуре речевого поведения» [Скнарев, 2014: 255]. Эти различия обуславливают специфику языковых мировидений, формируя особые способы концептуализации межличностного и социокультурного опыта.

Таким образом, языковая картина мира определяется как лингвокогнитивная модель, в рамках которой язык не столько отражает реальность, сколько конструирует её интерпретацию средствами лексики, фразеологии и грамматики. Показано, что грамматические категории (вид, залог, модальность), лексико-семантические поля и паремиологический фонд выступают «реперами» категоризации, а модели концептуальной метафоры и фреймирования задают устойчивые схемы осмысления опыта. ЯКМ имеет многоуровневую структуру: универсальные оппозиции (пространственно-временные, оценочные) образуют базовый каркас, на который наслаиваются этноспецифические смыслы, выявляемые, в частности, через безэквивалентную лексику и культурно значимые концепты (рус. *родина, душа, тоска*; для сопоставления – кит. 爱, 和, 热闹). Учитывается и дихотомия «*наивной*» и «*научной*» картин мира: язык сохраняет реликтовые представления и одновременно переосмысливает их, что объясняет семантическую динамику и внутренние напряжения системы. В качестве рабочей дефиниции принимается следующее: языковая картина мира – это совокупность вербализованных концептов и категорий, которые организуют процессы концептуализации и категоризации опыта в русском языке (с привлечением сопоставительных данных), обеспечивая хранение, передачу и обновление коллективного знания. Эта установка определяет методику дальнейшего анализа лексики, фразеологии и паремий в последующих параграфах.

1.2. Методология исследований русской языковой картины мира в период пандемии

Современное научное осмысление последствий пандемии COVID-19 привело к формированию нового исследовательского направления, охватывающего лингвистические, культурные и медийные трансформации, связанные с так называемой *коронавирусной эпохой*. Этот термин закрепился в ряде работ как обозначение особого социокультурного этапа, охватывающего период с 2020 по 2022 годы.

Научные публикации, такие как коллективное исследование под редакцией Е.С. Громенко, Н.В. Козловской, А.С. Павловой, М.Н. Приемышевой и Ю.С. Ридецкой *«Русский язык коронавирусной эпохи»* и *«Словарь русского языка коронавирусной эпохи»* указывают: «К концу 2020 года – времени начала работы над словарем – сложилась определенная норма для обозначения ключевых понятий эпохи – коронавируса и ковида, закреплённая решением Всемирной организации здравоохранения от 11 февраля 2020 г.: официальное наименование заболевания – COVID-19 (буквенно-цифровая аббревиатура – COronaVIrus Disease 2019, буквально: заболевание 2019 г., вызванное коронавирусной инфекцией). В письменных официальных источниках к концу 2020 года закрепились следующие наименования инфекции: новая коронавирусная инфекция, коронавирусная инфекция COVID-19. Принятые в разговорной узусе употребления слов ковид и коронавирус в синонимичных значениях совпадают в обобщенном значении, свойственном и названию вируса (коронавируса), и болезни, им вызванной, и соответствуют их официальному эквиваленту – коронавирусная инфекция COVID-19. Однако для краткости формулировок и в силу очевидности (в связи с тематикой Словаря) обозначаемых в словаре понятий используются более краткие номинации – коронавирус, коронавирусная инфекция. В редких случаях для обозначения болезни, особенно в сочетании с глаголами, возможно использование и разговорного наименования болезни – ковид (болеть ковидом, заразиться ковидом).» «Период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 стал широко

называться в СМИ коронаэпой, коронаэрой, коронавирусной эпохой, эрой ковида и т.п. Именно поэтому для обозначения периода пандемии в настоящей монографии выбрана метафора – «коронавирусная эпоха»[2021]. а также аналитические обзоры А.Ю. Бушева [Бушев, 2023] С.А. Гадумовой [Гадумова, 2021], подтверждающих устойчивость и актуальность этого понятия. Они указывают на то, что пандемия стала не только объектом медицинской и социальной мобилизации, но и мощным триггером лингвистических изменений, появления новых коммуникативных моделей и народных форм репрезентации происходящего.

В этом контексте показательным наблюдением М. Н. Лату и Ю. Р. Тагильцевой о том, что поликодовые тексты пандемийного дискурса выступают не только способом фиксации общественных настроений, но и инструментом формирования интерпретационных рамок происходящего: «поликодовые тексты в силу своей специфики являются не только способом выражения особенностей восприятия определённого факта представителями общества, но и инструментом формирования общественного мнения» [Лату, Тагильцева, 2021: 50]

В международной научной среде наблюдается рост интереса к феномену COVID-дискурса и его культурной проекции. Так, в работах А. Атабековой с соавторами [Атабекова и др., 2022], У. Агвоча [Агвоча, 2024]. Дж. Хиллс [Hills, 2021] подчёркивается, что пандемия вызвала формирование устойчивых фреймов, метафор и культурных нарративов, которые можно трактовать как отражение коллективного опыта в социальной ситуации пандемии.

Н.А. Купина исследует что «В ситуациях испытания в разных сферах коммуникации активизируются креативные речевые употребления, поддерживающие присущие русской лингвокультуре традиции языкового сопротивления. Для текстов современных массмедиа сквозной становится тема пандемии коронавируса» [Купина, 2021: 224].

Н.В. Козловская определяет, что «с первых дней распространения коронавирусной инфекции COVID-19 очевидным для человека стало ощущение страха, смертельной опасности и необходимости ему противостоять и

противодействовать, и, как следствие, подсознательным, ассоциативным лейтмотивом медийного дискурса стали ассоциативные образы войны, битвы, боя, фронта и т.д.» [Козловская, 2021: 234].

М. Н. Приемышевой отмечает, что «пандемия привела в действие механизмы словотворчества, в которых широко, ярко начали вербализовываться, материализовываться впечатления, ассоциативные образы и параллели (многие из них регулярные), возникающие у носителей языка.» [Приёмышева, 2021: 265].

В.А Козырев, В.Д. Чернях в своих исследованиях подчеркивают, что «фактор новизны, во все времена важный для развития лексикографии, определил и становление неологических словарей – одного из активно развивающихся в последние годы и наиболее подвижных типов лексикографических изданий» [Козырев, Чернях 2021: 215]. По их мнению, именно неологическая лексикография открывает особые возможности для осмысления «новой и новейшей истории» русской лексики и позволяет выявить новые грани меняющейся картины мира.

В.И. Карасик отмечает, что освещение эпидемии в средствах массовой информации позволяет выявить ценности, с одной стороны, определяющие картину мира современников, а с другой – демонстрирующие столкновение различных точек зрения [Карасик, 2020: 25].

Л.А. Араева и М.И. Федосеев замечают: «имя натурфакта в силу своей глобальной социальной значимости оказалось поддержанным деривационной системой русского языка, что привело к формированию новой национальной ЯКМ с новыми нормами поведения в обществе» [Араева, Федосеев, 2020: 8].

Т. В. Пушкарева определяет, что «одной из интересных и малоизученных реакций на ситуацию пандемии в нашей стране и за рубежом стал всплеск авторского и народного творчества в Интернет-пространстве и социальных сетях, отражающий новые драматические реалии человеческого существования в комических образах «карантинок», ставших моментальным «смеховым» ответом Интернет-сообщества на пандемию» [Пушкарева, 2022: 64].

В трудах китайских исследователей Ван Сяоянь, Сюй Хаоюй; Ван Хань; Сюй Синьцзянь; Чжан Липин, Лю Чжэньпин; Ань Чживэй; Фан Инь; Чжан Ян и Чэнь И была проанализирована русская языковая картина мира.

28 января 2020 года Лю Даньцин в своей статье «"新冠肺炎" (COVID-19) – само напрашивающееся сокращение» выдвинул два предложения: 1. Необходимо как можно скорее выработать единое сокращенное название; 2. "新冠肺炎" (Xīnguān fēiyán – Новая коронавирусная пневмония) является относительно наиболее подходящим сокращением». В комментарии информационного агентства «Синьхуа» «Можно ли упростить название эпидемии?» от 2 февраля 2020 года также подчеркивалось, что «крайне важно дать текущей эпидемии простое и запоминающееся название, такое как "非典" (атипичная пневмония – SARS)». 8 февраля 2020 года на пресс-конференции «Совместного механизма профилактики и контроля Госсовета КНР» официальный представитель объявил о временном названии пневмонии, вызванной новым коронавирусом, предписав использовать единое обозначение «新型冠状病毒肺炎» (Пневмония, вызванная новым коронавирусом) с сокращением «新冠肺炎» (Новая коронавирусная пневмония). С этого момента название «新冠肺炎» (COVID-19) стало основным названием, используемым в СМИ, в то время как другие наименования постепенно вышли из употребления.

Как отмечает Чэнь Цзыян, «с началом и распространением пандемии COVID-19 в начале 2020 года в общественной жизни появилось значительное количество знаковых лингвистических явлений» [Чэнь, 2021: 1672].

Исследователи подчёркивают, что особый контекст пандемийного периода выявил важность языка, ещё раз подтвердив его роль как инструмента коммуникации: только в процессе использования язык сохраняет свою жизненную силу [Ань; Фан, 2021: 51].

Отмечается также, что: «Пандемия и информационная повестка взаимосвязаны: пандемия влияет на повестку, а повестка, в свою очередь, воздействует на пандемию, становясь ее неотъемлемой частью. С одной стороны,

пандемия возникает из-за вируса, распространяется между людьми, угрожая здоровью и стабильности общества. С другой стороны, информационная повестка коренится в словах, распространяется через медиа, затрагивая основы общества. Именно так развивалась ситуация с момента вспышки COVID-19 в конце 2019 года. В интернете постепенно распространилось множество связанных с этим новых «неологизмов», на которые стоит обратить внимание» [Сюй, 2020: 113].

Другие авторы сообщают: «Дополнительные смысловые оттенки слов могут изменяться под влиянием социальных трансформаций и смены контекста, и это явление легко возникает в языковой реальности эпохи интернета» [Чжан; Чэнь, 2020: 72].

Чжоу Ицюань отмечает, что в период пандемии многие устоявшиеся слова получили новые значения, а также появилось значительное количество единиц, совпадающих по звучанию, но различающихся по значению и написанию [Чжоу, 2021: 4].

Ло Ваньци и Ван Цзяньхуа в своих исследованиях подчеркивают, что «новые прагматические явления языка, появившиеся на различных платформах во время пандемии COVID-19, не только объясняли происходящие процессы, описывали актуальные реалии и передавали современные концепции, но и инновационно достигали высокой эффективности выражения. Появление новых прагматических явлений основывается на символической и произвольной природе языка. Более того, новые прагматические явления могут формироваться разнообразными способами, возникать через различные каналы и представляться в многообразных формах. Поэтому, когда возникает коммуникативная потребность, люди могут создавать и адаптировать слова. Неологизмы часто остроумны и лаконичны, живы и интересны; они обладают сильной актуальностью и жизнеспособностью, значительно обогащая словарный запас современного китайского языка и удовлетворяя прагматические потребности людей в выражении мыслей и чувств в современном обществе» [Ло; Ван, 2022: 158].

Язык является верным летописцем эпохи. В условиях неотложных мер по сдерживанию COVID-19 появилось множество привлекающих внимание новых

прагматических явлений языка, представленных прежде всего популярными выражениями «сетевого сленга». Хэ Цзыжань исследует с точки зрения, что «язык обладает свойством меметического распространения. Языковые мемы отличаются сильной способностью к репликации, лаконичной формой и высокой скоростью распространения. Неологизмы и новые выражения следуют меметическим законам языка. Лишь прояснив механизмы репликации, распространения и развития новых прагматических явлений, можно непрерывно обогащать и развивать словарный состав современного китайского языка. В то же время языковые мемы реплицируют не только способы словообразования, но и заложенные в них культурные смыслы, особенно отражающие глубину и богатство китайской культуры» [Хэ, 2005: 54].

Как отмечают Ван Цзиньань и Ху Сюэсюэ, «пандемия COVID-19 стала самым масштабным событием в области общественного здравоохранения со времени основания КНР, характеризующимся самой быстрой скоростью распространения, самым широким охватом и наибольшими сложностями в сдерживании. В борьбе с эпидемией все слои общества объединили усилия. Важным методом пресечения путей передачи вируса стала самоизоляция населения. В этих условиях ежедневный мониторинг эпидемической обстановки в интернете стал частью повседневной жизни, а распространение сетевого языка взяло на себя две ключевые функции: передачу информации и межличностную коммуникацию» [Ван; Ху, 2022: 153].

Ван Хуэй делает заключения, что «Сетевой язык, используемый преимущественно в онлайн-среде, обладает гораздо более высокой частотностью по сравнению с традиционными СМИ. Широкие возможности интернета позволяют оперативнее реагировать на конкретные социальные события». [Ван 2019: 6]. Подобное внимание носит общественный характер и отличается высокой степенью открытости, что демонстрирует соответствие распространения сетевого языка запросам аудитории и его зависимость от них. Эта взаимосвязь неразрывна с ключевой семантической единицей «коронавирусная пневмония», что стало важной особенностью коммуникации в период пандемии.

По словам Ван Линь, «пандемия выступила в роли увеличительного стекла, высветив и усилив тенденцию к размыванию устной природы фольклора. Всеобщая самоизоляция полностью прервала традиционные способы его передачи – «изустную передачу от сердца к сердцу» и «из уст в уста». Однако фольклор не исчез, а обрёл новую жизненную силу: за считанные месяцы появилось огромное количество произведений, включающих пословицы, поговорки, анекдоты, народные песни, частушки, скороговорки. Можно утверждать, что уникальные условия создания фольклора в период пандемии способствовали его концентрированному всплеску.» [Ван, 2021: 71].

Замкнутое пространство усиливает эмоциональное воздействие, а вынужденное затворничество населения в период пандемии обострило чувство тревоги. Эмоциональная разрядка является изначальной функцией литературы, а фольклор служит носителем мыслей и чувств народа. Как указывает Ли Хуэйфан: «Это литература, но одновременно – часть народной жизни, один из способов выражения чувств». [Ли, 1999: 26]. Посредством фольклора люди получили возможность эффективно выражать и ослаблять негативные эмоции, вызванные пандемией COVID-19.

Как отмечает Лю Сяочунь в статье «Идеология современной народной песни»: «Подрывной характер, бескомпромиссность и сатиричность народной песни обуславливают её постоянную дистанцированность от господствующей идеологии, позволяя выполнять уникальную функцию формирования общественного мнения»[Ли, 2002:64]. Фольклор периода пандемии COVID-19, в отличие от обычно неофициального характера традиционного фольклора, демонстрировал позитивный отклик на официальную политику, отражая общенациональное единство в борьбе с эпидемией. Вслед за «периодом резонанса» авторской литературы начала 1980-х годов вновь наступила эпоха «фольклорного резонанса», когда литературный дискурс, политический дискурс и общественное мнение достигли высокой степени согласованности.

Произведения фольклора, получившие широкое распространение в сети, в результате коллективного отбора и переработки часто становятся совокупностью

личных взглядов, установок и убеждений значительной части общества по конкретной проблеме, приобретая эффект общественного мнения. Поэтому фольклорное произведение не только репрезентативно отражает настроения большинства населения, но и способно трансформироваться в публичное мнение, которое, выступая в роли параметра порядка, подчиняет себе различные частные мнения, формируя широкое единое общественное мнение и тем самым закрепляя свою позицию.

В культурном контексте современного Китая, несмотря на эволюцию форм распространения фольклора (от устной к письменной и далее к электронным медиа) и нынешние трудности, сохраняется его легитимность как локальной литературы, способной участвовать в культурном строительстве современного многонационального государства. Будучи концентратом коллективного сознания этнической группы, он несёт в себе культурные, политические, этические, моральные и идеологические смыслы нации или государства, «в конечном счёте становясь культурной основой политического национализма или идеологизированной властной риторикой политико-культурного национализма» [Люй, 2000:128]. Фольклор эпохи COVID-19, обладая новыми характеристиками, представляет собой уникальный пример фольклорного творчества в цифровую эпоху и служит важным ориентиром для формирования новой фольклорной традиции.

Таким образом, коронавирусная эпоха рассматривается как лингвокультурный и когнитивный феномен, актуализирующий новые формы языкового сознания. Это позволяет обоснованно включить её в теоретический аппарат настоящего исследования как социолингвистическую и фольклорно-речевую реальность.

Русская языковая картина мира, закреплённая в языке и культуре, объединяет уникальные лингвистические черты, влияющие на мышление, коммуникацию и мировоззрение носителей. «Изучение данного феномена в лингвистике охватывает анализ различных аспектов, включая семантику, грамматику и культурные контексты» [Климова, 2008: 57].

Богатство лексики и метафоричность русского языка позволяют детально описывать разнообразные явления действительности. Грамматическая система, включая изменение формы слов по падежам и числам, обеспечивает точность выражения мыслей без избыточных пояснений. Например, категория вида глагола передает завершенность или длительность действия через изменение корня («писать» – «написать»).

Большинство учёных подчёркивают, что язык и культура, находясь в постоянном взаимодействии, сохраняют самостоятельность как системы знаков. Так, Э. Сепир отмечал, что «язык и культура, хотя и тесно взаимосвязаны, всё же представляют собой автономные системы: язык не является просто средством выражения культуры, но и независимо от неё формирует способы восприятия и осмысления действительности» [Сепир, 2001: 154–155]. Ф. де Соссюр определял язык как «систему знаков, выражающих идеи, а не просто наименования вещей» [Соссюр, 1999: 65–67], подчёркивая его независимую когнитивную функцию. В свою очередь, М.М. Бахтин подчёркивал, что «язык неразрывно связан с культурой, но обладает собственной внутренней структурой, которая формируется в процессе диалогического взаимодействия» [Бахтин, 1979: 274]. Взаимозависимость языка и культуры формирует человеческий опыт, объединяя коммуникативное общение и ценностные ориентиры.

Фольклор представляет собой одну из фундаментальных форм коллективного художественного самовыражения, глубоко укоренённую в традиции и социальной жизни народа. С начала XX века фольклор изучается как особый тип устного народного творчества, в котором находят отражение «мировоззрение, историческая память, ценности и установки народа» [Виноградова, 1991: 34–37].

Как подчёркивает Ю. М. Соколов, «фольклор - это отзвук прошлого, но в то же время и громкий голос настоящего» [Соколов, 2007: 22]. В. П. Аникин даёт более социологизированное определение: «Фольклор – это форма общественного сознания, отражающая идеологию народных масс, их социальный опыт, чувства и устремления» [Аникин, 1987: 5]. По мнению А. Н. Веселовского, фольклорные

тексты «воспроизводят архетипические сюжеты, закрепляя коллективный опыт в устойчивых символических формах» [Веселовский, 1938: 112]. В более широком культурологическом смысле фольклор, по выражению Б. Н. Путилова, – это «форма сохранения и передачи этнической картины мира» [Путилов, 1994: 60] .

По утверждению С. Ю. Неклюдова, фольклорный текст следует понимать как «относительно устойчивую комбинацию элементов традиции, которая возникает при каждом отдельном исполнении»; он «не создается, а воссоздается», и каждое воссоздание отличается от предыдущего, складываясь заново [Неклюдов, 2002: 4].

К. В. Чистов предлагает определение фольклора как «совокупности структур, интегрированных словом, речью, вне зависимости от того, с какими несловесными элементами они связаны» [Чистов, 2005: 17]. В другой своей работе «Фольклор и культура этноса» Чистов уточняет понимание термина, подчеркивая, что «фольклором мы будем называть совокупность словесных текстов, вошедших в устную бытовую традицию того или иного этноса или – уже — какой-либо локальной, профессиональной и т. п. общности...», в то же время исключая из определения невербальные формы культуры: «...в термин "фольклор" мы будем вкладывать только такое содержание, оставляя в стороне обряды [...] народные знания, верования, изобразительное искусство и т. п.» [Чистов, 1986: 30].

Л. Н. Толстой в своих размышлениях о роли фольклора в духовной жизни народа писал: «Фольклор – это народное творчество, очень нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни. Фольклор включает в себя произведения, передающие основные важнейшие представления народа о главных жизненных ценностях: труде, семье, любви, общественном долге, родине. На этих произведениях должны воспитываться дети. Изучение фольклора может дать человеку знание о русском народе, и в конечном итоге о самом себе» [Толстой, 2000: 32].

Проблема адаптации фольклора в массовую культуру и новых коммуникативных форматах нашла отражение в работах Е. В. Гусева. Он определяет фольклоризм как «процесс трансформации народных традиций в массовой художественной самодеятельности и в художественных промыслах»,

отмечая также, что «широкое распространение приобретают различные формы репродукции и распространения произведений народного искусства средствами массовой коммуникации» [Гусев, 1997: 13-14].

Таким образом, русская языковая картина мира формирует многослойную, ментально и эмоционально насыщенную репрезентацию действительности, в которой особое место занимают представления о справедливости, обиде, душевной близости, межличностных отношениях, а также сакральные и культурные коды, укоренённые в фольклоре и религиозных традициях. Язык выступает не только инструментом коммуникации, но и средством концептуализации и структурирования опыта - как индивидуального, так и коллективного. Особенности русской лингвокультуры проявляются через ценностно ориентированные концепты, экспрессивно окрашенные формы обращения, эмотивные конструкции и способы выражения отношений, уникальные для носителей русского языка. Как показывает Т.В. Маркелова на примере анализа идиостиля М.Е. Салтыкова-Щедрина, экспрессивные формы смеха и сатиры в русском языке выполняют не только эстетическую, но и аксиологическую функцию, отражая моральные установки общества [Маркелова, 2023].

Фольклор, в свою очередь, выполняет функцию хранения и воспроизводства этнической картины мира, передавая культурно значимые смыслы через устойчивые формы текстов и нарративов. Комплексный анализ русской языковой картины мира позволяет глубже понять особенности национальной ментальности, раскрыть скрытые механизмы смыслообразования и зафиксировать самобытные концептуальные структуры, не имеющие эквивалентов в других языках. Это, в свою очередь, подчёркивает значимость лингвокультурологических исследований в контексте межкультурной коммуникации, перевода и когнитивной лингвистики.

Очевидно, в завершении данного параграфа представляется необходимым акцентировать внимание на многослойности и методологической сложности анализа русской языковой картины мира. Эта сложность обусловлена тем, что лингвокультурные концепты не существуют в изоляции: они репрезентированы в языке через сложные смысловые сети, включающие как лексические, так и

прагматические, дискурсивные и даже визуально-символические формы выражения.

Многоуровневый характер языковой картины мира требует применения интегративного подхода, сочетающего несколько исследовательских перспектив. Во-первых, необходимо углубление анализа, предполагающее переход от описания поверхностных семантических признаков концептов к их когнитивной реконструкции. Это включает выявление ментальных моделей и концептуальных структур, устойчиво воспроизводимых в языке и закреплённых в культурной памяти.

Во-вторых, продуктивным методологическим шагом является тематико-семантическая категоризация лексических единиц, представляющих ключевые концепты. Такой подход позволяет классифицировать лексемы по смысловым полям (например, «родство», «справедливость», «душа», «обида»), что даёт возможность выявить культурные доминанты и скрытые иерархии значений в пределах одного концептуального кластера.

В-третьих, особую актуальность приобретает мультимодальный анализ, направленный на изучение репрезентации концептов не только в вербальном, но и в визуальном, аудиальном и кинетическом регистре. Это особенно важно в условиях цифровой эпохи, где лингвокультурные смыслы всё чаще воспроизводятся через медиатексты – сериалы, фильмы, мемы, видеоконтент. Рассмотрение таких форм позволяет выйти за пределы традиционного текстоцентризма и включить в исследовательскую перспективу совокупность символических кодов, действующих в массовой культуре.

Наконец, необходимо включить в анализ уровень имплицитных репрезентаций, то есть тех смыслов, которые не выражаются напрямую, но манифестируются через контекст, интонацию, речевые тактики и прагматические установки. Именно на этом уровне проявляются глубинные установки лингвокультуры, связанные с национальной ментальностью, эмоциональной картиной мира и аксиологическими ориентирами.

Таким образом, анализ русской языковой картины мира должен носить многоуровневый и междисциплинарный характер, включая:

- когнитивную реконструкцию концептов;
- тематико-семантическую систематизацию лексики;
- мультимодальное рассмотрение современных форм репрезентации;
- прагматико-дискурсивный анализ имплицитных смыслов в медиакультуре.

Такой подход позволяет не только глубже раскрыть структуру и содержание русской лингвокультуры, но и продемонстрировать, как язык функционирует в качестве инструмента концептуализации, символической репрезентации и эмоционально-ценностного осмысления действительности.

1.3. Жанровая классификация фольклорных текстов периода пандемии COVID-19

Фольклор как значимая часть духовной культуры народа представляет собой важнейший элемент вербального и культурного наследия, формирующий этническую самоидентификацию и обеспечивающий преемственность традиций. Будучи одним из первичных способов репрезентации действительности средствами языка, фольклорное творчество выступает в качестве знаково-символической системы, в которой отражаются этнокультурные архетипы, бытовые ритуалы и мировоззренческие установки.

Современные лингвистические исследования рассматривают фольклор как особую форму речевого бытования, в которой языковая репрезентация сочетается с коммуникативной и эстетической функцией. Устные тексты народного происхождения – будь то сказки, пословицы, заговоры, частушки или эпические формы – функционируют в качестве вербальных маркеров этнической памяти и носителей культурно-языковых смыслов.

Как подчёркивает С.И. Ожегов, фольклор представляет собой «народное творчество, включающее обрядовые действия и устную словесность» [Ожегов, 2014: 322]. В рамках развёрнутой дефиниции Ю.М. Соколов определяет фольклор как «устное художественное творчество народа» [Соколов, 2007: 340], акцентируя внимание на его речевой природе. Близкую позицию занимает В.П. Аникин, подчёркивающий, что фольклор охватывает «совокупность устных произведений, в которых отражены быт, ценности и мировоззрение народа» [Аникин, 1987: 150]. Эти подходы позволяют рассматривать фольклор как сложный феномен, сочетающий в себе семантический, прагматический и культурологический уровни.

Эволюция форм фольклора сопряжена с изменениями социокультурной среды и жанровой дифференциацией. Наряду с традиционными жанрами складывались новые – трудовые песни, агитационные частушки, политические анекдоты, а также адаптированные формы эпоса. Развитие письменной речи и взаимодействие с литературными нормами привели к возникновению письменных

фиксаций фольклорных текстов, что, в свою очередь, отразилось на степени их кодификации и устойчивости. Как указывается в «Советской исторической энциклопедии», именно в процессе исторических трансформаций возникают новые формы фольклорного речетворчества, основанные на коллективной оценке действительности [Советская историческая энциклопедия, 1976: 1123].

Работы Л.О. Петуховой фиксируют инвариантные характеристики фольклора, сохраняющиеся в различных хронологических пластах: устность, вариативность, коллективный характер, а также наличие экспрессивных и образных средств в рамках жанровой структуры [Петухова, 2014: 210–211]. Устойчивость этих признаков позволяет говорить о фольклоре как об особой форме языкового сознания, в которой взаимодействуют мифопоэтическое мышление и коммуникативное поведение.

Авторы фундаментального издания «Русский фольклор» подчёркивают, что в его содержательном и стилистическом составе отражаются реалии труда, повседневной жизни, моральных норм и идей, свойственных определённым историко-культурным эпохам [Русский фольклор, 1956: 160]. Таким образом, фольклор может рассматриваться как один из способов фиксации лингвокультурных доминант, отражающих картину мира конкретного этноса.

Особый интерес представляет советский период развития фольклора, начиная с 1918 года, когда в условиях идеологической мобилизации формируется феномен политического фольклора, включающий в себя элементы сатиры, пародии и аллюзии. Народная антисистемная сатира эпохи приобрела форму спонтанного речетворчества, зафиксированного в частушках, афоризмах, иронических текстах, отражающих массовое восприятие событий. Эта разновидность фольклора становится специфическим видом речевой активности, отражающей отношение к власти и общественному устройству.

С точки зрения современной культурной лингвистики фольклор интерпретируется как текстовая форма, способная выявить процессы концептуализации действительности в языковом сознании. Его тексты представляют собой когнитивные матрицы, на основе которых осуществляется

репрезентация универсалий (жизни, смерти, добра, зла), а также специфических этнических констант. Вариативность фольклорных форм позволяет проследить трансформацию языковых средств в динамике, а также устойчивость определённых образов, мотивов и лексико-семантических моделей.

Отдельные авторы подчёркивают, что фольклор может быть рассмотрен как форма языкового реагирования на внешние события. В частности, в исследовании Н.А. Павлюк и М.М. Дубинец указывается, что фольклор представляет собой «вербальное выражение реакции человека на события его жизни, служащее индикатором восприятия и интерпретации окружающего мира» [Павлюк, Дубинец, 2021: 149]. Такой подход позволяет включить фольклор в более широкий лингвокогнитивный контекст, в котором важны не только жанровые характеристики, но и способы смыслопорождения.

Таким образом, фольклор выступает как один из ключевых компонентов языковой картины мира, обладающий мощным потенциалом в реконструкции национального лингвокультурного пространства. Его исследование в рамках филологии позволяет не только выявить специфику языковых процессов, но и зафиксировать динамику культурных смыслов, транслируемых средствами народного речетворчества.

О.И. Шабалин и И.А. Голованов в своих работах акцентируют внимание на значимости концепта фольклорного сознания в контексте анализа современного народного речетворчества. Данное понятие репрезентует духовно-когнитивную составляющую коллективного мировосприятия, в которой языковые образы формируют специфическую систему представлений о мире. Фольклорное сознание охватывает целостный семантический комплекс: модели пространственно-временной ориентации, структуру социальных взаимодействий, антропологические образы, а также представления о природе и жизни человека. Анализ фольклорных текстов в таком контексте позволяет реконструировать ментальные установки носителей языка, выявить идейные доминанты и символические коды, закреплённые в традиционной вербальной культуре [Голованов, 2009: 54].

Т.В. Чавро предлагает расширенную интерпретацию феномена фольклора, рассматривая его не только как совокупность вербальных жанров, но и как комплекс народных этнолингвистических традиций – обычаев, обрядов, этнолингвистических и этнопедагогических традиций. Исследователь подчёркивает, что современное фольклорное пространство включает в себя разнообразные формы: от песенных и хореографических элементов до игровых и воспитательных моделей, активно функционирующих в традиционной культуре [Чавро, 2020: 133].

А.Б. Бушев, в свою очередь, отмечает, что современное фольклорное поле развивается в рамках сообществ, объединённых по профессиональному, возрастному, субкультурному или иному признаку. Внутри этих микроколлективов формируются актуализированные жанры фольклора, включая разговорные формы, анекдоты, тексты песенного характера, а также вербальные конструкции, функционирующие в цифровом дискурсе. Значимым является появление новых семиотических форм – так называемого интернет-фольклора, включающего как традиционно-устные элементы, так и вербально-визуальные структуры: «кухонные беседы», семейные нарративы, интернет-романсы, магические обращения, цифровые анекдоты и иные речевые формулы, обусловленные изменяющимися условиями коммуникации [Бушев, 2018: 90–96].

Понятие интернет-фольклор определяется как совокупность текстов, возникающих и функционирующих преимущественно в электронной медиасреде [Загидуллина, 2015: 87]. Исследователи М.Д. Алексеевский, М.В. Загидуллина и др. связывают появление этого феномена с экспансией цифровых технологий и массовым распространением социальных платформ на рубеже XX–XXI веков, когда устные жанры начали адаптироваться к новым формам межличностной и публичной коммуникации [Алексеевский, 2010: 152; Загидуллина, 2015: 86].

И. Сулова анализирует «интернет-фольклор» как форму коммуникации, близкую к классическому фольклору, сохраняя при этом черты коллективности, вариативности и анонимности [Сулова, 2015]. А. Л. Фокеев рассматривает «интернет-фольклор пандемии» как продолжение традиций фольклора,

адаптированное к цифровым условиям [Фокеев, 2023]. Развивая концепцию интернет-фольклора, М.В. Загидуллина подчёркивает, что структура взаимодействия в цифровых сообществах воспроизводит признаки традиционного фольклорного речевого акта: обезличенность, коллективность, локальную релевантность и анонимность. Таким образом, интернет-коммуникация воспроизводит фольклорный тип речевого поведения, а цифровая среда приобретает черты виртуального социокультурного пространства [Загидуллина, 2015: 91].

Важнейшими характеристиками такого фольклора становятся меметичность, темпоральная гибкость, модальность высказывания, а также вовлечённость в актуальное медиаполе [Тростина, 2021: 72]. Это особенно наглядно проявилось в условиях пандемии, когда цифровая коммуникация заменила традиционные формы межличностного взаимодействия, породив поток визуально-вербальных текстов с ярко выраженной экспрессивной и аксиологической направленностью [Атабекова и др., 2022: 25].

В пределах цифрового пространства наблюдается тесное взаимодействие вербального, визуального и аудиального кодов, что ведёт к формированию новых жанровых форм: интернет-мемов, интернет-пословиц, вирусных анекдотов, медиалегенд, онлайн-мифов и пародийных текстов [Карабулатова, 2020: 92]. Эти формы не только сохраняют функцию эмоциональной регуляции и интерпретации событий, но и отличаются высокой степенью интертекстуальности, отражая особенности культурной рефлексии современного носителя языка.

Таким образом, современный фольклор в его традиционном и сетевом проявлениях представляет собой полифункциональный лингвокультурный феномен, в котором язык выступает одновременно как средство артикуляции коллективного опыта и как форма репрезентации культурной памяти. Изучение фольклора в рамках лингвистической парадигмы позволяет выявить трансформационные процессы в языковом сознании и проследить эволюцию жанров в условиях медиатизации культуры.

Анализ интернет-фольклорных текстов пандемийного периода позволяет выделить ряд новых жанров, возникающих в медиакommunikативной среде и отражающих реакцию носителей языка на радикальные социокультурные трансформации. Эти жанры обладают как вербальной, так и мультимодальной природой, сочетая традиционные черты устной народной словесности с технологическими возможностями цифровой коммуникации. Ниже представлены ключевые формы, получившие широкое распространение в условиях пандемийной реальности:

1. Интернет-мем – мультимодальный текстовый формат, интегрирующий изображение и краткое вербальное высказывание либо видеоряд с ироничным, сатирическим или пародийным содержанием. Мем сохраняет ряд фольклорных признаков: анонимность авторства, вариативность, коллективную переработку, интертекстуальность и широкое вирусное распространение. В современной фольклористике интернет-мем трактуется как разновидность «фольклорного вируса», обладающего высокой степенью тиражируемости и способного к экспрессивной трансформации в условиях онлайн-дискурса [Загидуллина, 2015; Тростина, 2021].

2. «Карантинка» – жанровая модификация комического текста малой формы, сформировавшаяся в период самоизоляции. Структурно «карантинка» может представлять собой графический коллаж, короткий видеоролик или текстовую миниатюру, отражающую реалии повседневной жизни в условиях карантина (изоляция, масочный режим, ограничение мобильности). Жанр выполняет компенсаторно-гигиеническую и адаптационную функцию, позволяя языковыми средствами преодолевать эмоциональное напряжение [Атабекова и др., 2022; Осмушина, 2023].

3. Хэштег – паралингвистический элемент цифровой речи, оформленный через символ «#» и представляющий собой метатекстовую единицу, агрегирующую тематически сходные сообщения. С точки зрения фольклористического анализа, хэштеги можно рассматривать как современные формулы-лозунги, выполняющие нормативно-регулятивную функцию и

обладающие вербальной устойчивостью (#оставайтесьдома, #масканадо). Они функционируют как элементы дискурсивной ритуализации и коллективного символического действия [Тростина, 2021].

4. Поликодовый текст – сложносоставной жанр интернет-фольклора, сочетающий в себе вербальные и невербальные коды (текст, изображения, эмодзи, аудиофрагменты). Яркими представителями этого жанра являются мотиваторы и демотиваторы. Мотиватор – визуально-текстовая конструкция с установочной (позитивной, мотивационной) прагматикой. Демотиватор апеллирует к иронии и сатирической интерпретации действительности, функционируя в русле народной смеховой культуры. Оба жанра эксплуатируют интертекстуальность, диалогичность и контекстуальную адаптацию, характерные для фольклорных форм [Сурикова, 2019; Карабулатова, 2020].

5. Пословица – жанр паремии, представляющий собой краткое, ритмически организованное и устойчивое в употреблении афористическое высказывание с обобщённым нравоучительным смыслом. По определению Большой советской энциклопедии, пословица характеризуется образностью, логической завершённостью и многозначностью на основе семантической аналогии. В Большом энциклопедическом словаре жанр определяется как афористически сжатое, грамматически оформленное и ритмически структурированное изречение [Прохоров, 1926]. В научной традиции отсутствует единое универсальное определение данного жанра.

6. Интернет-пословица – адаптированный вариант традиционной пословицы, отражающий новые реалии и испытания современности. В период пандемии активизировался процесс вторичной номинации и переосмысления фразеологического фонда: классические формулы претерпевали трансформации («Лучше дома сидеть, чем вирусом болеть»). Несмотря на обновлённое семантическое наполнение, интернет-пословица сохраняет структурную устойчивость, экспрессивность и культурную узнаваемость [Таюпова, Шарипова, 2021: 1038–1043].

7. Поговорка – краткое устойчивое высказывание, характеризующееся отсутствием обобщённого суждения, присущего пословице. Согласно БЭС. Языкознание, поговорка оформляется как грамматически завершённое предложение, зачастую с буквальным планом содержания [БЭС. Языкознание, 1998: 379]. В.И. Даль проводит чёткое различие между пословицей и поговоркой, определяя последнюю как «иносказание, но без суждения, заключения, применения» и называя её «цветочком» по сравнению с «ягодкой» – пословицей [Даль, 1998: 239].

8. Интернет-поговорка – продуктивная единица интернет-фольклора, характеризующаяся краткой вербальной формой, неполной структурой и выражением бытовой рефлексии или поведенческой установки. Особенно популярны антипоговорки, эксплуатирующие иронический или сатирический потенциал высказывания («Не кашляй на друга – думай о себе»). Подобные конструкции выполняют функцию имплицитной регуляции повседневного поведения, внедряя нормативные паттерны в дискурс цифровой обыденности [Завьялова, 2021: 64–68].

Перечисленные жанры свидетельствуют не только о высокой степени живучести фольклорной традиции в новых медиареалиях, но и о её способности к семантической трансформации, адаптации и продуцированию новых текстовых форм. Современный фольклор выполняет когнитивно-адаптивную, ритуально-коммуникативную и экспрессивно-релаксационную функции, способствуя стабилизации коллективного лингвосознания и формированию символической картины пандемийной действительности.

Таким образом, интернет-пословицы и поговорки становятся важными инструментами интерпретации пандемической реальности, отражая процессы вторичной языковой номинации, вербализации коллективного опыта и семантической интеграции новых смыслов в обыденный дискурс. Языковая игра, метафоризация и афористичность служат средствами репрезентации национального характера, культурных различий и травматического опыта в глобализованном медиaprостранстве.

Обобщая, можно выделить два семиотических кластера интернет-фольклора:

- Малые текстовые формы – интернет пословицы, поговорки и хэштеги с афористической функцией и фразеологическим потенциалом;
- Визуально-вербальные жанры – интернет-мемы, «карантинки», поликодовые тексты, интегрирующие вербальные, визуальные и аудиальные компоненты.

Обе группы представляют собой продуктивные формы языковой репрезентации коллективного переживания, отражая динамику культурной адаптации, дискурсивную креативность и специфику языковой картины мира в условиях пандемийной трансформации действительности.

На рисунке представлена разработанная автором визуализированная классификация жанров интернет-фольклора коронавирусной эпохи (Рис. 1)

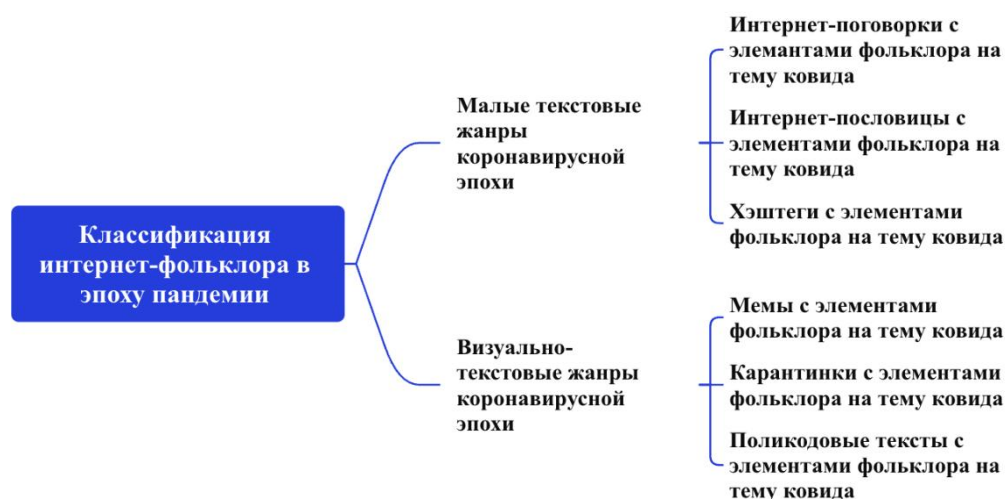

Рисунок 1. Классификация жанров интернет-фольклора в эпоху пандемии

Пандемия COVID-19 стала важнейшим фактором, спровоцировавшим появление новой волны фольклорного материала. Как показал анализ русскоязычных и китайских источников, включая «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», электронные платформы с пользовательским фольклором (Hobobo.ru, Pikabu, Zhihu, Weibo, Douyin), а также специализированные корпуса современного языка – CCL и BCC, – «фольклор пандемийной эпохи активно использует метафорические и комические формы для преодоления социопсихологического стресса» [Осмушина, 2023: 45; Чжан, 2023: 19]. При этом

в русском фольклоре преобладает экспрессивность и ироничность, тогда как в китайском – «устойчивость, моральность и коллективизм как культурные ориентиры» [He Jing, 2021: 34].

В этой связи, интернет-фольклор эпохи коронавируса можно классифицировать по следующим видам:

- Меметический фольклор: включает визуальные и текстовые мемы, эксплицирующие общественные настроения, тревожность, протест или юмор в отношении пандемийной действительности (Таблица 1);

Таблица 1

Примеры русского и китайского меметического фольклора

 (в пер. «Уничтожить новый коронавирус — верните мне свободу!»)	 (в пер. «На праздник Весны — поздравления по WeChat: чувства переданы, а все в безопасности»)	 (в пер. «Война с эпидемией все еще продолжается, так что будьте бдительны»)	 (в пер. «Часто проветривайте помещение, чтобы избавиться от яда»)	 (в пер. «молодец»)
 Лекарство от коронавируса есть. Но ученые не могут его открыть	 Ресгаврия ЗАПРЕЩАЕТ коронавирусное хождение по территории Р.Р.	 Не трогай. Это на Новый год.	 МОДНАЯ ОДЕЖДА В 2019 МОДНАЯ ОДЕЖДА В 2020	 ЭПИДЕМИЯ — ЭТО КОГДА ТУБЕРКУЛЕЗНАЯ ПАЛОЧКА ПЕРЕДАЕТСЯ КАК ЭСТАФЕТНАЯ.

- Интернет пословицы и поговорки: обновленные или адаптированные версии традиционных выражений, транслирующих новую реальность (например, «Сиди дома – будешь жив!», «Одна голова хорошо, а две – не менее полутора метров друг от друга», «Дружба дружбой, а полтора метра врозь», «По маске встречают, по температуре провожают», «Один в поле не болен», «Не имей сто рублей, а имей антисептик», 等到疫情有好转。无论干撒都不晚。(Жди, пока пандемия пойдёт на спад – успеешь всё сделать потом),

口罩不离口，病毒绕道走(Носи маску – вирус обойдёт стороной),
城市农村一盘棋，发现疫情快隔离 (Город и деревня – одно поле боя: вспышку
нашёл – срочно изолируй));

- Пародийные анекдоты и миниатюры: короткие юмористические тексты, направленные на нормализацию восприятия угрозы через смеховую дистанцию;

Например, «С понедельника почтальоны будут работать из дома. Они будут читать ваши письма и звонить вам, если там что-то важное»; «Все мои планы на 2020 год так хорошо сгорели, что даже костер шикарный не нужен на Новый год!»; «Помните, когда мама говорила: «Если не можешь без причины сидеть дома, найду тебе причину»? Так вот, мама, я понял, это был COVID-19»; «Объявление в общественном туалете: «В связи с усилением карантинных мер наш туалет работает только на вынос» »; «今年的‘宅经济’发展得好极了，连病毒都不出门了。» (Экономика домохозяйств в этом году развивалась так хорошо, что даже вирус не выходил из дома.); «谁还没有点宅经济的梦想？连病毒都实现了» (Кто еще не мечтал о домашнем бизнесе? Даже вирус это осуществил.); «你是.....的吧, 你怎么知道? 喉咙都有茧了» (Вы.....Из-за этого, Откуда ты знаешь? У тебя в горле словно комок застрял); «所有治愈，都靠自愈» (Любое исцеление зависит от самоисцеления)

- Креолизованные тексты: тексты с визуальными элементами (эмодзи, картинки, шрифтовые эффекты), в которых проявляется культурно-языковая игра (Таблица 2 и 3).

Таблица 2

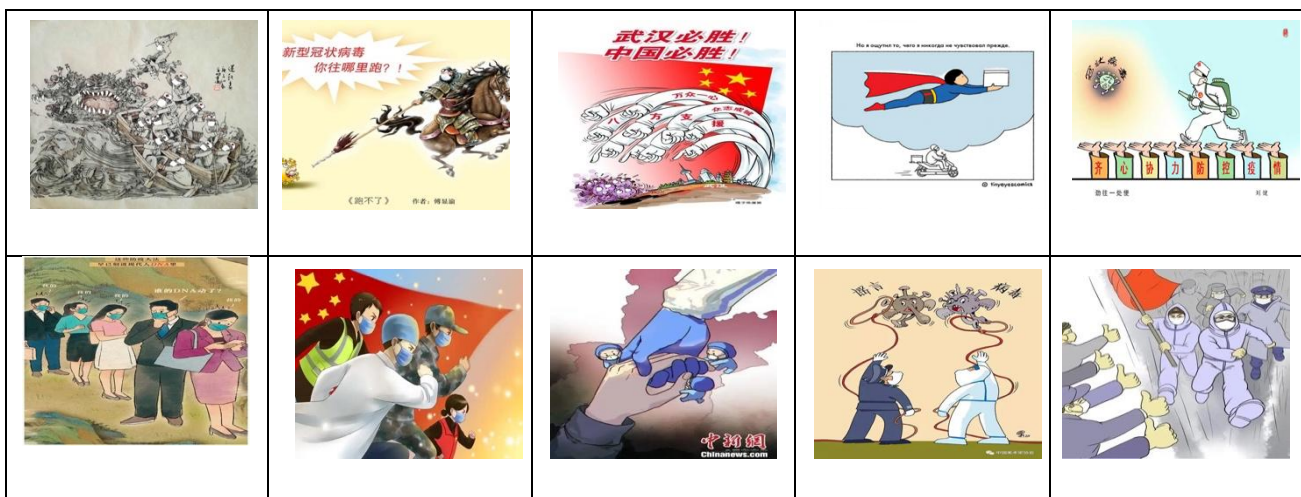
Российские карикатуры эпохи коронавируса

Таблица 3

Китайские карикатуры эпохи коронавируса

Особого внимания заслуживает межкультурное измерение интернет-фольклора: восприятие русских фольклорных текстов носителями китайского языка демонстрирует различия в интерпретации символов, оценочной модальности и культурных установок. Как показывают результаты исследований, «китайские респонденты склонны интерпретировать русские тексты через призму гармонии, коллективной ответственности и духовной устойчивости, что отражает конфуцианский культурный код» [Wang, 2020: 54].

Таким образом, современный фольклор в условиях цифровизации представляет собой динамичную форму культурной коммуникации, способную мгновенно реагировать на испытания времени и транслировать коллективные значения. Интернет-фольклор в контексте пандемии выступает не только как форма лингвокультурной адаптации, но и как механизм межкультурного понимания, что подтверждает актуальность его исследования в сопоставительном аспекте. Важно отметить, что проанализировав различные подходы к пониманию современного фольклора и его цифровых трансформаций, можно заметить, что

большинство исследователей сходятся в признании ключевых характеристик интернет-фольклора: «ситуативности, анонимности, репродуктивности, высокой степени интерактивности и интеграции в повседневную онлайн-коммуникацию» [Тростина, 2021: 72; Гайда, 2020: 25; Карабулатова, 2020: 91].

Однако в существующих определениях интернет-фольклора недостаточно акцентируется внимание на его функциональной нагрузке в условиях травматических коммуникативных и культурных сдвигов, таких как пандемия COVID-19, а также на его межкультурной проницаемости и способности транслировать элементы национальной языковой картины мира посредством цифровых жанров.

Учитывая вышеизложенное, в рамках настоящего исследования под интернет-фольклором предлагается понимать совокупность фольклорных текстов и жанров, генерируемых и функционирующих в цифровом медиaprостранстве, отражающих коллективный лингвокультурный опыт, эмоционально-ценностную реакцию и символические коды сообщества в условиях коммуникативной турбулентности. Основными структурно-семантическими характеристиками интернет-фольклора выступают мультимодальность, высокая динамика распространения, интерактивность, креативная вариативность, а также способность к интеркультурной адаптации. Интернет-фольклор выполняет функции как языковой репрезентации актуального фрагмента языковой картины мира, так и инструментальной трансляции ценностных и нормативных установок в межличностной и межкультурной коммуникации.

Несмотря на жанровые и формальные трансформации, обусловленные цифровой медиасредой, актуальные формы сетевого народного творчества сохраняют инвариантные признаки традиционного фольклора. К числу этих признаков относятся:

- коллективность как основа генерации и трансформации текстов (совместное авторство, распространение и комментирование);
- анонимность (или "безавторность"), характерная для большинства единиц сетевого дискурса;

– вариативность – потенциальная изменяемость текста при тиражировании и его контекстуальной адаптации [Загидуллина, 2015; Карабулатова, 2020].

Креаторами таких жанров, как интернет-мем, «карантинка» или поликодовый текст, выступают преимущественно непрофессиональные носители речевой культуры, – пользователи цифровых платформ, социальных сетей, мессенджеров и тематических форумов. Именно повседневная вербальная активность этих участников цифрового дискурса формирует основу так называемой фольклорно-медийной среды, в которой реализуется механизм интерактивного соавторства и непрерывного текстового воспроизводства [Загидуллина, 2015].

По наблюдениям М.В. Загидуллиной, подобные цифровые платформы формируют особую технологически детерминированную инфраструктуру, обеспечивающую оперативную трансляцию, переформатирование и обогащение фольклорных форм. Участники активно модифицируют исходные тексты: создают новые вербальные подписи к изображениям, редактируют видеоконтент, интегрируют графические и аудиальные компоненты, тем самым реализуя принцип динамической вариативности, характерный для традиционной паремиологии и жанровых формул [Загидуллина, 2015; Сурикова, 2019].

Функциональная нагрузка сетевых жанров в значительной мере соответствует базовым функциям традиционного фольклора. Среди них:

- эмоционально-разрядочная функция, реализуемая посредством юмора, сатиры, гротеска;
- коммуникативно-адаптационная функция, направленная на формирование символических моделей выживания в стрессовых условиях;
- интерпретативная функция, обеспечивающая коллективное осмысление травматических событий (например, пандемии);
- оценочно-критическая функция, дающая возможность выражать отношение к ограничениям, властным решениям и трансформациям общественных

норм через вербальную иронию и языковую игру [Алексеевский, 2010; Карабулатова, 2020; Тростина, 2021].

Таким образом, несмотря на процессы медиатизации, жанровую гибридизацию и визуально-графическое обогащение, современный интернет-фольклор сохраняет структурную и функциональную преемственность с традиционной фольклорной системой. Он воспроизводит её ключевые параметры – вариативность, устойчивость, коммуникативную направленность и социокультурную релевантность, адаптируя их к условиям цифровой коммуникации.

Сохраняя базовые жанрообразующие признаки традиционного фольклора – коллективность, анонимность и вариативность, – цифровые жанры сетевого дискурса демонстрируют не только формальную, но и функционально-семантическую трансформацию. Современные фольклорные тексты, продуцируемые в условиях цифровой медиасреды, реализуют широкий спектр прагматических функций, отражая потребность речевого сообщества в интерпретации, эмоциональной адаптации и концептуализации экстраординарной коммуникативной ситуации, такой как пандемия.

С целью системного описания функционального наполнения интернет-фольклора периода пандемии автором предлагается типологизация жанровых форм с опорой на их коммуникативно-прагматические установки. Такая классификация позволяет выявить не только жанрово-видовую, но и функционально-содержательную дифференциацию интернет-фольклора, образующегося в условиях медиатизации повседневности (Рис. 2).

Рисунок 2. Классификация по тематике фольклора эпохи COVID-19

На данном рисунке показано, какие социально-коммуникативные функции выполняют различные жанры ковид-фольклора. Например, интернет-поговорки призваны мотивировать соблюдение профилактических мер, подчеркивать личную и социальную ответственность; хэштеги объединяют сообщения по темам дистанцирования и поддержки; мемы и карантинки выполняют в первую очередь юмористическую, абсурдную и адаптационно-компенсаторную функции (помогают справляться со стрессом и переосмысливать травматический опыт через смех). Современный фольклор, находясь под влиянием многочисленных факторов, «таких как социальные сети, инструменты массовой информации, механизмы глобализации, а также процессы всемирной интеграции стран в многообразные

сферы жизнедеятельности, демонстрирует множественные преобразования». В ключевых особенностях современного народного творчества, как следует из данных А. Ш. Юлдашбаевой [Юлдашбаева, 2021: 159], выделяются следующие аспекты:

Во-первых, важнейшим вектором становится технологизация фольклорных форм. Современное народное творчество активно использует цифровые инструменты: социальные сети, мобильные приложения, мессенджеры и платформы для размещения мультимедийного контента. Эти технологические средства служат каналами как генерации, так и циркуляции фольклорных текстов – от паремий до визуально-вербальных и аудиальных конструкций. В данной среде формируются новые формы прецедентных текстов, адаптированных к условиям клиповой культуры и кратковременного восприятия. Интернет обеспечивает не только архивацию, но и оперативную трансляцию фольклорных единиц, обеспечивая их доступность широкой аудитории.

Во-вторых, существенное значение приобретает интерактивность фольклорного взаимодействия. Цифровые платформы предоставляют пользователям возможность не только пассивного потребления, но и активного соучастия в процессе создания фольклорных текстов. Речь идёт о функционировании фольклора в условиях интерактивной рецепции, где пользователь выступает одновременно как адресат, интерпретатор и ре-креатор текста. Популярны игровые формы (геймифицированные приложения, цифровые викторины и др.), в которых реализуется фольклорно-ритуальный код в визуализированной и мультимодальной форме. Таким образом, интерактивность становится важнейшим признаком современной фольклорной среды, способствующим сохранению, трансформации и экспансии традиционных жанров в новых форматах.

Современный фольклорный дискурс представляет собой сочетание различных жанров и форм, которые приспособляются к современным условиям культурного выражения, объединяя как традиционные, так и новые стилистические элементы. Это многообразие, изобилующее жанровыми и стилевыми элементами,

вызывает формирование новых синтетических форм. Они функционируют как уникальные медийные конструкции. Интенсивное взаимодействие между старым и новым создает плодородную почву для лингвистического исследования. В центре анализа – вопросы пересечения традиционных и современных языковых форм, трансформация лингвокультурной идентичности, а также эволюция лексических и жанровых элементов.

Рассматривая период активизации коронавирусной инфекции, на первый план выходит актуализация интернет-фольклора. Среди самых заметных направлений выделяются: адаптированные сказки, частушки, анекдоты, пословицы и скороговорки. Эти произведения, имеющие в большей или меньшей степени авторский след, находят широкий резонанс среди пользователей Интернета, быть может, даже потеряв своих первоначальных создателей, разносятся по огромному пространству глобальной сети.

Отражение культурного наследия и идентичности различных групп, сообществ проявляется в сложной мозаике разнообразных жанров словесного фольклора, от народных сказок, легенд, стихов и песен до анекдотов и других форм выражения. Словесный фольклор, особенно в его современных проявлениях, подвергается активному анализу лингвистов. Различные изменения, наблюдаемые в жанровом спектре этого искусства, свидетельствуют об интенсивной динамике языка, вызванных многочисленными социокультурными изменениями. Такая тенденция, в свою очередь, становится значимым индексом социокультурных векторов развития.

Одним из примечательных аспектов данной динамики является изменение лексического состава языка. В результате воздействия новых социокультурных условий наблюдается постоянное обогащение русского языка лексическими новообразованиями. Особый интерес представляет скачок появления новых слов и выражений в период пандемии COVID-19. В этот период произошло активное формирование новой лексической группы, связанной с темой пандемии. Динамическое появление новой лексики привлекло ученых всего мира, включая

Китай, к обсуждению этого феномена как мировой лингвистической и социокоммуникативной проблемы [Геккина, Кожевников, 2021: 102-104].

Одним из значимых инструментов, зафиксировавших лексические изменения в период пандемии, стал «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», подготовленный Институтом лингвистических исследований РАН. В нём систематизированы более 3500 слов, появившихся или актуализировавшихся в русском языке в 2020–2021 годах. Особое внимание уделено не только официальной лексике (например, *самоизоляция*, *ковид-паспорт*), но и экспрессивным новообразованиям, отражающим эмоциональную и социокультурную реакцию общества (*коронабесие*, *удалёнка*, *вирусняк*, *пандемониум*). Авторы словаря подчеркивают, что неологизмы этого периода характеризуются высокой прагматической и эмоциональной нагрузкой, выполняют важные функции категоризации и осмысления новой социальной реальности, а также снятия коллективного стресса через юмор и языковую игру [Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021].

В результате проведенного анализа фольклорных текстов было установлено, что лексический материал, характеризующий рассматриваемую эпоху, демонстрирует тематическую организацию, которая соответствует трем основным направлениям и тематикам: 1) характеристика нового заболевания, его симптомы, методы диагностики, профилактики и лечения; 2) административные меры, направленные на сдерживание распространения инфекции; 3) реакция общества на данную ситуацию.

Специфической разновидностью поликодовых текстов, активно функционирующих в рамках интернет-фольклора, являются *мотиваторы* и *демотиваторы* –сочетающие вербальный и визуальный компоненты, обладающие высокой семантической нагрузкой. Как отмечает Т. И. Сурикова, данные формы представляют собой примеры поликодового текста, ключевым жанрообразующим признаком которого является интеграция статичного изображения и лаконичного текста, образующих единое семантическое пространство [Сурикова, 2019]. Это взаимодействие позволяет достигать высокой степени экспрессивности и

когнитивной доступности, характерной для фольклорной коммуникации в цифровой среде.

По содержательной направленности *мотиваторы* традиционно несут позитивную, поддерживающую или назидательную функцию. Их целью является мотивация, создание чувства сопричастности, формирование надежды и моральной стойкости в условиях неопределённости и социальной тревоги. «Визуально мотиваторы нередко оформляются в яркой цветовой гамме и сопровождаются призывами к действию, поддержке ближнего, соблюдению профилактических мер или сохранению психологического равновесия» [Сурикова, 2019: 277].

В противоположность им, *демотиваторы* представляют собой сатирические или ироничные визуальные тексты, оформленные, как правило, в черно-белой гамме. Их содержательная основа – пессимистичный или парадоксальный комментарий, направленный на критику социальных норм, политических решений или поведения общества в условиях пандемии. демотиваторы играют роль «абсурдной маски», позволяющей дистанцироваться от тревожной повестки дня посредством смеховой реакции, что коррелирует с традиционной функцией фольклора как механизма снятия социальной напряженности [Сурикова, 2019: 278]. (Рис.3) .

Рисунок 3. Мотиваторы и демотиваторы в интернет-фольклоре

Современные исследователи рассматривают демотиваторы как особую форму интернет-фольклора, сочетающую в себе функции социальной критики, эмоциональной разрядки и комментирования общественных трансформаций. Так, А.В. Бугаева интерпретирует демотиватор как жанр интернет-коммуникации, опирающийся на культурные коды и механизмы фрустрированного юмора

[Бугаева, 2011]. И.В. Абрамова и Ю.В. Архангельская подчёркивают его роль в процессе культурной репрезентации и трансформации литературных и социальных символов в цифровой среде [Абрамова, Архангельская, 2024]. Коллектив под руководством Е.Н. Струковой в контексте пандемии 2020–2021 годов выделяет демотиваторы и «карантинки» как формы медиализированной фольклорной активности, позволяющие коллективно переработать опыт нестабильности и страха [Струкова и др., 2022].

Значительный вклад в исследование демотиватора как жанра сетевого творчества внесла О.В. Лутовинова. Она рассматривает демотиватор как разновидность креолизованного текста, обладающего коммуникативной, эмоционально-экспрессивной, волюнтаривной, когнитивной и идеологической функциями в зависимости от целей его создателя или пользователя [Лутовинова, 2016]. Кроме того, исследователь выделяет автосемантические и синсемантические отношения между вербальным и визуальным компонентами, что определяет степень их семиотической взаимозависимости.

Аналогичные процессы описываются и в китайском гуманитарном дискурсе. Так, исследователи Сюй Дунюэ и Чён Кин Чён рассматривают визуальные формы юмора как адаптивный ресурс, усиливающий коллективную устойчивость и служащий каналом латентной критики, особенно в условиях нормативно-контролируемой публичной сферы [Yue et al., 2011].

Таким образом, демотиваторы не только воспроизводят традиционные фольклорные функции, но и трансформируются в маркеры цифровой идентичности, социальной рефлексии и психологической адаптации.

Указанные жанры получили особое распространение в контексте пандемии COVID-19, когда стремление к осмыслению происходящего, эмоциональной стабилизации и критической рефлексии нашло выражение в визуально-вербальных формах цифрового народного творчества. Согласно Суриковой, мотиваторы и демотиваторы являются выражением тенденции к «люминесцентной» визуализации языковых смыслов, где графика и текст объединяются в культурно-

значимое высказывание, отражающее ключевые установки общества в момент пандемии [Сурикова, 2019: 280].

Таким образом, мотиваторы и демотиваторы можно рассматривать как характерные примеры мультимодального фольклора, органично сочетающие устные традиции с медиавизуальной коммуникацией. Они выступают медиаторами между традиционными жанрами (пословицы, поговорки, частушки) и новыми цифровыми форматами (мемы, поликодовые тексты), продолжая выполнять ключевые функции фольклора – интерпретацию социальной реальности, адаптацию коллективного сознания и трансляцию культурных кодов [Голованов, 2009; Карабулатова, 2020].

Следовательно, интернет-фольклор эпохи коронавируса, включающий как традиционные формы (интернет-пословицы, поговорки), так и гибридные жанры (мемы, «карантинки», мотиваторы и демотиваторы), представляет собой динамичную форму народного творчества. Эти жанры не только сохраняют черты коллективности, вариативности и анонимности, но и адаптируются к новым коммуникативным условиям, сохраняя глубинную связь с устной фольклорной традицией в контексте медиaprостранства [Загидуллина, 2015; Алексеевский, 2010; Осмушина, 2023].

Мемы-мотиваторы – особая разновидность фольклорных текстов, направленных на создание положительного эмоционально-прагматического воздействия на адресата, побуждая его к действию, усиливая мотивацию, формируя позитивные установки и ценностные ориентиры с помощью сочетания вербального и визуального компонентов.

Мемы-демотиваторы – специфические фольклорные тексты, характеризующиеся ироничной, саркастической или пессимистической тональностью и направленные на снижение мотивации адресата, критическое переосмысление социальных явлений и норм посредством взаимодействия текста и изображения, построенных на контрасте между ожиданием и реальностью.

Стоит отметить, что введение новых терминов обусловлено отсутствием в предыдущих исследованиях чёткой дифференциации по признаку эмоциональной

окраски. Для удобства более полного представления авторской классификации нами предлагается ввести термины, подчеркивающие эмоционально-прагматическую направленность мемов. Такого рода наименования позволяют акцентировать различие между побуждающими к действию формами и жанрами, реализующими сатирико-критический потенциал, что усиливает семантическую точность и аналитическую продуктивность выделения жанров в рамках интернет-фольклора.

Так, особого внимания заслуживают такие формы интернет-фольклора, как мемы-мотиваторы и мемы-демотиваторы, представляющие собой семиотически насыщенные поликодовые тексты, образующие самостоятельные поджанры в рамках цифровой юмористической культуры пандемийного периода. Мемы-мотиваторы функционируют как средства позитивного прагматического воздействия, способствующие формированию ценностных установок, усилению мотивации и адаптации к аномальной социальной реальности посредством оптимистического восприятия действительности. Их структура основана на синтезе визуального образа и лаконичного текста, насыщенного эмотивно-коннотативными значениями с мобилизующим, поддерживающим или ободряющим семантическим потенциалом.

В противоположность им, мемы-демотиваторы реализуют ироничную или саркастическую модальность, эксплицируя критическое отношение к социальным и повседневным реалиям, а также к институциональным мерам, введённым в условиях пандемии. Коммуникативная тактика таких текстов строится на приёме семантического контраста между ожидаемым и действительным, что позволяет реализовать функции эмоциональной разрядки, а также репрезентировать скрытое недовольство посредством языковой комики и гротеска.

Выделение этих поджанров интернет-фольклора позволяет зафиксировать новые семиотические и прагматические функции мемов, тем самым уточняя параметры функционирования медиатекстов как форм актуализированной народной словесности.

Отличительной чертой современного фольклора является его динамичность и способность к постоянной трансформации в соответствии с изменяющимся коммуникативным ландшафтом. Он репрезентирует актуальные ценности, представления и интересы, одновременно адаптируясь к технологическим и культурным изменениям. Его трансграничный характер определяется высокой степенью медиатизации, что обуславливает возможность быстрого распространения текстов вне локального социокультурного контекста и формирует сложную, полифоническую картину фольклорного пространства.

Таким образом, жанровое разнообразие интернет-фольклора, сформировавшегося в условиях пандемии COVID-19, демонстрирует высокую степень адаптивности традиционной народной словесности к цифровой среде. Несмотря на переход в виртуальное пространство, цифровые формы фольклора сохраняют базовые признаки традиционного фольклора – коллективность, анонимность, вариативность, ситуативность – при этом обогащаясь новыми выразительными средствами и каналами трансляции.

Мемы, интернет-пословицы, «карантинки», мотиваторы и демотиваторы формируют особую структуру мультимодального фольклора, в которой вербальные и визуальные компоненты взаимодействуют в рамках единого семантического пространства. Эти жанровые формы выполняют не только развлекательную функцию, но и значимую коммуникативно-культурную задачу: обеспечивают эмоциональную компенсацию, способствуют формированию общности переживаний, снятию тревожности и рефлексии по поводу актуальных событий.

Функциональная классификация жанров позволяет утверждать, что интернет-фольклор не ограничивается воспроизведением традиционных форм, но реализует и иные задачи - когнитивную стабилизацию, ценностную ориентацию, эмоциональное моделирование. Наряду с этим, интернет-фольклор выступает как канал трансляции культурных кодов в условиях глобализованного информационного пространства, открывая возможности для межкультурной интерпретации.

Анализ жанровых форм интернет-фольклора в пандемийный период позволяет зафиксировать формирование новой парадигмы культурной коммуникации, в которой фольклорные механизмы не исчезают, но актуализируются, получая новую жизнь в условиях цифровой интерактивности. Интернет-фольклор в этом контексте предстает как подвижная форма лингвокультурной репрезентации, соединяющая традиционные символические структуры с актуальной проблематикой современной действительности.

Выводы по Главе 1

Языковая картина мира осмыслена как лингвокогнитивная модель, которая не отражает «готовую» реальность, а конструирует её интерпретацию средствами лексики, фразеологии и грамматики. Её многоуровневый каркас формируют универсальные оппозиции и базовые когнитивные схемы. На этот универсальный уровень наслаиваются этноспецифические смыслы, в русской традиции репрезентированные ценностно нагруженными концептами типа *родина*, *душа*, *тоска* и др. Проведённое суммирование позиций когнитивной и лингвокультурологической школ (от работ о метафоре и фреймах до разграничения «наивной» и «научной» картин мира) позволяет принять рабочую дефиницию ЯКМ как совокупности вербализованных концептов и категорий, организующих процессы концептуализации и категоризации опыта и обеспечивающих хранение, передачу и обновление коллективного знания.

«Коронавирусная эпоха» выступает релевантным социолингвистическим контекстом для наблюдения динамики ЯКМ: пандемия инициировала интенсивные неологизационные процессы, переладила коммуникативные модели и активировала народные механизмы смыслопорождения. В результате сформировался массив интернет-фольклора, где традиционные инварианты фольклорной системы (коллективность, анонимность, вариативность) реализуются в цифровой среде через мемы, «карантинки», хэштеги, поликодовые тексты, а также «интернет» пословицы и поговорки. Эти жанры выполняют эмоционально-разрядочную, адаптационно-коммуникативную, интерпретативную и оценочно-критическую функции, становясь инструментами репрезентации актуального фрагмента русской ЯКМ и площадкой для межкультурных сопоставлений (в частности, с китайским медиадискурсом).

Сформирован и обоснован инструментальный набор дальнейшего анализа: когнитивная реконструкция концептов; тематико-семантическая систематизация лексики; мультимодальный разбор вербально-визуальных форм; прагматико-дискурсивное выявление имплицитных смыслов. Принятая операциональная

трактовка интернет-фольклора как совокупности фольклорных жанров, генерируемых и функционирующих в цифровом медиaprостранстве, фиксирует его структурно-семантические признаки (мультимодальность, динамичность, интерактивность, креативная вариативность, интеркультурная адаптируемость) и тем самым задаёт рамку прикладного исследования.

Данная глава не только очерчивает понятийные и методологические контуры (ЯКМ – интернет-фольклор – цифровые жанры), но и обосновывает логику последующих разделов: от описания ценностно значимых концептов и их языковых реализаций в русской традиции – к анализу пандемийного сетевого репертуара (прежде всего цифровых паремий, мемов и поликодовых текстов) и выявлению механизмов, через которые современная коммуникация переоформляет и транслирует русскую языковую картину мира.

Глава 2. Русская языковая картина мира коронавирусной эпохи в жанрах интернет-фольклора

Эмпирическую базу настоящего исследования составляют единицы интернет-фольклора периода пандемии COVID-19, представленные в русскоязычном и китайскоязычном сегментах цифровой коммуникации. Корпус формировался из открытых источников (социальные сети, новостные платформы, тематические интернет-подборки и словарные ресурсы). Отбор осуществлялся вручную по критериям репрезентативности, повторяемости и частотности употребления, для визуально-вербальных материалов – также по критерию символической насыщенности форм. Хронологические рамки материала – 2020–2021 гг., что обусловлено пиковым характером реакции на пандемийные события.

Таблица 4

Корпус интернет-фольклора

Подкорпус (раздел)	Жанровый тип	Язык	Объём (N)	Источники	Период
Интернет-пословицы	интернет-пословицы	русский	100	открытые интернет-источники (соцсети, форумы, сайты/подборки), тематические ресурсы	2020–2022
Интернет-поговорки	интернет-поговорки	русский	100	открытые интернет-источники (соцсети, форумы, сайты/подборки), тематические ресурсы	2020–2022
Интернет-пословицы	интернет-пословицы	китайский	100	открытые интернет-источники	2020–2022
Интернет-поговорки	интернет-поговорки	китайский	100	открытые интернет-источники	2020–2022
Интернет-мемы и «карантинки»	визуально-вербальные единицы	русский	200	открытые интернет-источники(соцсети/платформы публикации), подборки визуальных материалов	2020–2022

Интернет-мемы и «карантинки»	визуально-вербальные единицы	китайский	200	открытые интернет-источники	2020–2022
Поликодовые тексты	поликодовые тексты (вербальный + визуальный/графический код, включая элементы цифрового оформления)	русский	100	интернет-источники (соцсети/платформы)	2020–2021
Поликодовые тексты	то же	китайский	100	интернет-источники	2020–2021
Хэштеги	хэштеги как единицы тематической маркировки и цифровой прагматики	русский	100	интернет-источники (соцсети/посты, визуальные материалы)	2020–2021
Хэштеги	то же	китайский	100	интернет-источники	2020–2021

Единицами анализа служат:

- Устойчивая паремическая формула (интернет-пословица/интернет-поговорка) и её текстовая реализация в цифровой среде.
- Визуально-вербальная единица (мем/«карантинка») как целостный комплекс изображения и текста (включая подписи, реплики, встраиваемые надписи).
- Поликодовый текст как единица цифровой коммуникации, сочетающая вербальные, визуальные и графико-цифровые компоненты (в т.ч. элементы форматирования, эмодзи, хэштеги), а также хэштег как отдельная единица номинации/маркировки темы и прагматической установки.

Отбор осуществлялся в несколько этапов: подбор интернет-страниц и площадок для поиска, составление списка ключевых слов, формирование базы данных единиц и последующая классификация. Для включения в корпус учитывались репрезентативность, повторяемость и частотность употребления (для

визуально-вербальных материалов также – символическая насыщенность и устойчивость сюжетов/шаблонов).

Для обеспечения сопоставимости материалов применялась единая система параметров, включающая:

1. Тематическое поле (смысловая область, к которой относится единица: меры профилактики, изоляция, социально-экономические последствия и др.).
2. Прагматическая установка и коммуникативная направленность:
 - Директивность (побуждение/запрет/рекомендация, императивные и квазидирективные формы);
 - Оценочность (позитивная/негативная/амбивалентная оценка);
 - Тип речевого воздействия (мобилизация, поддержка, критика, разрядка напряжения и т.п.);
3. Бинарная классификация “мотиватор / демотиватор”:
 - *мотиваторы* – тексты, ориентированные на поддержание адаптации, мобилизацию, соблюдение норм, позитивную оценку/поддержку;
 - *демотиваторы* – тексты со скептической/критической направленностью, с акцентом на проблемность, фрустрацию, сарказм/иронию.
4. Лингвистические параметры (в зависимости от жанра и кода):
 - лексико-семантические признаки (ключевая лексика, тематические номинации, оценочные маркеры);
 - признаки языковой игры (перефразирование, замены компонентов, ирония);
 - морфологические характеристики (прежде всего при анализе паремий: распределение частей речи и типичных форм);
 - для поликодовых и визуально-вербальных материалов – параметры взаимодействия вербального и визуального: тип визуального кода, композиционные приёмы, соответствие/контраст текста и изображения.

Методы анализа и инструменты обработки данных включали:

1. Контент-анализ (количественный этап): выделение тематических полей и подсчёт распределения мотиваторов/демотиваторов; фиксация частотных лексических единиц и тематических доминант.

2. Лингвистический анализ (качественный этап): лексико-семантическое описание ключевых номинаций, оценочных средств, директивных конструкций; выявление механизмов трансформации традиционных формул в цифровой среде.

3. Морфологический анализ: характеристика преобладающих грамматических форм и их функциональной нагрузки в интернет-паремиях.

4. Семиотический анализ: интерпретация визуальных кодов и их взаимодействия с текстом; описание способов порождения смысла в визуально-вербальных и поликодовых текстах.

5. Кластеризация/типологизация: группировка хэштегов и поликодовых материалов по тематическим и прагматическим признакам; выделение смысловых кластеров.

В инструментальную обработку входили:

- Первичная лингвистическая интерпретации и частотный анализ с последующей выгрузкой данных (таблицы, частотные списки, облака слов);
- Ручное кодирование единиц по единой системе категорий (тема, прагматика, мотиватор/демотиватор и др.).

2.1. Репрезентация русской языковой картины мира эпохи пандемии в интернет-пословицах и интернет-поговорках

Анализ интернет-фольклора, сформировавшегося в условиях пандемии COVID-19, позволяет выделить несколько устойчивых типов паремий, подвергшихся функционально-семантической трансформации. Эти изменения представляют собой результат актуализации и переосмысления классических паремий в контексте новой эпидемиологической действительности и отражают особенности цифрового дискурса – лаконичность, экспрессивность, быструю тиражируемость и жанровый синкретизм [Неклюдов, 2002: 3–7; Блинова, 2022].

Согласно определению О. В. Ломакиной, пословица представляет собой краткое, структурно завершённое высказывание с обобщённым смыслом, включающим оценочный компонент [Ломакина, 2011]. Её паремиологическая устойчивость обеспечивается повторяемостью в речевом употреблении, а принадлежность к фольклорному типу обусловлена исторически закреплённой дидактической функцией.

Одним из репрезентативных типов является лексико-семантическая адаптация традиционных формул к тематике пандемии и карантина.

Интернет-пословицы и интернет-поговорки пандемийного периода демонстрируют функционально-семантическую трансформацию традиционных паремий, возникающую в результате переосмысления классических формул в новой эпидемиологической ситуации. На материале русского корпуса выделяются следующие основные типы трансформаций:

1) Лексико-семантическая субституция ключевых компонентов при сохранении структурного каркаса.

Наиболее продуктивной является замена опорной лексики исходной пословицы/поговорки на актуализированную пандемийную номинацию при сохранении синтаксической и ритмической модели, что обеспечивает узнаваемость конструкции. Примеры: «*Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь*» (ср. «*Слово не воробей...*»); «*Береги маску снова, а здоровье смолоду*» (ср. «*Береги платье*

снова...»); *«Мойте руки – купайтесь, чтобы вирусы не вырвались наружу»* (ср. *«Мойте руки перед едой...»*);

2) Контаминация и расширение (добавление) пандемийного компонента.

Данный тип основан на включении в исходную модель дополнительных компонентов, актуализирующих нормы пандемийного поведения (дистанция, самоизоляция, онлайн-коммуникация). Примеры: *«Одна голова хорошо, а две – не менее полутора метров друг от друга»*; *«Дружба дружбой, а полтора метра врозь»*; *«По маске встречают, по температуре провожают»*. Трансформация сопровождается смысловой актуализацией и усилением прагматического эффекта за счёт соотнесения с повседневными практиками периода локдауна.

3) Интертекстуальная адаптация с включением актуальных реалий цифровой повестки.

В русских паремиях широко фиксируются отсылки к цифровым формам взаимодействия и к институциональному дискурсу, что проявляется в включении обозначений сервисов, аббревиатур и социальных реалий в структуру традиционной формулы: *«Око за око, Зоот за Зоот»*; *«Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там»*; *«Обещанной вакцины три года ждут»*; *«Глаза боятся – руки без перчаток, лицо без маски, впереди патруль»*; *«Кто рано встает, тому бог пропуск дает»*. Такие единицы усиливают эффект узнавания за счёт сочетания паремического шаблона и новой социально значимой лексики.

4) Усиление предписывающей установки и переработка официально-нормативной риторики.

В паремический текст вводятся императивные формы и предписания, часто заимствованные из официальных рекомендаций и инструкций, однако в составе фольклорной формулы они могут получать ироническую, или игровую интерпретацию: *«Сделал дело – вымой руки»*; *«Соблюдай дистанцию – спаси жизнь»*; *«Мойте руки – купайтесь, чтобы вирусы не вырвались наружу»*. Данный тип трансформации важен для описания прагматической функции паремий как основы поведения в условиях социальной неопределённости.

5) Семантическая инверсия и пародийная переработка устойчивого шаблона

В рамках современной паремиологии подобные тексты квалифицируются как антипословицы, при которых сохраняется структурный шаблон традиционной пословицы, но происходит смысловой сдвиг или инверсия. В русском материале: *«Незванный гость – хуже инфицированного»*; *«С инфицированными жить – в карантине быть»*; *«Лучше уж зум-зоны, чем цифровые концлагеря»*; *«Кто про что, а инфицированные – про вирус»*; *«В чужой монастырь со своим карантинном не ходят»*; *«Где родился – там и сиди на карантине»*. Антипословицы ориентированы на критическую интерпретацию действительности и демонстрируют высокую степень фразеологической креативности.

6) Иронические конструкции

Отдельно выделяются паремийные тексты, построенные на сопоставлении допандемийного и пандемийного опыта и на переоценке предшествующих норм: *«Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там»*; *«Обещанной вакцины три года ждут»*; *«Глаза боятся – руки без перчаток, лицо без маски, впереди патруль»*; *«Кто рано встает, тому бог пропуск дает»*. Подобные конструкции фиксируют изменение ценностных ориентиров и выполняют функцию эмоциональной компенсации.

Мотиваторы/демотиваторы

В рамках принятой в работе мотивационной классификации мотиваторность/демотиваторность задаётся совокупностью лексических, синтаксических и прагматических маркеров.

Мотиваторы характеризуются преимущественно нормативно-регулятивной и поддерживающей установкой. На языковом уровне это проявляется в:

- **директивных конструкциях** (императив, предписание, рекомендация): *«Сделал дело – вымой руки»*; *«Соблюдай дистанцию – спаси жизнь»*; *«Не паникуй – просто мой руки»*; *«Сидишь дома – героем станешь»*;
- **лексике ответственности и профилактики**, ориентированной на рациональное поведение и охрану здоровья: *«Чистота – залог здоровья, маска –*

залог безопасности»; «Мыть руки – полдела, главное – не трогать лицо»; «Не кашляй на друга – думай о себе»; «Дружба дружбой, а полтора метра врозь»;

- **позитивных формулировках**, поддерживающих ценность здоровья и солидарного поведения: *«Здоровье – богатство»; «Сидим дома и спасаем мир»; «В гостях хорошо, а дома лучше»; «Естественно, что нужны меры предосторожности»* (шутливо-призывной тон).

Количественно мотиваторы в русском паремическом корпусе составляют 46% среди пословиц и 49% среди поговорок (Табл. 4).

Демотиваторы ориентированы на критическую, скептическую или ироническую интерпретацию пандемийной реальности. Маркерами выступают:

- **ирония/сарказм, абсурд и семантическая инверсия**, включая антипословицы: *«Чихал бы в локоток, да шея коротка»; «Плох тот вирус, который не хочет выбиться в люди»; «Не так страшен ковид, как его малюют»; «Корона, что дышло – куда чихнёшь, туда и вышла»; «Москва соплям не верит»; «У семи докторов пациент без маски»;*

- **лексика социального недовольства и критики управленческой/бюрократической деятельности**, включающая реалии локдауна (штрафы, пропуска, контроль): *«Кто рано встает, тому бог пропуск дает»; «Раньше ловили собак без хозяина, теперь – людей без собаки»; «Тише едешь – позже пропуск спросят»; «Глаза боятся – руки без перчаток, лицо без маски, впереди патруль»;*

- **контрастные конструкции и оценочные сдвиги**, задающие эффект переосмысления официальной риторики: *«Обещанной вакцины три года ждут»; «Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там»; «Кто рано встает, тому Бог пропуск дает»; «Прививка – голова, минздрав – шея».*

Доля демотиваторов в русском корпусе составляет 54% среди пословиц и 51% среди поговорок (Табл. 5), что указывает на значимую роль иронической и критической модальности в жанровой адаптации русской паремии к пандемийному дискурсу.

Распределение мотиваторов и демотиваторов в русских интернет-паремиях периода пандемии

Подгруппа	Мотиваторы, кол-во	Мотиваторы, %	Демотиваторы, кол-во	Демотиваторы, %
Русские пословицы	46	46	54	54
Русские поговорки	49	49	51	51
Итого	95	47,5	105	52,5

Китайский корпус интернет-пословиц и интернет-поговорок периода пандемии демонстрирует устойчивые модели адаптации традиционных паремических формул к новой тематике. На материале исследования выделяются следующие типы трансформаций.

1) Лексическая субституция внутри устойчивого шаблона. Характерной особенностью китайского материала является сохранение ритмико-структурного каркаса четырёхзнаковых формул при замене одного компонента на пандемийно маркированный. Так формируются легко узнаваемые и легко воспроизводимые «новые» паремии:

- «封凶化吉» – «*Карантин беду отвёл*» (переосмысление устойчивой модели со сменой ключевого компонента; в тексте фиксируется интерпретация «Карантин беду отвёл»);
- «亲密有间» – «*Близость на расстоянии*» (структурная инверсия исходного шаблона 亲密无间: «Близость на расстоянии»);
- «拭目以待» – «*Ждём, горло готово (для мазка)*» (игровая перестройка чэньюя 拭目以待: «Ждём, горло готово (для мазка)»);
- «家封万事停» – «*Дом на карантине – дела на паузе*» (замена компонентов, задающая смысл «закрытости/остановки»);
- «病从口罩入» – «*Болезнь проникает через маску*» (адаптация паремической модели 病从口入 через включение номинации «маска»).

2) Расширение исходной формулы и добавление актуального компонента. Трансформация реализуется через расширение исходной структуры за счёт включения элементов, связанных с пандемийным поведением (маска, дистанция, изоляция, тестирование). В результате формулы приобретают прикладной характер и усиливают директивность.

- «戴口罩, 不传病毒» – «Надевай маску, не передавай вирус»;
- «戴好口罩, 不给病毒机会» – «Надевай маску правильно – не давай вирусу шанса»;
- «口罩不离口, 病毒绕道走» – «Не снимайте маску – вирус обойдет стороной»;
- «保持距离, 拯救生命» – «Соблюдай дистанцию – спаси жизнь».

3) Параллельные двучленные конструкции (ритмическая формула «Х, Y») и рифмованные предупреждения. Широко представлены краткие ритмизованные высказывания, построенные на параллелизме и причинно-следственных связях:

- «戴口罩, 勤洗手» – «Носи маску, мой руки»;
- «不聚集, 不串门, 病毒疫情不上门» – «Никаких сборищ, никаких пересечений, никаких вирусных вспышек за дверью»;
- «口罩不离口, 病毒绕道走» – «Не снимайте маску – вирус обойдет стороной»;
- «回来莫乱跑, 传染不得了» – «Не возвращайтесь, это заразно».

4) Включение клише официального дискурса. Часть китайских интернет-паремий сближается с формулами мобилизационного типа, использующими лексику «борьбы» и «организации контроля»:

- «抗击肺炎, 众志成城» – «В борьбе с пневмонией все люди едины»;
- «众志成城, 打赢疫情防控攻坚战» – «Воля народа к победе в борьбе с эпидемиями»;
- «疫情即战情» – «Пандемия – это военное положение»;

- *«疫情就是命令, 防控就是责任» – «Эпидемия – это порядок, профилактика и контроль - это ответственность»;*
- *«严防死守, 战胜疫情» – «Строгая оборона, преодоление эпидемии».*

5) Контрастивные конструкции и «экономическая» аргументация.

Встречаются формулы, построенные на противопоставлении и расчёте последствий:

- *«以前囤粮, 现在囤药» – «Раньше запасались едой, теперь – лекарствами»;*
- *«我宅家, 我骄傲, 我为国家省口罩» – « Сижу дома, горжусь собой, стране маски экономлю»;*
- *«省小钱不戴口罩, 花大钱卧床治病» – «Сэкономить немного денег, не надевая маску, потратить много денег, оставаясь в постели».*

6) Антисуеверный и оценочно-критический тип. Фиксируются формулы, где объектом критики становятся паника и иррациональные процессы; при этом директивность сохраняется, но дополняется оценочным компонентом:

- *«病毒防控不可怕, 就怕人们不听话» – «Не страшна борьба с вирусами, страшны те, кто не слушает»;*
- *«念咒熏醋歪门邪道, 戴好口罩佛光普照» – «Скандирование заклинаний и окуривание уксусом - это кривой путь, носите маску, и свет Будды прольется сквозь нее»;*
- *«财神驾到, 坏的统统去除掉! 财神驾到, 赶走病毒福来到» – «Бог удачи прибыл, чтобы избавиться от плохих! Бог удачи прибыл, и благословения вируса здесь».*

Маркеры мотиваторности/демотиваторности

В китайском корпусе интернет-паремий доминируют единицы с нормативно-регулятивной установкой, ориентированные на дисциплину поведения и коллективную мобилизацию, что подтверждается количественными показателями распределения мотиваторов/демотиваторов (Табл. 6): у китайских пословиц преобладают мотиваторы, а у китайских поговорок их доля ещё выше.

Распределение мотиваторов и демотиваторов в китайских интернет-паремиях периода пандемии

Подгруппа	Мотиваторы, кол-во	Мотиваторы, %	Демотиваторы, кол-во	Демотиваторы, %
Китайские пословицы	61	61	39	39
Китайские поговорки	76	76	24	24
Итого	137	68,5	63	31,5

Мотиваторность в китайских паремиях задаётся следующими маркерами:

1. **Императивность и запрет** как прямой способ речевого воздействия: регулярны повелительные формы и запреты 戴... – Носить, 勤... – Часто, 保持... – Сохранять, 避免... – Избегать, а также негативные императивы «莫» (не) и «不» (не), (напр.: «戴口罩, 勤洗手» – «Носи маску, мой руки»; «不聚集, 不串门» («не собирайся, не заходи без дела»; «宅在家中, 避免染疫» – «Оставайся дома, избегай заражения»).

2. **Коллективистская модальность и включённость адресата:** формулы солидарности и совместного действия («我们同努力, 疫情定可防» – «Мы работаем вместе, и эпидемию можно предотвратить»; «团结一心, 共克时艰» – «Объединившись, преодолеть трудности»; «一心移疫» – «Все силы – на перенос пандемии»), задающие «мы-перспективу» и поддерживающие мобилизационную риторику.

3. **Лексика дисциплины, контроля и рациональности**, связанная с институциональными практиками пандемии: 防控 – профилактика и контроль, 责任 – ответственность, 命令 – приказ, 严防死守 – жёсткий оборонительный рубеж, а также цифровые маркеры повседневного контроля («进门扫码» – «Заходишь – сканируй код»; «一日三测» – «Три теста за день»; «开门见码» – «Откроешь дверь – видишь QR-код»; «红码停, 绿码行» – «Красный код – стой, зелёный код – иди»).

4. **Позитивная оценочность и поддерживающие формулы**, которые фиксируют социальную поддержку и надежду: «*疫情无情, 人间有情*» – «*Эпидемия безжалостна, на земле есть любовь*»; «*大疫见大爱, 寒冬有暖*» – «*Сильная эпидемия раскрывает великую любовь, в холодную зиму есть теплое солнце*»; «*疫情是暂时的阴霾, 团结是永恒的阳光*» – «*Эпидемия – это временный туман, а единство – это вечный солнечный свет*».

Демотиваторность в китайском корпусе проявляется иначе и в целом количественно уступает мотиваторной интенции. Её обеспечивают:

1. **Негативно-оценочные предикаты и сравнительные конструкции**, задающие критическую интерпретацию (напр.: «*比病毒更可怕的是人性*» – «*Хуже вируса только человеческая природа*» »; «*咳声皆阳*» – «*Каждый кашель – как ковидный звон*»; «*封了吃, 吃了封*» – «*Карантин – едим, поели – снова карантин*»; «*封日如年*» – «*Карантинный день – словно год*»).

2. **Семантика остановки/ограничения и фрустрации**, возникающая через инверсию привычных формул (напр.: «*家封万事停*» – «*Дом на карантине – дела на паузе*»; «*封区为牢*» – «*Закрытый район – тюрьма*»; «*无码寸步难行*» – «*Без кода ни шагу ступить*»; «*望码欲穿*» – «*Глядишь на код – глаза стёр*»), а также через фиксацию «нормы ограничений» как социальной данности.

3. **Аргументация через негативные последствия и усиление тревожности**, в том числе финансовой и медицинской (напр.: «*省小钱不戴口罩, 花大钱卧床治病*» – «*Сэкономить немного денег, не надевая маску, потратить много денег, оставаясь в постели*»; «*众人聚集病毒高*» – «*Где толпа – там вирус гуляет*»; «*以前囤粮, 现在囤药*» – «*Раньше запасались едой, теперь – лекарствами*»).

4. **Критика паники и суеверий** (демотиваторность может сочетаться с директивностью): в таких единицах отрицательная оценка адресуется не столько санитарным мерам, сколько иррациональным практикам и «непослушанию» («*今天到处乱跑, 明年坟上长草*» – «*Будешь сегодня шататься без дела - на будущий*

год трава на твоей могиле вырастет»; «君若出门到处游，染上病毒无人求» – «Если вы выйдете на улицу и будете путешествовать, вы подхватите вирус, и никто не будет вас искать»; «病毒防控不可怕，就怕人们不听话» – «Не страшна борьба с вирусами, страшны те, кто не слушает»).

В целом китайские интернет-паремии в рамках корпуса выполняют преимущественно регулятивную и мобилизующую функцию: они закрепляют поведенческие нормы (маска, дистанция, отказ от собраний), поддерживают коллективную ответственность и транслируют рационально-дисциплинарную модель реагирования на пандемию.

Анализ русских и китайских интернет-пословиц и интернет-поговорок, сформированных в период пандемии COVID-19, позволяет выявить различия как в прагматической направленности, так и в преобладающих механизмах паремийной трансформации.

Количественные данные показывают, что в русском паремическом корпусе наблюдается близкое к равному соотношение мотиваторов и демотиваторов при небольшом преобладании демотиваторов: для русских пословиц – 46% мотиваторов и 54% демотиваторов, для русских поговорок – 49% мотиваторов и 51% демотиваторов. В китайском корпусе фиксируется иная тенденция: мотиваторы существенно преобладают над демотиваторами (китайские пословицы – 61% / 39%; китайские поговорки – 76% / 24%) (Табл. 5, 6; Рис. 4).

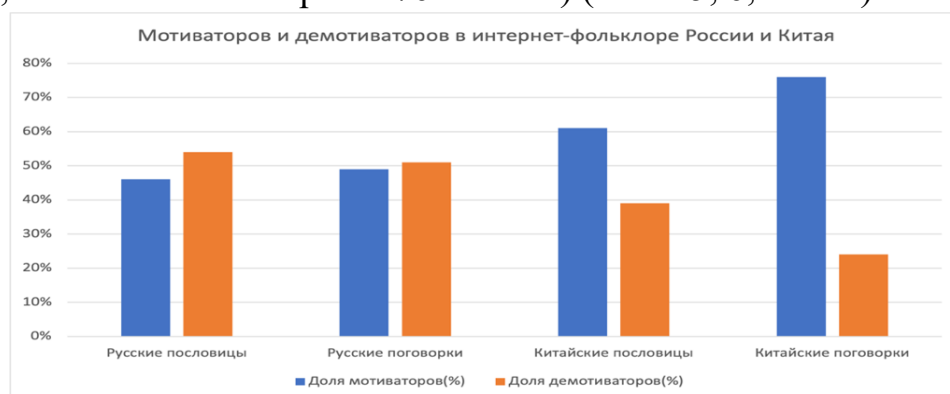

Рисунок 4. Диаграмма мотиваторов и демотиваторов в интернет-фольклоре России и Китая
(на примере пословиц и поговорок)

Различие количественных пропорций связано с различием доминирующих прагматических установок. В русских интернет-паремиях заметнее критико-

оценочная и ироническая модальность, допускающая сомнение и переосмысление норм, тогда как китайские поговорки чаще реализуют директивно-нормативную установку и риторику дисциплины, единства и следования предписаниям, что подтверждается репрезентативными примерами мотиваторов: русская поговорка «Сделал дело – вымой руки» апеллирует к личной ответственности, а китайская «*抗击肺炎，众志成城*» – «В борьбе с пневмонией все люди едины» выражает коллективно-мобилизационную установку; аналогично, русская поговорка «*Сидим дома и спасаем мир*» оформляет призыв в шутливо-призывной форме, тогда как китайская «*戴口罩，勤洗手*» – «Носи маску, мой руки» представляет прямое поведенческое предписание.

На уровне механизмов преобразования традиционных формул в обеих традициях общим является принцип узнаваемости исходного шаблона при тематической актуализации. Для русских поговорок наиболее репрезентативна лексико-семантическая адаптация через замену ключевых лексем при сохранении синтаксического и ритмического каркаса (напр.: «*Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь*» как ремейк «*Слово не воробей...*»; «*Береги маску снова, а здоровье смолоду*»).

Существенную роль играют антипоговорки и иронические конструкции, в которых сохраняется структурный шаблон, но осуществляется смысловая инверсия и сатирическая переработка (напр.: «*Незванный гость – хуже инфицированного*»; «*Где родился – там и сиди на карантине*»; «*Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там*»; «*Обещанной вакцины три года ждут*»).

Для китайского поговорочного корпуса характерны высокая формульность и ориентация на краткие директивы, часто оформленные в виде параллельных конструкций и ритмизованных предписаний: «*戴口罩，不传病毒*» – «Надевай маску, не передавай вирус»; «*勤洗手，保健康*» – «Часто мой руки – сохраняй здоровье»; «*不聚集，不串门...*» – «Никаких собраний, никаких визитов...».

Показательны также конструкции с повтором и параллелизмом, усиливающие

запоминаемость (напр.: «Чистота – залог здоровья, маска – залог безопасности» – «清洁是健康的保证, 口罩是安全的保证»).

Различия проявляются и в тематико-смысловых акцентах. В русских иекстах встречаются единицы, подчеркивающие персональную ответственность и индивидуальную оценку ситуации (включая лексику героизма, гиперболизированные сопоставления и персонализированные оппозиции «карантин/вирус»). В китайских, напротив, сильнее представлены конкретные предостережения и указания на регламент действий (включая акцент на корректность выполнения меры – «戴好口罩, 不给病毒机会» – «Надевай маску правильно – не давай вирусу шанса» и на технические меры профилактики, например вентиляцию).

Таким образом, анализ показывает, что при общей для обеих культур тенденции к обновлению традиционных паремий через тематическую актуализацию пандемийной лексики, русский корпус в большей степени ориентирован на оценочную вариативность, ироническое переосмысление и смысловую инверсию, тогда как китайский корпус – на директивность, нормативность и формульную компактность высказывания. Данные особенности непосредственно отражаются в распределении мотиваторов/демотиваторов и в доминирующих языковых маркерах мотивационной направленности.

Таблица 7

Русские и китайские интернет-паремии периода пандемии

Параметр	Русский корпус (пословицы/поговорки)	Китайский корпус (пословицы/поговорки)
Корпус	N=100 пословиц + N=100 поговорок	N=100 пословиц + N=100 поговорок
Соотношение мотиваторов/демотиваторов	Пословицы: 46% / 54%; Поговорки: 49% / 51%; Итого: 47,5% / 52,5%	Пословицы: 61% / 39%; Поговорки: 76% / 24%; Итого: 68,5% / 31,5%
Доминирующая прагматическая установка	Критико-оценочная и ироническая модальность при наличии нормативных призывов;	Директивно-нормативная установка, мобилизационная риторика; ориентация на

	высокая вариативность оценок	дисциплину, коллективное действие
Типичные жанровые формы/модели	Перефразирование традиционных пословиц/поговорок; антипословицы; постиронические конструкции; ремейки	Формульность, краткость; ритмизованные предписания; параллелизм; устойчивые четырёхзнаковые модели (四字格)
Трансформация 1 (наиболее продуктивная)	Лексико-семантическая субституция при сохранении каркаса: «Вирус не воробей...», «Береги маску снову...»	Лексическая замена в устойчивом шаблоне (в т.ч. чэньюй) при сохранении ритма/структуры: «亲密无间» – «Близкие отношения» → «亲密有间» – «Близость на расстоянии» и др.
Трансформация 2	Инверсия смысла/антипословицы: «Незванный гость – хуже инфицированного»; «Где родился – там и сиди на карантине»	Параллельные директивные конструкции и рифмованные формулы: «戴口罩, 勤洗手» – «Носи маску, мой руки»
Трансформация 3	Контаминация/расширение: «Одна голова хорошо, а две – не менее полутора метров...»	Институционально-лозунговая паремииологизация: «抗击肺炎, 众志成城» – «В борьбе с пневмонией все люди едины»
Основные маркеры мотиваторности	Директивы (императив), лексика ответственности/здоровья, поддержка/солидарность; часто в шутливо-призывной форме	Императивность, запретительность (戴...– Носить..., 勤...– Часто, 不...– Не, 莫...– Не), коллективистская модальность (众志成城, 团结...), рациональность, контроль (防控, 责任)

Основные маркеры демотиваторности	Ирония/сарказм, абсурд, семантическая инверсия; критика контроля/ограничений (пропуска, штрафы)	Негативные оценки и предупреждения о последствиях; критика паники/суеверий; демотиваторность чаще сопряжена с директивностью
Ведущая функция паремий в дискурсе	Осмысление пандемии через оценку и переоценку норм, комическое снятие напряжения, критика	Регуляция поведения, мобилизация, закрепление предписаний и «правильных» моделей действия
Итоговый вывод	Небольшое преобладание демотиваторов отражает значимость иронического, критического канала паремийной реакции	Существенное преобладание мотиваторов отражает доминирование директивно-нормативного канала и мобилизационной риторики

Как отмечает О. В. Ломакина, даже в цифровой среде пословицы остаются важным и удобным способом выражения смысла: они короткие, метафоричные и опираются на общее представление о разумном поведении [Ломакина, 2021].

Таким образом, фольклор, возникающий в интернете во время пандемии, не просто отражает происходящее, но и помогает людям осмыслить происходящее, адаптироваться к нему и выработать понятные правила поведения в новой реальности.

2.2. Репрезентация русской языковой картины мира эпохи пандемии в мемах и каранфиках

Поликодовый текст в цифровом дискурсе трактуется как разновидность креолизованного текста, в котором объединяются вербальный и визуальный компоненты, а также элементы цифрового оформления (типографика, графическое форматирование и др.).

Современные формы художественного высказывания в условиях цифровой среды всё чаще осмысляются в рамках феномена интернет-мемов и веб-культуры, лингвистическое осмысление которых активно развивается, о чём свидетельствуют исследования Дж. Зиттрейна и А. Денисовой [Zittrain, 2014; Denisova, 2019]. Термин мем был введён в научный оборот Р. Докинзом в 1974 году в книге «Эгоистичный ген» для обозначения минимальной единицы культурной информации, способной к репликации и передаче [Докинз, 1989: 158]. В условиях цифровой коммуникации этот термин получил новое наполнение, обозначая краткое и модифицируемое пользователями текстово-визуальное сообщение, характеризующееся высокой степенью интертекстуальности, лаконизма и экспрессивности.

Обращение к интернет-мемам как к разновидности интернет-фольклора актуально, поскольку они репрезентируют актуальные элементы языковой картины мира, отражая реакцию общества на стрессовые обстоятельства пандемии. Как было показано в предыдущих разделах, пандемия COVID-19 инициировала формирование новых когнитивных и языковых моделей, нашедших воплощение в способах сетевого общения [глава 1]. Мемы в данном контексте выполняют функцию семиотического маркера эпохи: они выступают средствами коллективной репрезентации действительности, соединяя универсальные культурные архетипы с национально-специфическими языковыми кодами.

Эмпирическую базу исследования составили 400 визуально-вербальных единиц меметического фольклора, включая 200 русских и 200 китайских интернет-мемов и «каранфинок». Отбор материала осуществлялся в открытых цифровых

источниках (социальные сети, мессенджеры, тематические интернет-подборки) и ограничивался периодом активного функционирования пандемийного дискурса (2020–2021 гг.).

Критериями включения единицы в корпус выступали:

1. Тематическая соотнесённость с пандемийной повесткой (COVID-19, карантин/самоизоляция, масочный режим, дистанция, тестирование, вакцинация, ограничения, бытовые практики в условиях локдауна);
2. Цельность визуально-вербальной структуры (наличие связанного изображения и вербального компонента – подписи/реплики/встроенного текста);
3. Частотность тиражирования и воспроизводимость (повторяемость шаблона, узнаваемость и распространённость в цифровой среде);
4. Символическая насыщенность (наличие устойчивых образов, культурно маркированных отсылок и типовых сценариев пандемийного опыта).

На этапе первичной обработки применялся контент-анализ с фиксацией тематических полей и прагматической установки (мотиватор/демотиватор). Далее проводился тематический и лексико-семантический анализ, результаты которого представлены в сводных таблицах распределения мотиваторов и демотиваторов.

Комический эффект в русских мемах и «карантинках» формируется за счёт комплекса лингвистических механизмов, которые проявляются как на уровне языковых средств, так и на уровне прагматической организации сообщения.

1) Языковая игра и оценочно-экспрессивные средства. Для русских мемов характерно использование экспрессивной лексики, разговорных элементов, междометий, оценочных предикатов, а также графических средств (капитализация, многоточия, повтор знаков препинания), которые имитируют спонтанную устную речь и усиливают эмоциональную нагрузку высказывания. В ряде случаев комический эффект создаётся посредством оксюморона, соединяющего разнонаправленные оценки (например: *«Господи, знай толк в самоизоляции ...»*) (Рис. 5), что фиксирует напряжение между юмористической формой и проблемным содержанием.

Рисунок 5. Мем «Господи, знай толк в самоизоляции...» и «Удалёнка...»

2) Интертекстуальность и прецедентность. Значительная часть мемов строится на отсылках к прецедентным сюжетам, историческим и культурным фигурам, устойчивым образцам массовой культуры. Использование исторического анахронизма (например, мем «Сталин и карантин») (Рис. 6) выполняет функцию оценочного комментария и переводит актуальную ситуацию в рамку узнаваемых культурных сценариев.

Рисунок 6. Мем «Сталин и карантин» и «Мона Лиза в маске»

3) Трансформация устойчивых выражений и формул. Комизм поддерживается за счёт переработки устойчивых выражений, клише и готовых речевых моделей: подстановки актуального компонента, переосмысления значения, сочетания официально-нормативных формул с бытовым контекстом. Данный механизм обеспечивает одновременно узнаваемость исходной модели и актуализацию пандемийной тематики.

4) Неологизация и окказиональные номинации. В мемах фиксируется активное создание новых номинаций и ситуативных словоупотреблений, связанных с пандемийными реалиями. Комический эффект возникает при столкновении нейтральной или официальной номинации с экспрессивной, сниженной или переосмысленной формой, а также при переносе привычных номинаций на новые объекты.

5) Семантические приёмы: метафоризация, гиперболизация, ирония. В корпусе выделяются устойчивые приёмы:

- метафоризация (перенос значения с целью наглядного представления ситуации; напр., интерпретация маски как средства «защиты»; включение года «2020» в предметный ряд как объекта иронического осмысления);
- гиперболизация (экспрессивное преувеличение, придающее бытовым объектам статус символов или «оберегов»);
- ирония и постирония (семантический контраст между вербальным сообщением и ситуацией/изображением, включая персонификацию угрозы и парадоксальную переоценку норм).

В прагматическом отношении указанные механизмы работают в двух направлениях:

а) в мотиваторах чаще поддерживают установку на соблюдение норм и эмоциональную стабилизацию;

б) в демотиваторах чаще служат инструментом критики, скепсиса и фиксации фрустрации, сохраняя при этом юмористическую форму сообщения.

Анализ русских мемов и «карантинок» требует мультимодального подхода, учитывающего взаимодействие вербального, визуального и культурного компонентов сообщения. В рамках данного исследования рассматривались следующие параметры соотношения текста и изображения:

1. Тип связи «текст - изображение»:
 - дублирование (текст повторяет визуально заданный смысл);
 - комплементация (текст уточняет/достраивает смысл изображения);
 - контраст (текст и изображение задают смысловое расхождение, создающее иронию).

2. Композиционные решения: повтор визуальных элементов, расстановка акцентов, сопоставление «типового» изображения и неожиданной подписи. Так, в меме «Спящие люди с надписями о безнадёге» (Рис. 7) повторяемость элементов и однотипность текстовых реплик формируют эффект массовости переживания и усиливают оценочную установку через согласованность вербального и визуального рядов.

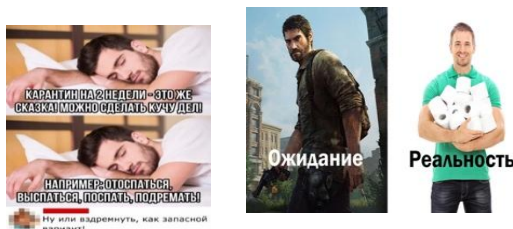

Рисунок 7. Мем «Спящие люди с надписями о безнадёге» и «Ожидание и реальность»

3. Визуальные маркеры оценочности и эмоционального фона: цветовая символика, контрастность, использование узнаваемых символов и предметных деталей. Например, в меме «Последний поцелуй» (Рис. 8) медицинская маска оформляется как визуальный барьер, а смысл высказывания строится на сопоставлении привычного сценария коммуникации с режимом ограничений.

Рисунок 8. Мем «Последний поцелуй» и «Маска для вина»

4. Согласование прагматики: итоговая мотивационная направленность (мотиватор/демотиватор) определяется не только текстом, но и всей конфигурацией визуально-вербального комплекса. В ряде случаев нейтральное по форме высказывание получает критический или поддерживающий смысл за счёт изображения, культурной отсылки или композиционного контраста.

Таким образом, русские мемы и «карантинки» пандемийного периода представляют собой поликодовые тексты, в которых комический эффект и оценочность формируются системным сочетанием языковых механизмов (языковая игра, интертекстуальность, трансформация устойчивых выражений, неологизация, ирония/постирония) и визуальных средств организации сообщения (композиция, символика, цвет, тип связи текста и изображения).

Комический эффект в китайских мемах и «карантинках» формируется в условиях выраженной ориентации на нормативность и социально одобряемые способы вербализации переживаний. В отличие от русскоязычного массива, где комическое часто связано с резкой оценочностью и смысловой инверсией, в китайском корпусе юмористическая функция, как правило, соотнесена с задачами

информационной поддержки, регуляции поведения и демонстрации коллективной согласованности. Систематизация материала позволяет выделить следующие основные механизмы.

1) Синтаксическая компактность и устойчивые клишированные конструкции.

В китайских мемах фиксируется высокая степень структурной организованности высказывания: используются краткие завершённые формулы, параллельные конструкции, ритмизованные модели, обеспечивающие запоминаемость и воспроизводимость. Для директивных сообщений характерны короткие двучленные структуры и повторяемые синтаксические схемы, легко считываемые адресатом. Показательны формулы профилактического характера: 勤洗手, 病毒走 («Часто мойте руки – вирус уйдёт»), 戴口罩, 防传染 («Носите маску – предотвратите заражение»), 要咳嗽, 手肘挡 («Если кашляете – прикройте локтем»), которые функционируют как краткие нормативные высказывания и в меметической среде сохраняют установку на практическое действие.

2) Преобладание директивных речевых актов и нормативной модальности.

Коммуникативная организация китайских мемов демонстрирует приоритет побудительных и предписывающих речевых актов: призыв, инструкция, поддерживающее напоминание. Данная особенность проявляется как в выборе грамматических средств (побуждение, запрет, рекомендация), так и в общей тональности: сообщение ориентировано на фиксацию «правильной» модели поведения и снижение неопределённости за счёт ясной инструкции. В прагматическом плане это соотносится с доминированием мотиваторов в корпусе (61%).

3) Актуализация коллективной перспективы.

В китайской выборке проявляется тенденция к коллективной направленности высказывания: адресат включается в общее действие (объединение, взаимная

поддержка, ответственность). На уровне текста это выражается в формульных призывах к солидарности и совместному преодолению трудностей.

4) Интертекстуальные отсылки и культурно значимые номинации пандемийного времени.

Комизм и оценочность часто формируются за счёт узнаваемых культурных отсылок – к социально значимым символам, именам и объектам, получившим в пандемийный период статус прецедентных. В корпусе отмечаются единицы, где культурно маркированные номинации выполняют оценочно-интерпретативную функцию: например, *逆行者* («те, кто действует вопреки опасности») формирует устойчивую оценку социально одобряемой роли; отсылки к знаковым объектам и именам пандемийного дискурса также включаются в меметический текст как элементы коллективной памяти и публичной повестки.

5) Риторика противодействия эпидемии и преодоления трудностей в пределах нормативного дискурса.

Китайские мемы активно используют образные схемы мобилизационного характера: лексические и композиционные средства задают интерпретацию происходящего как ситуации, требующей организованного действия, дисциплины и выполнения предписаний. Важным является то, что подобные средства в китайском корпусе не индивидуальны, а поддерживают социальную координацию.

6) Контраст ценностных ориентиров и переоценка значимого посредством анализа.

Для части китайских «карантинок» характерны сравнительные конструкции, в которых традиционные маркеры статуса и благополучия анализируются с актуальными знаками пандемийной повседневности. Репрезентативен пример: *此时此刻什么宝马，都比不上拥有 24 小时绿码* («Сейчас даже BMW не сравнится с наличием 24-часового “зелёного кода”»). Подобные высказывания фиксируют смену практических приоритетов и создают комический эффект за счёт формально правильного, но неожиданного сопоставления.

В целом китайский корпус демонстрирует, что юмористическая функция в мемах не отменяет нормативной ориентации: комическое здесь чаще реализуется как способ сделать предписание запоминаемым, снизить напряжение и поддержать социально одобряемые модели поведения, а не как инструмент резкой критики.

Анализ взаимодействия вербального и визуального компонентов в китайском корпусе позволяет выявить устойчивые параметры соотнесения текста и изображения.

1) Согласованное соотнесение вербального и визуального рядов.

Для китайских визуально-вербальных единиц характерна ситуация, при которой изображение, как правило, уточняет и усиливает смысл текста, а не вступает с ним в смысловой конфликт. Текст получает визуальное подкрепление (показ правильного действия, демонстрация социально одобряемого поведения), что способствует однозначности интерпретации и повышает прагматическую эффективность сообщения.

2) Информативная организация визуального слоя.

В китайской выборке заметна близость ряда материалов к форматам социальной визуальной коммуникации: упрощённая композиция, наглядность, ориентация на быстрое считывание, чёткая связка «сообщение - иллюстрация». Такое визуальное решение согласуется с синтаксической компактностью и нормативностью текста: сообщение функционирует как краткая инструкция или поддерживающее напоминание.

3) Преобладание документально ориентированных изображений и социальных ролей: широко представлены фотографии, в которых акцентируется роль врачей, курьеров, волонтёров и других участников пандемийной повседневности.

4) Визуальные маркеры регламента и контроля как элементы пандемийной повседневности.

Китайские мемы фиксируют и визуальные признаки «новой нормальности» (знаки санитарного режима, цифровые элементы контроля и допуска), которые дополняют вербальный смысл и усиливают прагматическую установку сообщения.

В таких случаях визуальный элемент выполняет функцию подтверждения и конкретизации текста: адресат получает не абстрактный призыв, а «привязанный» к узнаваемой практике сигнал.

Таким образом, китайские мемы и «карантинки» в рамках исследуемого корпуса характеризуются преобладанием мотиваторной направленности, нормативной модальностью и высокой степенью согласования вербального и визуального компонентов. Комическое в данной традиции чаще выступает как средство упорядоченного, социально приемлемого выражения оценки и поддержки, обеспечивая запоминаемость директив и их включение в массовую цифровую коммуникацию.

Следовательно, анализ русских и китайских мемов и «карантинок» пандемийного периода (200 в каждой выборке) выявляет устойчивые различия в распределении мотивационной направленности, в модально-прагматической организации высказываний, а также в способах соотнесения вербального и визуального компонентов.

Количественные данные показывают, что в русскоязычном корпусе преобладают демотиваторы (136 ед.; 68%) при меньшей доле мотиваторов (64 ед.; 32%). В китайском корпусе наблюдается обратная тенденция: доминируют мотиваторы (122 ед.; 61%), демотиваторы составляют 78 ед.; 39% (Табл. 8; Рис. 9), что соотносится с различием тональности и модальности: русские мемы чаще характеризуются остро оценочной установкой (ирония, саркастическая интонация), тогда как китайские тексты ориентированы на позитивно-нормативную модальность и рационализированное представление правил поведения.

Таблица 8

Распределение мотиваторов и демотиваторов в русских и китайских мемах и «карантинках»

Культура	Мотиваторы (ед.)	Демотиваторы (ед.)	Доля мотиваторов (%)	Доля демотиваторов (%)
Россия	64	136	32%	68%
Китай	122	78	61%	39%

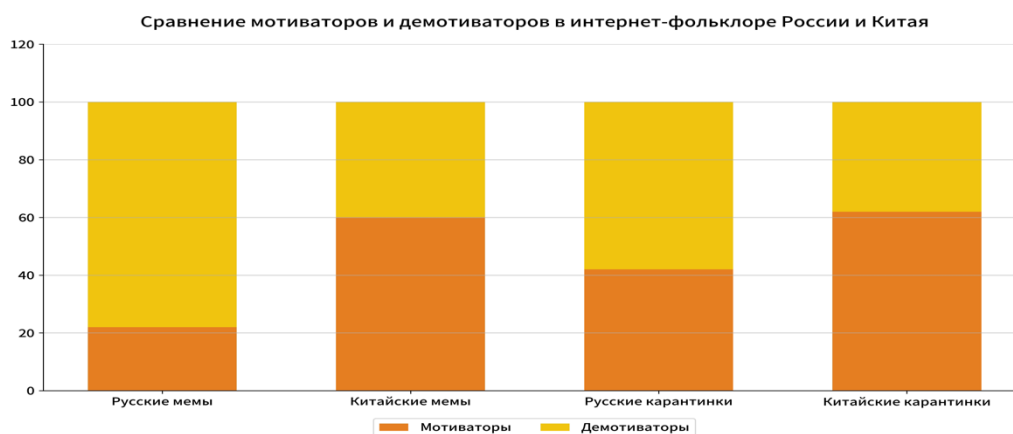

Рисунок 9. Диаграмма мотиваторов и демотиваторов интернет-фольклора России и Китая (на примере мемов и «карантинок»)

Синтаксические особенности также демонстрируют различие коммуникативных стратегий. В русскоязычных мемах преобладают конструкции, имитирующие спонтанную разговорную речь (реплики, диалогизация, экспрессивное членение), в китайском корпусе чаще фиксируются структурно завершённые краткие формулы, построенные по принципам лаконичности и смысловой однозначности.

Различия прослеживаются и на уровне речевых актов. Русские мемы преимущественно реализуют экспрессивно-комментирующую стратегию: фиксируют переживание, дают оценку ситуации, допускают сомнение и переосмысление нормативных установок. Китайские мемы в большей степени ориентированы на директивно-регулятивную стратегию: текст функционирует как инструкция, призыв, напоминание, а также как средство поддержания коллективной согласованности и общей ответственности.

На уровне языковых средств русская выборка демонстрирует активное использование сниженной и экспрессивной лексики, механизмов языковой игры, прецедентных отсылок, трансформации устойчивых выражений и постиронических эффектов. Китайская выборка характеризуется преобладанием нейтральной и нормативной лексики, клишированных формул, афористических конструкций, а также тематической концентрацией на профилактике, дисциплине и социально одобряемых моделях поведения. В результате комическое в русской традиции чаще связано с критической оценкой, смысловой инверсией и игровым

перераспределением значимого, тогда как в китайской традиции комическое чаще выполняет функцию повышения запоминаемости предписания и снижения напряжения при сохранении нормативной установки.

Взаимодействие вербального и визуального кодов в двух выборках также различается. В русских мемах нередко используется контраст между изображением и подписью, что формирует иронический эффект и усиливает оценочность; визуальный ряд может актуализировать культурные отсылки и служить средством критического комментария. В китайских мемах чаще наблюдается согласованное соотнесение текста и изображения: визуальный компонент подтверждает и конкретизирует вербальную директиву или поддерживающее сообщение; композиция нередко тяготеет к плакатно-инфографическому решению, обеспечивающему однозначность интерпретации.

Таблица 9

Русские и китайские мемы и «карантинки» периода пандемии

Параметр	Русский корпус	Китайский корпус
Объём выборки	N=200	N=200
Соотношение мотиваторов/демотиваторов	64 / 136 (32% / 68%)	122 / 78 (61% / 39%)
Тональность и модальность	Преобладание оценочной установки; частотны ирония, сарказм	Преобладание нормативной и поддерживающей установки; ориентация на рациональное поведение, следование правилам
Синтаксическая организация	Тяготение к спонтанной разговорной структуре, репликам, диалогизации, экспрессивному членению	Тяготение к кратким структурно завершённым формулам; лаконичность, смысловая однозначность
Доминирующие речевые акты	Комментарий, оценка, фиксация переживания, ироническое переосмысление	Призыв, инструкция, напоминание, регуляция поведения, поддержка

		коллективной согласованности
Основные лингвистические механизмы комического	Языковая игра, прецедентность, трансформация устойчивых выражений, постирония	Клишированные формулы, афористичность, директивные конструкции; комическое часто повышает запоминаемость предписания
Лексическая палитра	Сниженная/экспрессивная лексика, разговорная стилизация, высокая оценочность	Нейтральная и нормативная лексика, преобладание утвердительных, предписывающих высказываний
Соотнесение текста и изображения	Часто контрастное соотнесение (иронический эффект); визуальный код может выполнять критико-комментирующую функцию	Чаще согласованное соотнесение: изображение подтверждает/уточняет текст
Связь с официальным дискурсом	Более выраженная дистанция и критичность по отношению к нормативным установкам	Более выраженная тенденция к нормативными и мобилизационными установками публичной коммуникации
Функция в дискурсе	Переосмысление и оценка пандемийного опыта, включая критический комментарий и эмоциональную разрядку	Поддержание норм поведения, снижение неопределённости и эмоциональная стабилизация при сохранении нормативной установки

Таким образом, русские и китайские мемы и «карантинки» при общей тематической базе (пандемийная повседневность, меры профилактики, ограничения) реализуют разные модели смысловой организации: русскоязычная

выборка в большей степени ориентирована на оценочную вариативность и критическое переосмысление нормы, а китайскоязычная – на нормативно-регулятивное сопровождение поведения и поддержание коллективной согласованности.

2.3. Корпусный анализ русских хэштегов пандемийной эпохи с позиции носителей китайского языка

Пандемия COVID-19 существенно изменила цифровую коммуникацию, что привело к активному функционированию гибридных жанров интернет-фольклора, основанных на взаимодействии разных семиотических кодов и на прагматике кратких маркирующих единиц. В настоящем исследовании к таким жанрам отнесены поликодовые тексты и хэштеги, которые рассматриваются как репрезентативные формы языковой фиксации и интерпретации пандемийной повестки в русскоязычном медиапространстве.

Хэштег понимается как графически маркированная единица (знак # + последующая последовательность символов), выполняющая функции тематической разметки, смысловой агрегации и прагматического воздействия в цифровой коммуникации. В жанровой системе интернет-фольклора хэштеги занимают промежуточное положение между малыми текстовыми формами и дискурсивными метками: при минимальном объёме они способны фиксировать оценку, осуществлять интерпретацию и выступать в роли микролозунга или, напротив, средства иронического комментирования.

Эмпирическая база данного подраздела включает:

- а) русскоязычные поликодовые тексты (N=100);
- б) русскоязычные хэштеги (N=100).

Материал отобран из открытых интернет-источников; временные рамки формирования корпуса – 2020–2021 гг.

Единицами анализа выступают:

- 1) для поликодовых текстов – отдельная визуально-вербальная единица, в которой изображение и текст (включая графическое оформление) образуют целостную прагматическую конструкцию;
- 2) для хэштегов – отдельный хэштег как маркированная единица цифрового высказывания (в составе публикации/подборки), независимо от длины и внутренней структуры.

Критерии включения в корпус (общие для обоих подкорпусов):

- тематическая соотнесённость с пандемийной повесткой (COVID-19, карантин/самоизоляция, профилактика, вакцинация, ограничения, повседневная деятельность, периода локдауна);
- воспроизводимость и распространённость в цифровой среде (репрезентативность, частотность употребления);
- языковая релевантность русскоязычному сегменту (вербальный компонент/лексическая форма хэштега).

Для обеспечения анализа материала применяется единая система прагматического кодирования «мотиватор/демотиватор», понимаемая как бинарная характеристика преобладающей установки высказывания: поддержка/побуждение к нормативному поведению vs критика/скепсис/негативная оценка. В русскоязычном корпусе хэштегов количественно преобладают мотиваторы (57%), однако значимым является явление модального смешения, когда побудительная формула сочетается с ироничностью.

Тематическая классификация русскоязычных хэштегов показывает, что кластеризация строится вокруг ключевых сфер пандемийного опыта, при этом для разных кластеров характерны собственные типы номинаций, словообразовательные модели и графические решения.

1) «Здоровье и медицина» (33%) – крупнейший кластер русских хэштегов, объединяет две взаимосвязанные линии: (а) терминологически маркированные, «официально-медицинские» номинации и (б) оценочные/полемиические метки, фиксирующие сомнение, недоверие или конфликт интерпретаций. Типичные примеры: #спутникv, #обеспечениекислородом, #наукапротивпаники (терминологизация и рациональная рамка) и #вакцинацияпропаганда, #фейкиовакцинах, #иммунныйпаспорт (оценочная и конфликтная рамка). Языковыми маркерами кластера выступают:

- высокая доля сложносоставных образований (слитное соединение основ: «наука+против+паники», «обеспечение+кислородом»);

- медицинская и административно-медицинская лексика (вакцинация, антитела, госпитали, сертификат и др.);

- графические включения латиницы/символов (например, V в #спутникv), подчёркивающие связь с медиадискурсом и брендингом.

2) «Юмор и ирония» (9%) – кластер комментирования пандемийной реальности, где хэштег функционирует как средство оценки и интерпретации. Примеры: #пандемийноеискусство, #счастьенаповодке, #вирусныйюмор, #локдаунмемы. Для данного кластера характерны:

- номинации с культурными и бытовыми компонентами (искусство, счастье, юмор), переводящие событийность в рамку повседневной интерпретации;

- высокая роль переносных, оценочных сочетаний, оформленных как слитные теги;

- частое соседство с меметическими форматами (смысловая связь с «карантинками», подборками, микросюжетами).

3) «Правовые аспекты» (8%) – кластер нормативного контроля и реакций на него. Примеры: #пропуски, #штрафы, #электронныепропуска, а также более официальные номинации типа #режимповышеннойготовности. Маркеры кластера:

- доминирование институциональной лексики (пропуск, штраф, режим, ограничения);

- высокая частотность слитных сложных слов, обеспечивающих сжатие официальных формулировок.

4) «Повседневность и практики самоизоляции»: #лучшедома, #самоизоляция, #карантин, #домашнийофис, #удаленнаяработа, #бесконтактнаядоставка, #домашнийфитнес, #карантинныерецепты и др.

Здесь выделяются два устойчивых типа номинаций:

а) директивные/императивные формулы, задающие поведенческую норму: #оставайтесьдома, #надевайтемаски, #мойтеруки;

б) номинативные обозначения новых практик, фиксирующие повседневные изменения: #дистанцирование, #ношениемасок, #удаленнаяработа. Продуктивными словообразовательными моделями выступают: образование от

повелительных форм глагола, отглагольные существительные (обозначение процесса), сложносоставные конструкции.

5) «Технологии и дистанционные форматы»: #Зум–встречи, #платформыдлязума, #онлайнэкзамены, #виртуальныелаборатории, #кибербезопасностьудалёнки и др.

Маркерами кластера выступают англицизмы и заимствованные номинации (Zoom/онлайн), сложение основ («платформы+для+зума»), а также графическое варьирование (дефисы, прописные буквы, смешение кириллицы и латиницы в зависимости от источника).

6) «Экономика и кризисные эффекты»: #Экономическийкризис, #ростбезработицы, #инфляция2021, #деньгиподугрозой, #антикризисныемеры.

Для кластера типичны номинации с абстрактными существительными (кризис, инфляция, меры), а также включение цифровых индексов (например, год) как средства уточнения актуальности темы.

Отдельно следует подчеркнуть графико-орфографические особенности русских хэштегов: слитное написание многокомпонентных сочетаний (#социальнаядистанция), вариативность регистра (#Здоровье / #здоровье), включение цифр и дефисов (#Ковид–19), а также использование пунктуации и пробелов, когда хэштег приближается к заголовочной формуле (#Коронавирус: шаг за шагом). Данные графические решения повышают различимость тега, поддерживают читабельность.

В целом русскоязычные хэштеги демонстрируют сочетание директивной функции и оценочной функции, что позволяет рассматривать хэштеги как компактный инструмент фиксации не только тематики, но и модальности пандемийного опыта в структуре русской языковой картины мира.

Таблица 10

Тематические кластеры русских хэштегов

Кластер	Примеры	Маркеры	Функция
Здоровье и медицина (33%)	#спутникv; #обеспечениекислородом;	Номинации: (а) терминологически и административно-	Мотиватор /

	#наукапротивпаники; #вакцинацияпропаганда; #фейкиовакцинах; #иммунныйпаспорт	медицинские, (б) оценочные/полемические; словообразование: высокая доля сложносоставных слитных образований («наука+против+паники», «обеспечение+кислородом»); графика: включение латиницы/символов (V в #спутникv), смешение регистра	демотиватор
Юмор и ирония (9%)	#пандемийноеискусство; #счастьенаповодке; #вирусныйюмор; #локдаунмемы	Номинации: культурно-бытовые компоненты (искусство/счастье/юмор), переводящие событие в рамку повседневной интерпретации; словообразование: оценочные сочетания в виде слитных тегов	Демотиватор
Правовые аспекты (8%)	#пропуски; #штрафы; #электронныепропуска; #режимповышеннойготовности	Номинации: институциональная/административная лексика (пропуск, штраф, режим, ограничения); словообразование: слитные сложные слова, сжимающие официальные формулировки; графика: преимущественно нейтральная	Демотиватор
Повседневность и практики самоизоляции	#лучшедома; #самоизоляция; #карантин; #домашнийофис; #удаленнаяработа; #бесконтактнаядоставка; #домашнийфитнес; #карантинныерецепты	Номинации: два типа: (а) директивные/императивные формулы, (б) номинативные обозначения новых практик; словообразование: императивные основы (#оставайтесьдома, #надевайтемаски, #мойтер руки), отглагольные существительные (#дистанцирование, #ношениемасок), сложносоставные	Мотиватор

		конструкции; графика: слитность многокомпонентных тегов	
Технологии и дистанцион ные форматы	#Зум-встречи; #платформыдлязума; #онлайнэкзамены; #виртуальныелaborатории; #кибербезопасностьудалёнки	Номинации: англицизмы/заимствования (Zoom/онлайн) + русские компоненты; словообразование: сложение основ («платформы+для+зума»), словообразовательная компрессия; графика: дефисы, прописные буквы, смещение кириллицы/латиницы (вариативность источников)	Мотивато р
Экономика и кризисные эффекты	#Экономическийкризис ; #ростбезработицы; #инфляция2021; #деньгиподугрозой; #антикризисныемеры	Номинации: абстрактные существительные (кризис, инфляция, меры) и управленческая лексика; словообразование: слитные сложносоставные теги; графика: включение цифровых индексов (год: 2021) как маркер актуализации	Демотива тор

Кластеризация китайских хэштегов (N=100) демонстрирует доминирование тематик, связанных с нормативной вербализацией пандемийного опыта и с поддержанием коллективной согласованности. Ведущие смысловые поля представлены следующими кластерами.

(1) Поддержка и солидарность (16%). Кластер формируется за счёт хэштегов, выражающих объединение и взаимную поддержку: например, #我们在一起 мы вместе, #希望之光 луч надежды, #武汉加油 Ухань, держись!. Для данного кластера характерны:

- **тип номинации:** коллективно-объединяющая формула;
- **словообразовательная модель:** краткие синтаксически завершённые конструкции без усложнённой морфологии;

- **графика:** стандартная иероглифическая запись без разделителей; высокая читаемость достигается за счёт предсказуемости компонентов и устойчивости формулы. Прагматически данные хэштеги функционируют преимущественно как **мотиваторы**, так как фиксируют поддерживающую установку и направлены на консолидацию.

(2) Здоровье и медицина (15%). Кластер включает хэштеги медицинской тематики и общественного здравоохранения: *#抗击新冠肺炎 Борьба с новой коронавирусной пневмонией, #核酸检测 Тест на нуклеиновую кислоту, #疫苗研发 Разработка вакцины, #免疫力提升 повышение иммунитета, #全球抗疫 глобальная борьба с эпидемией*, а также связанные с режимами профилактики и контроля *#戴口罩行动 Акция «Носите маски», #居家隔离 домашний карантин*. В отличие от русскоязычного сегмента, внутри данного поля доминирует официальный, рациональный и терминологически маркированный тип номинаций. Характерные маркеры:

- **тип номинации:** термин (вакцина, иммунитет, тестирование), институциональная мера (изоляция, масочный режим);

- **словообразование:** продуктивны дву- и трёхкомпонентные сложения с опорными морфемами 疫 – пандемия, 抗 – борьба, 防 – профилактика, 核酸 – ПЦР-текст, 疫苗 – вакцина, 健康 – здоровье, задающими тематическую принадлежность;

- **графика:** возможны включения латиницы в технологически маркированных тегах (ниже), но в медицинском ядре преобладает иероглифическая запись.

(3) Правовые и нормативные реалии (6%). Кластер объединяет хэштеги, закрепляющие регламенты и режимы контроля: *#生物安全法 закон о биобезопасности, #健康码互认 Взаимное признание кодов здоровья, #健康码变色 изменение цвета кода здоровья*, а также метки, фиксирующие варианты статуса

кода (#健康码黄码 Жёлтый код здоровья, #健康码红码 Красный код здоровья). Для поля характерны:

- **тип номинации:** юридическая/административная номинация;
- **словообразование:** сложные сочетания с компонентами 法 (закон), 码 (код), 互认 (взаимное признание);
- **графика:** иероглифическая запись обеспечивает компактность без потери структурной ясности (компоненты устойчивы и повторяемы). Функционально такие хэштеги чаще выступают как **мотиваторы нормативного типа** (маркируют принятие регламентов), однако в отдельных случаях допускают оценочность (напр., теги о «эффективности локдауна»).

(4) Технологии и цифровизация пандемийной повседневности. Кластер формируется вокруг цифровых и технических решений: #智能测温 Умное измерение температуры, #远程会议 Онлайн-совещания, #线上办公 Удалённая работа, #远程医疗 Телемедицина, #网课生活 Онлайн-обучение, #云展览 Онлайн-выставки, #云毕业典礼 Онлайн-выпускной, #健康码大数据 Большие данные кодов здоровья, #数字人民币试点 Пилотный проект цифрового юаня. Маркеры:

- **тип номинации:** технологии /сервис/режим цифровой организации;
- **словообразование:** продуктивны модели с компонентами 云 ('онлайн/сетевой формат'), 远程 ('дистанционный'), 数字 ('цифровой');
- **графика:** регулярны включения латиницы и аббревиатур, что маркирует принадлежность к технологическому дискурсу. Прагматически преобладают **мотиваторы**, так как теги описывают способы адаптации и нормативные технологические процедуры.

(5) Социальная поддержка и уязвимые группы. Кластер представлен хэштегами, фиксирующими адресную помощь и социальную заботу: #留守儿童 Дети мигрантов, #老年人防疫 Защита пожилых, #残障人士保障 Поддержка инвалидов, #心理援助 Психологическая помощь, #医疗物资援助 Медицинская помощь. Маркеры:

- тип номинации: социальная категория + мера поддержки/защиты;
- словообразование: сочетания с компонентами 保障 ('обеспечение/защита'), 援助 ('помощь');

- графика: нейтральная иероглифическая запись, ориентированная на однозначность интерпретации. Функция – преимущественно **мотиваторная**, поскольку актуализируется поддержка и социальная ответственность.

(6) Экономика и восстановительные меры. В китайском списке хэштегов выделяются номинации экономических процессов: #复工复产 *Возобновление производства*, #经济复苏 *Восстановление экономики*, #稳就业 *бильность занятости*, #中小企业扶持 *Поддержка малого бизнеса*, #全球供应链 *Глобальные цепочки поставок*. Маркеры:

- тип номинации: экономический процесс/мера стабилизации;
- словообразование: сложения с компонентами 复 ('возобновление'), 稳 ('стабилизация'), 扶持 ('поддержка');
- графика: компактные иероглифические конструкции без дополнительных знаков.

Таблица 11

Тематические кластеры китайских хэштегов

Кластер	Примеры	Языковые маркеры	Функция
Поддержка и солидарность	#我们在一起 мы вместе, #希望之光 луч надежды, #武汉加油 Ухань, держись!	Коллективные существительные; краткие конструкции; иероглифическая запись без усложнения структуры	Мотиватор
Здоровье и медицина	#核酸检测 Тест на нуклеиновую кислоту, #疫苗研发 Разработка вакцины, #免疫力提升 повышение иммунитета, #全球抗疫 глобальная борьба с эпидемией	Терминологические номинации; сложения с опорными компонентами (疫 – пандемия, 抗 – борьба, 防 – профилактика, 核酸 – ПЦР-текст, 疫苗 – вакцина, 健康 –	Мотиватор

		здоровье); нейтральная графика	
Правовые и нормативные реалии	#生物安全法закон о биобезопасности, #健康码互认Взаимное признание кодов здоровья, #健康码变色 изменение цвета кода здоровья	Административно-правовая лексика; компоненты 法 (закон), 码 (код), 互认 (взаимное признание); номинативный характер тега	Мотиватор нормативного типа / нейтр.
Технологии и цифровизация	#智能测温Умное измерение температуры, #远程会议Онлайн-совещания, #线上办公Удалённая работа, #远程医疗Телемедицина, #云展览Онлайн-выставки	Модели с 云 ('онлайн/сетевой формат'), 远程 ('дистанционный'), 数字 ('цифровой'); включение латиницы; технологическая номинация	Мотиватор
Социальная поддержка	#老年人防疫Защита пожилых, #残障人士保障Поддержка инвалидов, #心理援助Психологическая помощь, #医疗物资援助Медицинская помощь	«категория + мера поддержки»; компоненты 保障 ('обеспечение/защита'), 援助 ('помощь'); нейтральная графика	Мотиватор
Экономика и восстановление	#复工复产Возобновление производства, #经济复苏Восстановление экономики, #稳就业Бильность занятости, #中小企业扶持Поддержка малого бизнеса	Управленческо-экономические номинации; компоненты 复 ('возобновление'), 稳 ('стабилизация'), 扶持 ('поддержка'); компактные сложения	Мотиватор

Анализ русскоязычного и китайскоязычного материала показывает, что в русскоязычном корпусе хэштегов мотиваторы количественно преобладают (57%), мотиватор часто получает двойную интерпретацию за счёт языковой игры и оценочной неоднозначности. Тематическая классификация показывает, что крупнейший кластер «Здоровье и медицина» (33%) объединяет две линии: (а)

терминологически и административно маркированные номинации (#спутникv, #обеспечениекислородом, #наукапротивпаники) и (б) полемические метки, фиксирующие сомнение и конфликт интерпретаций (#вакцинацияпропаганда, #фейкиовакцинах, #иммунныйпаспорт). Кластер «Юмор и ирония» (9%) выполняет функцию оценочного комментирования пандемийной реальности и тесно связан с меметическими форматами. Кластер «Правовые аспекты» (8%) чаще представляет реакцию на контрольные меры (#пропуски, #штрафы, #электронныепропуска, #режимповышеннойготовности). Остальные тематические зоны («повседневность самоизоляции», «технологии и дистанционные форматы», «экономика») распределены по меньшим группам и часто сохраняют эмоциональную окраску.

Для китайского корпуса хэштегов характерно количественное преобладание единиц с мотивационной семантикой (62%). Ведущие семантические поля включают «Поддержку и солидарность» (16%) (#我们在一起 мы вместе, #武汉加油 Ухань, держись!), «Здоровье и медицину» (15%) (#抗击新冠肺炎 Борьба с новой коронавирусной пневмонией, #核酸检测 Тест на нуклеиновую кислоту, #疫苗研发 Разработка вакцины, #免疫力提升 повышение иммунитета, #全球抗疫 глобальная борьба с эпидемией, #戴口罩行动 Акция «Носите маски», #居家隔离 домашний карантин), а также «Правовые и нормативные реалии» (6%) (#生物安全法 закон о биобезопасности, #健康码互认 Взаимное признание кодов здоровья, #健康码变色 изменение цвета кода здоровья). Существенную роль играют и группы, связанные с цифровыми практиками и организацией пандемийной повседневности (например, теги с компонентом 云 ‘сетевой формат’, 远程 ‘дистанционный’, 数字 ‘цифровой’), а также хэштеги социальной поддержки и экономического восстановления (#留守儿童 Дети мигрантов, #老年人防疫 Защита пожилых, #残障人士保障 Поддержка инвалидов, #心理援助 Психологическая помощь, #医疗物资援助 Медицинская помощь, #经济复苏 Восстановление экономики, #稳就业 бильность занятости).

Различия выявляются и на уровне языковой формы хэштегов. Русские хэштеги чаще совмещают терминологическое обозначение и оценочный комментарий. Китайские хэштеги в большей степени ориентированы на стандартизованные обозначения мер, процедур и коллективных действий; оценочность выражается реже и обычно не имеет иронической направленности. Для русского материала типичны слитные многокомпонентные образования и продуктивны императивные формы (#мойтеруки, #надевайтемаски) и отглагольные существительные (#дистанцирование, #ношениемасок). Для китайского материала характерны компактные иероглифические сложения с повторяющимися опорными компонентами (疫 – пандемия, 抗 – борьба, 防 – профилактика, 核酸 – ПЦР-текст, 疫苗 – вакцина, 健康 – здоровье и др.). В графическом оформлении русские хэштеги демонстрируют широкую вариативность: слитное написание (#социальнаядистанция), регистровые колебания (#Здоровье/#здоровье), цифры и дефисы (#Ковид-19; #инфляция2021), а также включение латиницы/символов (#спутникv). Китайские хэштеги в целом более единообразны по графике за счёт иероглифической записи; латинские вставки и аббревиатуры встречаются преимущественно в технологически маркированных номинациях.

Таблица 12

Русские и китайские хэштеги и поликодовые тексты: количественные показатели и основные различия (2020–2021 гг.)

Параметр	Русский материал	Китайский материал
Хэштеги: доля мотиваторов (N=100)	57% (существенно сочетание побуждения с иронической оценкой)	62% (преобладает нормативная мотивационная семантика)
Хэштеги: ведущие тематические группы	«Здоровье и медицина» (33%: терминологическая и полемическая линии), «Юмор и ирония» (9%), «Правовые аспекты» (8%), далее – повседневность, технологии, экономика	«Поддержка и солидарность» (16%), «Здоровье и медицина» (15%), «Правовые и нормативные реалии» (6%), а также технологии, цифровые навыки, социальная поддержка, экономика и восстановление

Номинация	Совмещение терминологической и оценочной номинации	Преобладание стандартизованных обозначений мер, процедур и коллективных действий; оценочность выражена сдержаннее
Словообразование	Слитные многокомпонентные теги; императивные формы; отглагольные существительные	Компактные иероглифические сложения с опорными компонентами (疫 – пандемия, 抗 – борьба, 防 – профилактика, 核酸 – ПЦР-текст, 疫苗 – вакцина, 健康 – здоровье и др.)
Графика	Вариативность регистра, цифры, дефисы, пунктуация; возможна латиница/символы	Единообразие иероглифической записи; латинские вставки в основном в технологических тегах
Общая прагматика	Директивность сочетается с оценкой и ироническим комментарием	Директивность и консолидация; фиксация нормативных практик и коллективной поддержки

В целом русскоязычные хэштеги чаще выполняют одновременно директивную и оценочную функции (включая ироническую интерпретацию), тогда как китайскоязычные хэштеги преимущественно реализуют регулятивную и консолидирующую функцию, закрепляя нормативные практики и коллективные формы поддержки.

Выводы по Главе 2

В главе 2 сформирован и описан корпус интернет-фольклора пандемийного периода, определены единицы анализа и критерии отбора, обеспечивающие воспроизводимость исследования и сопоставимость жанровых материалов.

Реализован комплексный подход, сочетающий количественные процедуры тематической группировки и распределения преобладающей прагматической направленности с лингвистическим описанием (лексико-семантический, морфологический и семиотический анализ), что позволило соотнести формальные языковые признаки с коммуникативными задачами высказываний.

На материале интернет-паремий установлены продуктивные механизмы жанровой адаптации традиционных формул к пандемийной тематике и выделены маркеры мотивационной направленности; показано, что в русском материале заметна значимая доля критико-оценочной и иронической модальности при сохранении нормативно-регулятивных установок. На материале китайскоязычных интернет-паремий показано, что языковая картина мира коронавирусной эпохи репрезентируется преимущественно через установки на нормирование поведения, дисциплину и коллективную ответственность; описаны устойчивые языковые признаки, выражающие предписания, запреты, формулы совместного действия и лексику контроля.

Анализ русских мемов и «карантинок» показал, что преобладающая прагматическая направленность и оценочность в значительной степени определяются конфигурацией визуально-вербального комплекса, ироническим переосмыслением и критической оценкой. В китайском языке отмечается преобладание поддерживающе-нормативной модальности; характерны согласование текста и изображения и ориентация на предписывающие и стабилизирующие смыслы, что обеспечивает однозначность интерпретации.

Для хэштегов и поликодовых текстов выявлена тематическая организованность материала и жанрово обусловленные языковые признаки: описаны типы номинаций, словообразовательные модели и графико-орфографические решения. В русскоязычном корпусе хэштегов и поликодовых

текстов показано, что хэштеги функционируют не только как тематические метки, но и как средство оценки и интерпретации, причём побуждающие формулы часто сочетаются с оценочной вариативностью. В китайском языке доминируют темы, связанные с нормативной фиксацией пандемийного опыта и поддержанием коллективной согласованности; наблюдается преобладание стандартизованных номинаций мер, процедур и социального опыта, что отражает ориентацию на упорядочивание коммуникации и поведения.

Анализ показал, что различия китайской и русской языковой картины мира наиболее устойчиво проявляются в распределении прагматических установок (поддержка/регуляция vs критика/оценка), в степени формульности и в характере согласования вербального и визуального кодов в поликодовых жанрах.

В целом результаты главы II позволяют заключить, что русская языковая картина мира коронавирусной эпохи в жанрах интернет-фольклора характеризуется усиленной оценочностью, критической рефлексией и вариативностью интерпретаций, тогда как китайскоязычная картина мира в исследуемом материале преимущественно проявляется через нормативность, директивность и коллективно ориентированные способы смысловой организации высказываний.

Глава 3. Русская языковая картина мира в фольклоре периода covid-19 на фоне китайской национальной традиции

Материалом исследования послужили единицы интернет-фольклора коронавирусной эпохи, функционирующие в русскоязычном и китайскоязычном интернет-пространстве. Корпус включил пословицы и поговорки, а также мемы и иные краткие вербальные единицы, появившиеся и актуализированные в период пандемии COVID-19. Для решения задач был сформирован двуязычный массив из 1200 сообщений: 600 единиц китайского и 600 единиц русского материала. Источниковую базу составили интернет-ресурсы справочного и пользовательского характера, в том числе специализированные словари (Chinese-English Dictionary of Terms Related to COVID-19 и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи»), фиксирующие распространённые в период пандемии языковые и фольклорные единицы.

Наряду с указанным двуязычным массивом, рассматриваются русскоязычные формы цифрового фольклора, репрезентирующие особенности пандемийной коммуникации в разных медиажанрах. Во-первых, анализируется феномен «карантинок» как кратких комических произведений, создаваемых и распространяемых в онлайн-пространстве в условиях пандемии. Источником послужила коллекция Государственной публичной исторической библиотеки («коронавирусный архив»), сформированная в период с 5 марта по 30 июня 2020 года; в настоящее время коллекция охватывает 3082 единицы хранения. Каждый экспонат снабжён описанием (название, тип, дата, участники, источник, тематика). Для классификации данных использовали 86 тематических хэштегов.

Во-вторых, для выявления тематической организации и прагматических функций цифровой коммуникации привлекался корпус хэштегов, используемых в русскоязычном дискурсе периода пандемии, что позволило перейти к процедуре тематической кластеризации и описанию характерных языковых признаков соответствующих групп.

Критерии отбора материала определялись задачами главы и спецификой объекта исследования. В корпус включались единицы, (1) тематически связанные с пандемией COVID-19 и её социально-медицинскими последствиями (карантин, самоизоляция, санитарные меры, ограничения, вакцинация и т. п.), (2) зафиксированные в интернет-источниках и демонстрирующие воспроизводимость в цифровой среде, (3) пригодные для сопоставительного анализа по параметрам смысла и коммуникативной функции. Тематическая релевантность дополнительно подтверждалась частотным ядром лексики (в числе наиболее частотных – «коронавирусный», «инфекции», «пандемия», «карантин», «самоизоляция»), что отражает центральную проблематику рассматриваемых единиц.

Основным методом обработки двуязычного массива выступил контент-анализ, ориентированный на выявление значимых тематических характеристик и их распределения в русской и китайской языковых картинах мира периода пандемии. В качестве базовых содержательных категорий были выделены: медицинская лексика, социальные изменения, психология и эмоции, государство и управление, языковая игра и юмор. Указанная категоризация отражает сферы жизни, наиболее заметно актуализированные в коммуникативном пространстве обеих культур в период COVID-19.

Процедура контент-аналитической обработки включала несколько этапов. На первом этапе осуществлялось ознакомление с общей тематикой единиц анализа и определение их смыслового ядра. Для этого было построено облако слов с минимальной частотой в 50 употреблений (Рис. 10), что позволило выделить наиболее частотные лексемы и обозначить центральные направления содержания анализируемых сообщений.

Рисунок 10. Облако слов

Далее выполнялось кодирование единиц анализа по выделенным тематическим категориям с последующим подсчётом частот и интерпретацией распределений, включая анализ долей отдельных тематических групп. Для описания русскоязычных хэштегов применялась процедура кластеризации, направленная на выделение тематических групп, отражающих разные аспекты общественной жизни и коммуникации в условиях эпидемиологической ситуации. В результате анализа были разграничены десять кластеров (меры безопасности; средства индивидуальной защиты; удалённая деятельность; поддержка и солидарность; социально-экономические последствия; повседневная жизнь в изоляции; юмор и ирония; правовые аспекты; образование и технологии; здоровье и медицина).

Внутри кластеров дополнительно описывались типичные языковые признаки (в частности, преобладание императивных конструкций в кластере призывов к соблюдению мер; номинативный характер единиц; использование заимствований и профессиональной лексики в отдельных группах), а также прагматические функции - информационная и эмоционально-экспрессивная.

В качестве единицы анализа выступало отдельное сообщение/текстовая единица интернет-фольклора, зафиксированная в интернет-среде и относящаяся к пандемийной тематике (пословица, поговорка, трансформированная паремия, краткая формула, мем).

Анализ русских и китайских единиц осуществлялся по параметру эквивалентности/безэквивалентности. Эквивалентными рассматривались части, совпадающие по базовому смыслу и коммуникативной направленности (например, выражения о необходимости гигиены, соблюдения дистанции, использования маски), при допустимых различиях в форме выражения. Подобные знаки фиксировались в параллельных таблицах и анализировались с указанием общих черт и различий (в частности, различий в степени разговорности/формальности, ритмико-синтаксической организации и т. п.).

Безэквивалентные единицы группировались в двух направлениях: (1) русские выражения, не имеющие китайских аналогов, и (2) китайские выражения,

не имеющие русских аналогов. При описании безэквивалентности учитывались смысловые акценты и прагматические установки.

Уровни описания включали: (а) лексико-семантический уровень (ключевые слова и тематические доминанты, а также специфика терминов и культурно маркированных единиц), (б) морфолого-синтаксический уровень (типичные грамматические модели, в том числе императивность и параллельные конструкции), (в) прагматический уровень (коммуникативные функции: информирование, побуждение, снижение напряжённости и др.), (г) лингвокультурологический уровень (ценностные акценты и социальные установки, проявляющиеся в тематических распределениях и типичных формулировках).

3.1. Лингвистическая репрезентация эпохи пандемии в фольклорных текстах

В ходе лингвистического исследования фольклорных текстов, представленных в цифровом пространстве, выявляется тенденция к активному использованию окказионализмов, которые в условиях пандемии COVID-19 становятся устойчивым механизмом обновления современной фольклорной традиции. Под фольклорными текстами в данной работе понимаются устные и письменные формы народного творчества, адаптированные к цифровой коммуникации: анекдоты, пословицы, поговорки, мемы, частушки, хэштеги и др. Функционируя в интернет-среде, такие тексты оперативно реагируют на общественные изменения и фиксируют коллективный опыт в компактных, легко воспроизводимых формах.

Для выявления тематической организации русскоязычного пандемийного фольклора была проведена кластеризация, в результате которой материал был структурирован по тематическим признакам и представлен в виде десяти кластеров (Рис. 11). Данная типологизация позволяет системно описать основные смысловые доминанты и связанные с ними коммуникативные установки, реализуемые в цифровом фольклорном дискурсе коронавирусной эпохи.

Рисунок 11. Кластеризация фольклорных текстов

Кластер 1. Пословицы и поговорки. Данный кластер объединяет тексты, основанные на трансформации традиционных паремий за счёт замены ключевых лексических компонентов при сохранении узнаваемого ритмико-синтаксического каркаса. Репрезентативными примерами выступают: *«Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь»*; *«Где родился – там и сиди на карантине»*; *«Мал вирус, да вреден»*; *«Береги маску снову, а здоровье смолоду»*.

Кластер 2. Императивы и советы. В данный кластер входят высказывания директивного характера, ориентированные на регламентацию поведения и закрепление новых норм. Примеры: *«Самоизоляция – забота о себе и о других»*; *«Семь раз подумай, один раз выйди на улицу»*; *«Регулярно мойте руки и соблюдайте гигиену – это снижает риски заражения»*; *«Оставайтесь дома – покой вашего дома лучшее лекарство от вируса»*.

Кластер 3. Юмор и абсурд. Кластер включает тексты, в которых комический эффект достигается за счёт абсурдизации ситуации, гиперболизации и переосмысления повседневных правил. Примеры: *«Собака имеет право выгуливать одного человека. Человек должен быть в наморднике»*; *«Папу с мамой быстро к монитору!»*; *«На Уралвагонзаводе ловят трезвых слесарей. Пока не поймали ни одного»*; *«2019 год: когда же мы будем хорошо жить? 2020 год: как же мы хорошо жили!»*.

Кластер 4. Социальная критика. В данном кластере представлены тексты, отражающие оценку общественно-политических решений и противоречий между официальной риторикой и жизненными обстоятельствами. Репрезентативны, в частности, высказывания: *«Власти вводят локдаун на неделю; россияне – Гена, я в Египте»*; *«Раньше отлавливали собак без сопровождения человека, теперь – людей без сопровождения собаки»*; *«Кто в детстве мочил манту, тому коронавирус не страшен»*; *«С 12 мая начинаются рабочие дни без сохранения заработной платы»*.

Кластер 5. Бытовая адаптация. Кластер объединяет тексты, фиксирующие преобразование повседневности, телесного режима и домашних практик в условиях изоляции; характерны бытовая гипербола и окказиональная номинация. Примеры: *«После двух месяцев самоизоляции и обжираловки в квартире было*

обнаружено два антитела»; «Чтобы мой телефон думал, что я путешествую, я включаю ему авиарежим»; «Личный уровень локдауна – перестал делить футболки на домашние и не домашние»; «На карантине периодически пытайся влезать в свои джинсы, потому что пижама вводит тебя в заблуждение...».

Кластер 6. Метафоры и аллегории. Тексты данного кластера опираются на образные сопоставления и аллегорические формулы, сохраняющие дидактическую направленность и усиливающие интерпретационный потенциал высказывания. Среди примеров: *«Без маски – как без парашюта: надеяться на удачу, но лучше не проверять на практике!»; «В эпоху коронавируса запреты – как тень: их следует учитывать, но не позволять им затмевать здравый смысл»; «Социальная дистанция – лучшая защита от недружелюбных вирусов и людей»; «В тяжёлые времена маска тебя не спрячет, но поможет выжить».*

Кластер 7. Алкогольный фольклор. В рамках данного кластера актуализируется дискурс, используемый как средство комической реакции и одновременно как форма оценки противоречивых рекомендаций и ограничений. Репрезентативны высказывания: *«Сначала Голикова говорила, что для вакцинации надо 42 дня не пить...»; «Вторую неделю в топе Яндекса вопрос: как напиться на 42 дня вперёд?»; «2019 год... “У меня вечеринка!” 2020 год: “Я просто алкоголик”».*

Кластер 8. Технологии и цифровизация. Кластер отражает цифровую трансформацию коммуникации и повседневных практик; характерны включение цифровых терминов и конструкций, типичных для онлайн-взаимодействия. Примеры: *«Выйди и зайди в скайп нормально»; «Что за смех? Скинь ссылку, вместе посмеемся»; «На карантине залип в игре “Карантин: Выживание”».*

Кластер 9. Гендерные стереотипы. В данном кластере фиксируются оценочные суждения и стереотипные модели описания мужских и женских ролей в условиях изоляции, часто оформленные в комически-экспрессивной манере. В качестве примеров приводятся: *«Про мужиков я молчу...»; «Любовь – это когда отдаёшь жене последнюю маску, чтобы она сходила за пивом»; «Как же много*

мужчин не смогут провести месяц с любимыми! Им придётся остаться дома с жёнами».

Кластер 10. Философские размышления. Кластер объединяет тексты, в которых наблюдается обобщающая рефлексия над ситуацией пандемии, её ценностными последствиями и перестройкой привычных жизненных рамок. Репрезентативны формулы: *«Когда закрывается одна дверь, открывается другая»*; *«Забота о здоровье – главное богатство»*; *«В пандемии все по одному уставу»*; *«Раньше мы жили в психиатрической больнице, а теперь – в инфекционном отделении».*

Таким образом, тематическая кластеризация демонстрирует, что русскоязычный пандемийный фольклор в цифровой среде воспроизводит широкий спектр социальных контекстов и одновременно проявляет способность к языковой адаптации: от трансформации традиционных паремий до формирования новых формул, отражающих изменения в быту, коммуникации и общественном сознании.

Функциональный анализ выделенных кластеров позволяет рассматривать пандемийный фольклор как многофункциональный механизм общественной коммуникации, направленный на поддержание культурной и социальной связи в периоды нестабильности. В условиях пандемии фольклор выполняет ряд ключевых функций: сохранение культурной идентичности, поддержание социальной координации, предоставление психологической поддержки, передача знаний и опыта, а также отражение изменений в социальной реальности.

Инструктивная (регулятивная) функция наиболее отчётливо проявляется в кластере 2 («Императивы и советы»), где доминируют директивные конструкции и повелительные формы, имитирующие нормативный дискурс предписаний, но при этом закрепляющие нормы в формах, близких фольклорной лаконичности. На морфологическом уровне данная направленность коррелирует с повторяемостью предписываемых действий и преобладанием глагольных форм, типичных для инструктивных жанров («мыть», «носить», «соблюдать»).

Информационно-просветительная и мотивационно-информационная функции реализуются в тех случаях, когда фольклорные формулы транслируют

нормы поведения и формируют доверие к профилактическим и медицинским мерам (в частности, к вакцинации) среди скептически настроенных групп. Подобная функция проявляется в паремийных формах, ориентированных на закрепление социально значимого знания и его популяризацию в доступных речевых моделях.

Компенсаторная (психологическая) функция связана с механизмами юмора, иронии и языковой игры, позволяющими переработать тревожный опыт и снизить напряжённость ситуации. Функция выражена в кластерах 3 («Юмор и абсурд»), 5 («Бытовая адаптация»), 7 («Алкогольный фольклор»), где комический эффект достигается через гиперболу, абсурдизацию и окказиональные номинации повседневности. В текстах данного типа фольклор выполняет адаптивную роль, переводя опыт ограничений в более устойчивые формы и обеспечивая эмоциональную разрядку.

Критическая функция проявляется прежде всего в кластере 4 («Социальная критика»), а также частично поддерживается в кластерах 3 и 7, где ирония используется как инструмент осмысления противоречий между официальной риторикой и повседневной реальностью. В таких текстах комическое и оценочное начало обеспечивает выражение общественной реакции на ограничительные меры и институциональные решения, переводя индивидуальные переживания в коллективно разделяемые формулы.

Функция солидарности реализуется через конструирование коллективной идентичности и поддержание ощущения общности в условиях изоляции. На уровне языковых средств данная функция поддерживается, в частности, использованием форм множественного числа и местоименных маркеров коллективности («мы»), которые формируют представление об общей нормативной рамке и совместно переживаемом опыте.

Рефлексивная функция наиболее выражена в кластере 10 («Философские размышления») и частично в кластере 6 («Метафоры и аллегории»), где актуализируются обобщающие модели понимания происходящего, ценностные акценты и оценка новых жизненных условий. В рамках данных кластеров

фольклорные формулы выступают средством смысловой организации опыта, фиксируя изменения в аксиологическом поле и поддерживая прагматику осмысления и принятия новых социальных реалий.

В целом, выделенные кластеры показывают, что русскоязычный цифровой фольклор коронавирусной эпохи функционирует как механизм отражения социальной динамики и одновременно как средство регуляции поведения, эмоциональной поддержки и коллективной интерпретации кризисного опыта. Тематическая организация материала напрямую соотносится с его функциональной многоплановостью: от директивных и информационных установок до критических и компенсаторных процессов речевого поведения в условиях пандемии.

Интернет-паремии периода пандемии COVID-19 представляют собой разновидность интернет-фольклора, в которой традиционные формы пословиц и поговорок позволяют выражать норму, оценку и коллективное отношение к ситуации, но при этом модифицируются под актуальные социокультурные условия и задачи онлайн-коммуникации.

Тематические группы, отражающие ключевые доминанты пандемийного опыта:

1) Группа «Гигиена и личная защита». Пословицы данной группы представляют собой краткие императивные структуры, направленные на закрепление гигиенических норм (мытьё рук, использование антисептиков, перчаток и масок). Синтаксически оформляются либо как повелительные конструкции, либо как параллельные номинативные единицы. Лексически выделяется частотность глаголов повелительного наклонения («мой», «надень», «не имей»), что подчёркивает прямую адресацию и персональную ответственность. В качестве стилистических средств отмечаются антитеза («На Бога надейся, а сам маску надень»), каламбуры («Глаза боятся - руки без перчаток...»), параллельные конструкции («Чистота – залог здоровья, маска - залог безопасности»). Функционально пословицы выполняют инструктивно-рекомендательную роль,

выступая способом трансляции медицинских предписаний в «народную» коммуникацию.

2) Группа «Маски». В данной группе маска описывается не только как средство индивидуальной защиты, но и как социальный символ коллективной ответственности; лексико-семантическая доминанта выражена существительными «маска» и «здоровье», а также конструкциями типа «X и Y» («Маска спасает и ближнего»), фиксирующими двусторонний характер медико-социального действия (личное ношение маски и коллективная безопасность). Для группы характерны синтаксический параллелизм и антитеза («У семи докторов пациент без маски» vs. «У семи нянек – дитя без маски»), а также экономия языковых средств. Коммуникативная функция группы определяется как создание социально-нормативного эффекта: повышение солидарности и закрепление нормы обязательного ношения масок как социально приемлемого поведения в период пандемии.

3) Группа «Социальная дистанция» подчёркивает нежелательность физического сближения и характеризуется частым использованием императивных конструкций. В качестве типичных средств оформления отмечены метафорические формулы («полтора метра = безопасность») и антитезы («Не толпись – сохрани жизнь»). Лексический состав группы ориентирован на слова «дистанция», «метр», «жизнь». Функционально пословицы выполняют нормативно-инструктивную роль, регулируя поведение в публичном пространстве.

4) Группа «Вакцинация и иммунитет». Высказывания представлены как прямыми призывами к прививкам, так и ироническими трансформациями классических пословиц; отмечаются риторические приёмы установления доверия (например, конструкции «Сдай, сверчок, свой мазок», «Кому ковидло, кому повидло»). Лексическими доминантами выступают «вакцина», «ковид», «жизнь»; распространены также шаблоны «Обещанной ... ждут», вопросы-утверждения («Не так страшен ковид, как...»). Ирония, сарказм и аллюзии («Кому суждено быть повешенным – тот от коронавируса не помрёт») позволяют одновременно информировать адресата и снижать тревожность. Функционально группа

выполняет мотивационно-информационную роль, способствуя формированию доверия к вакцинации среди скептически настроенных групп.

5) Группа «Карантин и самоизоляция». В пословицах данной группы отражаются бытовые реалии вынужденного пребывания дома и сопутствующие эмоциональные переживания; используется юмор и преувеличение как приём снижения напряжённости и переоценки ограничений как временного состояния. Центральные единицы корпуса: «карантин», «дом», «греча», «пропуск». Примеры демонстрируют вариативность приёмов: условное наклонение («Карантин на месяц, а гречи бери на год»), гипербола («Не все дома – ... статья УК РФ»), переосмысление традиционных формул («Самоизоляция – не поле перейти»), языковые каламбуры («После коронавируса в четверг»). Функционально пословицы выполняют эмоционально-компенсаторную роль, поддерживая адресата в ситуации тревоги и неудобств.

6) Группа «Здоровье как ценность». В данной группе актуализируется представление о здоровье как высшей ценности; используются традиционные номинативные конструкции («Здоровье – богатство», «Где здоровье, там и счастье»). Ключевые семантические поля формируют лексемы «здоровье», «богатство», «вред», «порог». Функционально пословицы выполняют ценностно-аксиологическую функцию и выступают мотивацией к соблюдению профилактических мер, укрепляя ответственное отношение к здоровью.

7) Группа «Юмор и ирония». Пословицы данной группы часто являются продолжением классических поговорок, ориентированными на снижение психологического напряжения. Игры слов («Око за око, Zoom за Zoom»), перефразирование привычных формул («Один в поле – не болен») формируют «антипоговорки»; отмечаются неологизмы («ковидло», «ковиднёшься») и гиперболы. Комическая функция состоит в создании эмоциональной разрядки и снижении страха и тревоги в условиях пандемии.

8) Группа «Образование и информация». В данной группе выделяются высказывания, направленные на формирование доверия к медицинским специалистам и повышение информационной грамотности: доминируют лексемы

«врач», «инфекция», «вирус». Пословицы группы ориентированы на укрепление доверия к рекомендациям специалистов, ответственное соблюдение профилактических норм и корректное восприятие информации в пандемический период.

Морфологический анализ интернет-пословиц, сформировавшихся в условиях пандемии, выявляет ряд устойчивых характеристик: 1) фиксируется выраженная императивность: около 43% всех высказываний содержат конструкции с глаголами в повелительном наклонении («не кашляй», «соблюдай», «не паникуй», «улыбайся»). Данная особенность подчёркивает нормативно-регулятивный характер интернет-паремий и их прямую адресованность адресату; 2) значимую роль играют номинативные модели (в частности, конструкции без глагола-связки), которые повышают афористичность и усиливают аксиологическую нагрузку: «здоровье – богатство», «домашний уют – лучшее лекарство». Подобные модели характерны прежде всего для групп, ориентированных на ценностные установки и закрепление норм поведения; 3) отмечается частотность числительных в устойчивых сочетаниях («семеро на карантине», «полтора метра»), что связано с акцентированием количественных ограничений и мер безопасности как содержательных доминант пандемийного дискурса; 4) статистическое распределение частей речи: существительные – 60%, глаголы – 30%, прилагательные/наречия – 10%. При этом большинство глаголов представлено формами несовершенного вида, что указывает на повторяемый характер предписываемых действий («мыть», «носить», «соблюдать»).

Прагматический потенциал интернет-паремий описывается через три взаимосвязанных эффекта: нормативность, компенсаторность (в том числе снижение тревожности), а также выражение социальной оценки.

Нормативность интернет-пословиц наиболее последовательно реализуется в группах, ориентированных на регламентацию поведения: «гигиена и личная защита», «маски», «социальная дистанция». Здесь нормативный смысл выражается через императивные конструкции, параллельные номинативные формулы и антитезы, которые закрепляют модель «правильного поведения» и обеспечивают

быстрый перенос медицинских предписаний в массовую цифровую коммуникацию. При этом в группе «маски» нормативный эффект специально описывается как социально-нормативный, повышающий солидарность и закрепляющий обязательность масочного режима как социально приемлемую норму.

Снижение тревожности и психологическая поддержка достигаются прежде всего через юмор, языковую игру, гиперболизацию и переосмысление традиционных формул. В группе «карантин и самоизоляция» подчёркивается, что юмор и преувеличение помогают снижать напряжённость и воспринимать ограничения как временные; функционально это оформляется как эмоционально-компенсаторная роль. Аналогично в группе «юмор и ирония» «антипоговорки», игры слов, неологизмы и гиперболы обеспечивают эмоциональную разрядку и способствуют уменьшению страха и тревоги. В группе «вакцинация и иммунитет» снижение тревожности достигается через сочетание информирования и иронической переработки классических моделей, что одновременно способствует формированию доверия к вакцинации.

Социальная оценка реализуется через оценочные компоненты: (а) прямое утверждение ценности здоровья («здоровье – богатство»; «где здоровье, там и счастье») и мотивацию к профилактическим мерам; (б) фиксацию коллективной ответственности (маска как социальный символ); (в) выражение отношения к социальным практикам пандемийного периода через иронию и языковую игру.

Таким образом, интернет-паремии пандемийного периода демонстрируют одновременно (1) нормативно-регулятивный потенциал (через императивность и афористичность), (2) компенсаторный потенциал (через юмор и переосмысление ограничений), (3) оценочно-аксиологический потенциал (через фиксацию ценности здоровья, ответственности и социальных норм), что в совокупности отражает трансформацию коммуникации в условиях пандемии.

Тематическое распределение «карантинок», зафиксированное по системе хэштегов коллекции и отражённое в рейтинге тем (табл. 13), показывает, что в центре визуально-вербального постфольклора пандемийного периода находятся

сюжеты, связанные с ограничительными мерами и изменением повседневной жизни. Наиболее частотной тематической группой в анализируемом корпусе выступают карантинные меры (закрытие учреждений, ограничения свободы передвижения): в российском материале соответствующие упоминания зафиксированы 653 раза, в китайском – 819 раз. Аналогичная тематическая доминанта отмечается и в данных специализированных цифровых архивов интернет-мемов (в частности, Know Your Meme), где мотивы «жизни в условиях изоляции» и карантинных ограничений описываются как центральные для юмористического дискурса периода пандемии COVID-19.

Таблица 13

Рейтинг тем в «карантинках» в коллекции социальной карикатуры ЦСПИ ГПИБ

Тематическая группа	Хэштеги коллекции	Хэштеги в социальных карикатурах, собранные	Количество упоминаний
Изоляция / Isolation	#Изоляция / Isolation	#Одинокие дни / Lonely days	653
Защитные маски / Protective masks	#Маски / Masks	#Безопасность в первую очередь / Safety first	548
Домашние питомцы / Pets	#Котики / Cats	#Плюшевые компаньоны / Plush companions	274
Политическая сатира / Political satire	#Политика / Politics	#Смех над политикой / Laughing at politics	264
Экономический кризис / Economic crisis	#Экономический кризис / Economic crisis	#Деньги под угрозой / Money under threat	232
Здоровый образ жизни / Healthy lifestyle	#Здоровье / Health	#Фитнес в карикатурах / Fitness in cartoons	207
Водные процедуры / Aquatic procedures	#Гигиена / Hygiene	#Ванная комедия / Bathroom comedy	139
Дистанционная работа / Remote work	#Удаленная работа / Remote work	#Домашний офис / Home office	123
Сплетни и слухи / Gossip and rumors	#Слухи / Rumors	#Горячие темы / Hot topics	121
Онлайн обучение / Online learning	#Обучение / Learning	#Учеба на расстоянии / Distance learning	87
Проходные пропуска / Passes through	#Пропуски / Passes	#Проход со стилем / Stylish pass-throughs	67
Финансовые штрафы / Financial penalties	#Штрафы / Penalties	#Деньги за ошибки / Money for mistakes	66
Прогулки с питомцами / Pet walks	#Выгул собак / Dog walking	#Счастье на поводке / Happiness on a leash	63
Медицинский юмор / Medical humor	#Медики / Medics	#Смех с врачами / Laughing with doctors	25

Второй по частотности тематический блок связан с масками и масочным режимом (548 упоминаний). Маска в «карантинках» функционирует как один из ключевых знаков пандемийной эпохи: она репрезентирует новый повседневный регламент и одновременно выступает средством выражения общественной реакции на необходимость постоянного соблюдения правил безопасности. При этом маска осмысливается не только как атрибут нового образа жизни, но и как образ, используемый в контексте обсуждения вопросов безопасности информации в период пандемии.

Дальнейшие позиции рейтинга показывают, что «карантинки» одновременно фиксируют частные и общественно значимые аспекты пандемийной реальности. К числу заметных тематических групп относятся домашние питомцы (274), политическая сатира (264) и экономический кризис (232). Такое распределение позволяет говорить о двух параллельных линиях репрезентации: с одной стороны, это бытовая перестройка жизни в условиях ограничений (повседневные практики, взаимодействие в семье, домашнее пространство); с другой стороны – оценка социально-политических и социально-экономических последствий пандемии.

Важным направлением является тема «здорового образа жизни» (207) и связанная с гигиеническими практиками группа «водные процедуры» (139). Темы «дистанционная работа» (123) и «онлайн обучение» (87) репрезентируют изменение режима труда и образования и переход значимых сфер социальной активности в цифровую среду. Дополняют эту картину кластеры, связанные с нормативным контролем и регламентацией: «проходные пропуска» (67) и «финансовые штрафы» (66). Отдельного внимания заслуживает группа «сплетни и слухи» (121), фиксирующая значимость неофициальной циркуляции информации и обсуждение неопределённости как постоянного фона пандемийной коммуникации.

Показательно, что при общей актуальности проблем здравоохранения тема медиков и медицины упоминается в «карантинках» сравнительно редко (25). Данное обстоятельство соотносится с тенденцией избегания обсуждения болезни и

смерти в смеховом формате: в условиях пандемии коммуникативное внимание часто смещается к тем аспектам жизни, которые поддерживают позитивный настрой и сохраняют перспективу надежды.

Интерпретация «карантинок» как визуально-вербального материала может быть представлена в трёх взаимосвязанных планах - конкретно-ситуативном, обще-ситуативном и метафорическом. В конкретно-ситуативном плане смысл формируется вокруг непосредственно изображённых реалий пандемийной повседневности (режим изоляции, предметные атрибуты, типовые действия и ситуации). В обще-ситуативном плане актуализируются коллективно значимые смыслы: закрепление новых правил поведения, практики контроля и санкций, общественные ожидания и реакции на социальные ограничения. В метафорическом плане выявляется расширение значения отдельных образов до обобщающих смыслов; в материале особенно заметен переход от ситуативного юмора к метафорическому осмыслению в тематике масок и масочного режима.

В целом «карантинки» демонстрируют себя как эффективный механизм адаптации к новым условиям жизни: юмор выступает способом переработки аспектов пандемийного опыта, при этом тематический акцент устойчиво сохраняется на повседневных практиках (гигиена, ограничение перемещений, масочный режим). Психологические эффекты (разрядка, переживание преодолённости трудностей) быстро распространяются через социальные сети и укрепляются за счёт социального взаимодействия.

Хэштеги, функционирующие в цифровом дискурсе периода пандемии COVID-19, выступают средством тематической организации высказываний и одновременно фиксируют динамику общественных реакций на ситуацию. Кластеризация корпуса хэштегов позволила чётко разграничить тематические группы, отражающие различные стороны социальной жизни и коммуникации в условиях пандемии.

В результате анализа были выделены десять содержательных кластеров: соблюдение мер безопасности (кластер 1), средства индивидуальной защиты (кластер 2), удалённая деятельность (кластер 3), поддержка и солидарность (кластер 4), социально-экономические последствия пандемии (кластер 5), повседневная жизнь в условиях изоляции (кластер 6), юмор и ирония (кластер 7), правовые аспекты пандемии (кластер 8), образование и технологии (кластер 9), здоровье и медицина (кластер 10) (Рис.12).

Рисунок 12. Кластеризация хэштегов

Кластер 1. Соблюдение мер безопасности. Хэштеги данного кластера характеризуются преобладанием императивных конструкций, выражающих прямые призывы к действию и ориентированных на соблюдение санитарно-гигиенических норм. Типичны единицы: «#оставайтесьдома», «#держидистанцию», «#мойтеруки», а также приводимые в материале параллельные примеры «#戴口罩行动» (носите маски), «#居家隔离» (домашний карантин). Указанный набор демонстрирует акцент на личной ответственности и на необходимости выполнения конкретных профилактических действий.

Кластер 2. Средства индивидуальной защиты. В кластере представлены хэштеги, включающие специализированные термины и профессиональную лексику, обозначающие предметы и регламенты, ставшие устойчивыми

элементами повседневности. Репрезентативны примеры: «#масочныйрежим», «#перчатки», «#санитайзер». С точки зрения структуры преобладают существительные и устойчивые словосочетания.

Кластер 3. Удалённая деятельность. Данный кластер объединяет единицы, связанные с изменением формата профессиональной деятельности и коммуникации. Для него характерно активное использование сложносоставных слов и заимствований: «#удалённаяработа», «#домашнийофис», «#remotework», что отражает переход многих видов деятельности в виртуальную среду и глобальный характер изменений в трудовой сфере.

Кластер 4. Поддержка и солидарность. Кластер представлен преимущественно эмоционально окрашенными хэштегами благодарности и поддержки, адресованными профессиональным группам или сообществам: «#спасибодокторам», «#мывместе», «#героиwbелыхxалатах». Данные единицы формируют коммуникативную установку на выражение единства и социальной сплочённости.

Кластер 5. Социально-экономические последствия пандемии. В данном кластере находятся хэштеги, обозначающие макроэкономические и социальные изменения, фиксирующие последствия пандемии: «#экономическийкризис», «#безработица», «#поддержкабизнеса». Лексически преобладают существительные абстрактного характера, передающие масштабность трансформаций.

Кластер 6. Повседневная жизнь в изоляции. Хэштеги данного кластера описывают бытовые реалии самоизоляции и характеризуются неформальными конструкциями: «#домасижу», «#самоизоляция», «#карантиновыебудни». Данный массив демонстрирует фиксацию повседневного опыта изоляции в кратких номинативных формах.

Кластер 7. Юмор и ирония. Кластер представлен экспрессивно окрашенными хэштегами, в которых комический эффект формируется за счёт языковой креативности и словообразовательной игры: «#котикинакарантине», «#карантинстайл», «#коронавечеринка». Данная группа репрезентирует

тенденцию к использованию юмористических приёмов для смягчения психологических последствий пандемии.

Кластер 8. Правовые аспекты пандемии. Кластер включает хэштеги, отражающие юридическое регулирование ограничений и административные санкции: «#штрафызамаски», «#режимчспандемия». Для этих единиц типичны существительные и словосочетания официально-делового стиля, соответствующие тематике нормативного контроля.

Кластер 9. Образование и технологии. Для кластера характерно активное использование заимствований и калькированных выражений из английского языка: «#дистанционноеобучение», «#зумуроки», «#онлайнлекции». Структурно часто представлены сложносоставные конструкции с приставками («онлайн-», «дистанционно-»), маркирующими переход образовательной деятельности в цифровое пространство.

Кластер 10. Здоровье и медицина. Кластер представлен специализированной медицинской лексикой: «#телемедицина», «#симптомыковида», «#пцртестирование». Используются профессиональные термины, аббревиатуры («ПЦР») и сокращения («ковид-19»), что отражает установку на точность передачи медицинской информации.

Морфологический анализ хэштегов, связанных с пандемией, демонстрирует разнообразие способов словообразования и формообразования, обусловленное требованиями цифровой коммуникации (краткость, информативность, выразительность). Среди наиболее продуктивных типов выделяются хэштеги, образованные от глаголов повелительного наклонения: «#оставайтесьдома», «#надевайтемаски», «#мойтеруки», «#держидистанцию». Данные формы не только передают содержание профилактических рекомендаций, но и усиливают директивную направленность сообщения.

Заметное место занимают составные и сложносоставные образования, возникающие путём соединения нескольких лексических единиц в единую морфологическую структуру: «#стопкоронавирус», «#домашнийофис», «#удалённаяработа». В этой же группе выделяется использование приставочных

компонентов, например в хэштеге «#телемедицина», где приставка «теле-» подчёркивает дистанционный характер оказания медицинских услуг.

Также внимания заслуживает частотность сокращённых форм и аббревиатур, обеспечивающих экономию языковых средств и повышение плотности высказывания: «#дистант», «#ковид19», «#самоизол», а также использование профессиональных сокращений и аббревиатур в медицинском кластере (например, «ПЦР», «ковид-19»).

В условиях пандемии активно формируются гибридные конструкции, сочетающие русскоязычные элементы с заимствованными словами и названиями брендов: «#зумвстречи», «#скайпобщение». В целом фиксируется активное использование англицизмов («socialdistancing», «maskup», «remotework»), калькированных конструкций и гибридных образований, что соотносится с глобальным характером пандемии и межкультурной интеграцией в цифровом коммуникативном пространстве.

Прагматически хэштеги периода пандемии реализуют широкий спектр коммуникативных функций. Одной из наиболее выраженных является императивная функция, проявляющаяся в хэштегах-призывах к соблюдению мер безопасности («#оставайтесьдома», «#надевайтемаски», «#мойтеруки», «#держидистанцию»). Их директивность обеспечивается глаголами повелительного наклонения и ориентирована на побуждение адресатов к немедленному выполнению рекомендаций, что формирует коммуникативную установку ответственности и взаимного контроля.

Функция солидарности реализуется через хэштеги поддержки, единства и благодарности: «#мывместе», «#победимвместе», «#спасибодокторам», «#героивбелыххалатах». Для этой группы характерны эмоционально окрашенная лексика, выражения благодарности, а также наличие местоимений первого лица множественного числа («мы») как маркеров коллективной идентичности. В результате такие хэштеги способствуют поддержанию позитивного эмоционального фона общения и укреплению морального состояния общества и отдельных профессиональных групп.

Информативная функция проявляется в номинативных хэштегах, обозначающих новые понятия, явления и меры, актуализированные пандемией: «#социальнаядистанция», «#телемедицина», «#масочныйрежим», «#дистанционноеобучение», «#самоизоляция». Эти единицы, представленные преимущественно существительными и устойчивыми словосочетаниями, обеспечивают передачу актуальной информации о новых социальных конвенциях и изменениях в медицинских протоколах, образовательных и трудовых процессах, а также подчёркивают значимость соответствующих явлений в повседневной жизни.

Эмоционально-экспрессивная функция реализуется через хэштеги юмора, иронии и языковой игры: «#ваннаякомедия», «#счастьенаповодке», «#смехнадполитикой», «#котикинакарантине», «#карантинстайл». Данные единицы направлены на снижение психологического напряжения, связанного с длительной изоляцией и нестабильностью внешней ситуации; их выразительность обеспечивается неологизмами, метафорическими конструкциями и элементами языковой игры.

3.2. Лингвокультурологический анализ фольклорных текстов коронавирусной эпохи

Известный российский лингвокультуролог В.Н. Телия считает, что лингвокультурология является частью этнолингвистики. Ее цель – исследовать и описывать, как язык и культура соотносятся друг с другом в процессе их одновременного взаимодействия. Область исследований лингвокультурологии находится на стыке двух фундаментальных наук: лингвистики и культурологии. [Телия, 1996: 128]

В. В. Воробьев рассматривает лингвокультурологию как комплексную дисциплину. Она изучает, как язык и культура связаны и взаимодействуют в процессе использования языка. Это взаимодействие понимается как целостная структура, объединяющая внутреннее и внешнее содержание языковых единиц. С помощью системного подхода анализируются основные тенденции развития современных культурных представлений. [Воробьев, 1997: 36-37]

В. А. Маслова определяет лингвокультурологию как дисциплину на стыке лингвистики и культурологии. Ее главная задача – исследовать, как в языке проявляется и сохраняется национальная культура. [Маслова, 2001: 28]

Формы русского фольклора, такие как пословицы, поговорки, мемы, карантинки и хэштеги – одни из самых ярких и выразительных языковых средств. Они являются не просто отражением культуры, но и коллективным воплощением ключевых черт русского национального характера.

Хотя определения лингвокультурологии у разных ученых могут отличаться, в обобщенном виде ее основная задача заключается в следующем: исследовать, как национальная культура проявляется и выражается в языке; анализировать, описывать и объяснять национально-культурную информацию, которая содержится и передается языком, с целью изучения национальных особенностей мышления [Ян Сюцзе, 2007:39]

Русский фольклор, связанный с пандемией, представляет значительный интерес для лингвокультурологии, так как в его языковой форме закрепляется

широкий спектр социальных контекстов. Языковые единицы фольклора (пословицы, поговорки, анекдоты и др.) отражают социально-политические, социально-экономические, социально-демографические, социально-миграционные и социально-культурные реалии общества. Через призму языка в фольклоре находит выражение национально-специфическое восприятие и осмысление различных сфер жизни – таких как образование, искусство, религия и медицина — в условиях пандемии, фиксируя коллективный опыт и его культурную интерпретацию.

Китайский фольклор на тему пандемии также служит важным источником для лингвокультурологического исследования. Фольклорные тексты фиксируют различные социальные контексты и аспекты жизни общества в этот период. Их содержание детально отражает многообразные аспекты и реакции китайского общества на феномен пандемии, связанные с распространением инфекции, раскрывая через язык особенности национального мировосприятия и моделей адаптации к ситуации.

Для анализа целесообразно обратиться к конкретным примерам трансформации традиционных пословиц и поговорок в условиях пандемии, где на первый план выходят процессы адаптации языковых форм к новой аксиологической реальности как в русской, так и в китайской лингвокультуре.

1. *«Здоровье – надежнее богатства»* – в период пандемии трансформировалось как *«Забота о здоровье – главное богатство»*.

2. *«В чужой монастырь со своим уставом не ходят»* – в новом контексте звучит как *«В пандемии все по одному уставу»*.

3. *«Береги платье снову, а честь смолоду»* – в период пандемии меняется на *«Береги маску снову, а здоровье смолоду»*.

4. *«Семь раз отмерь, один раз отрежь»* – в новом контексте станет *«Семь раз подумай, один раз выйди на улицу»*.

Китайские аналоги – трансформированные поговорки, отражающие формирование аксиологического словаря:

1. «Лучше профилактика, чем лечение» (预防胜于治疗) – Измененная версия: «Маска на лице – лучше профилактики вируса, чем лечение» (口罩是更好地预防病毒比治疗它), или другой вариант: «Тестирование и изоляция – лучшие способы предотвращения распространения вируса» (测试和隔离是防止病毒传播的最佳方法)

2. «Один за всех, все за одного» (一人一人, 一人一人) – Измененная версия: «Вместе мы сильнее – борьба с вирусом требует единства» (我们一起更强大-对抗病毒需要团结)

3. «Покой – лучшее лекарство» (和平是最好的良药) – Измененная версия: «Оставайтесь дома – покой вашего дома лучшее лекарство от вируса» (呆在家里-你家的和平是最好的治疗病毒的方法).

Такие трансформации пословиц и поговорок отражают измененные ценности и приоритеты, связанные с пандемией Covid-19, и помогают людям выражать свое отношение к текущей ситуации через язык и культурные коды.

Нами был проведен анализ русского и китайского фольклора эпохи коронавируса методом контент-анализа.

Вспомогательные содержательные характеристики контент-анализа отражены в кодовой таблице. Каждый код получил свое цветовое обозначение.

В рамках лингвистического анализа, направленного на исследование лексических особенностей русского и китайского языков в пандемийный период, можно выделить несколько ключевых тематических групп, которые объединяют данные языковые системы. Важно отметить, что такие группы, как здоровье, коллективные действия, научный подход, эмоциональная поддержка и меры контроля, являются репрезентативными для обеих культур. Однако внутри этих тематических групп наблюдаются как общие черты, так и значительные различия, обусловленные культурно-историческими особенностями и социолингвистическим контекстом данных обществ.

Во-первых, следует отметить, что пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на лексикон как русского, так и китайского языков. Новые слова и выражения, а также изменённые значения существующих слов стали отражением новых социальных реалий, вызванных пандемией, что привело к активному развитию языковой картины мира в обоих сообществах (Табл. 14).

Таблица 14

Анализ русской и китайской лексики в контексте пандемии

Тематическая группа	Русская лексика	Китайская лексика	Сходства	Различия
Медицинская лексика	Антиковид, антимасочник, карантин	健康码 (Код здоровья), 社交距离 (социальное дистанцирование)	Акцент на здоровье и меры предосторожности	В Китае сильный акцент на технократические меры (цифровизация здоровья)
Социальные изменения	Удалёнка, ковидиворс, зумер	宅生活 (жизнь дома), 云工作 (работа в облаке)	Оба языка подчеркивают изменения в повседневной жизни	В России – акцент на технологии Zoom, в Китае – на коллективные действия
Психология и эмоции	Коронаневроз, ковидострах	疫情焦虑 (тревога по поводу эпидемии), 隔离情绪 (эмоции во время изоляции)	Обе культуры создавали лексику для описания эмоциональных состояний	Китайская лексика имеет больше элементов поддержки, русская – тревоги и стресса
Государство и управление	Ковидоэкономика, ковидомеры	科学防控 (Научная профилактика), 抗疫政策 (политика борьбы с эпидемией)	Акцент на государственные меры и управление ситуации пандемии	Китай уделяет внимание науке, Россия – экономическим последствиям

Языковая игра и юмор	Коронавеселье, ковидиоты	无	Русская культура активно использовала юмор	В официально-публичном дискурсе юмор заметно менее выражен; в неформальных каналах (段子, 表情包) он присутствует, но реже закрепляется в паремийной форме
-----------------------------	--------------------------	---	--	---

Так, лексика, связанная с темой здоровья и профилактики, оказалась одной из наиболее частотных в обоих языках, что можно объяснить настоящей необходимостью распространения информации о мерах личной гигиены и самозащиты в условиях пандемии. В русском языке данная категория составляет 40%, в то время как в китайском языке – 28%. Однако стоит подчеркнуть, что в китайском языке, наряду с общими лексическими единицами, активно используются технологические термины, такие как «健康码» (*код здоровья*), что свидетельствует о более высоком уровне технологизации профилактических мер в китайском обществе. В русском же языке акцент смещён на повседневные бытовые выражения, что подчёркивает важность индивидуальных действий в повседневной жизни.

Во-вторых, следует обратить внимание на значимость коллективных действий и изменения в социальной жизни, которые находят отражение как в русском, так и в китайском языках. Тем не менее, в лингвокультурологическом контексте китайского языка коллективизм имеет более ярко выраженный характер, что подтверждается использованием таких выражений, как «众志成城» (*воля народа объединена для борьбы с эпидемией*). В русском языке, напротив, наблюдается адаптация общества через индивидуальные решения, например, в

виде новых лексических единиц, связанных с удалённой работой и онлайн-коммуникациями. Соотношение частотности употребления данной группы выражений также варьируется: в китайском языке она составляет 35%, а в русском – 25%.

Ещё одной важной группой лексики является научный подход к пандемии и меры государственного управления. В обоих языках подчёркивается значимость научно обоснованных мер, однако в китайской лексике акцент смещён на конкретные научные методы, тогда как в русском языке больше внимания уделяется экономическим последствиям и государственным программам поддержки. Эти различия отражают культурные особенности восприятия пандемии: в китайской культуре большая значимость придаётся коллективным действиям и дисциплине, в то время как в русской – индивидуальной адаптации и юмористическому осмыслению эпидемиологической реальности.

Кроме того, в обоих языках лексика, связанная с эмоциями и поддержкой, представляет значительный интерес лингвокультурологической точки зрения. В русском языке выражения, отражающие стресс и тревожность, такие как «коронастресс» и «алкоизоляция», составляют 15%, что свидетельствует о значительном влиянии пандемии на эмоциональное состояние общества. В китайском языке, напротив, более активно используется позитивная и обнадеживающая лексика, подчёркивающая важность оптимизма в условиях пандемии (например, «*春天一定会来*» – *весна обязательно придет*).

Наконец, важной лексической группой являются выражения, связанные с ответственностью за соблюдение мер профилактики, а также языковыми играми. Интересно отметить, что в русском языке широко используются юмористические неологизмы, такие как «ковидиоты», которые помогают осмыслить травматические реалии через юмор. В китайской лексике, напротив, основной акцент делается на дисциплине и коллективной ответственности, что подчёркивает более строгий подход к соблюдению мер.

Частота использования выражений в интернете, распределённых по тематикам, можно отразить на рисунке 13 (Рис. 13)

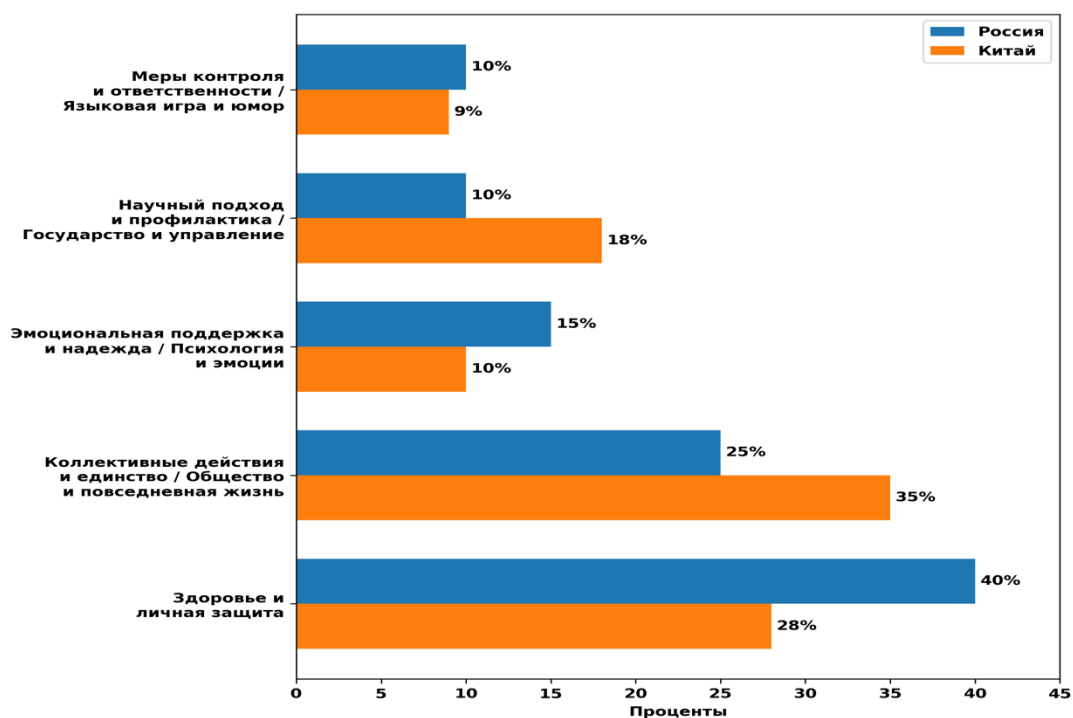

Рисунок 13. *Диаграмма частотности тематик в русском и китайском фольклорах эпохи коронавируса*

Таким образом, проведённый лингвокультурологический анализ позволяет выявить как сходства, так и различия в лексическом осмыслении пандемии в русском и китайском языках. Основные тематические группы – здоровье, коллективные действия, научный подход, эмоциональная поддержка и меры контроля – представляют собой ключевые элементы пандемийного дискурса в русском и китайском языках. При этом различия в доминирующих акцентах – в частности, технологическая медиатизация профилактических мер в китайском дискурсе и ориентация на юмористическое переосмысление в российском – отражают специфику культурных и социальных установок соответствующих обществ.

Выводы, сформулированные на основе проведённого анализа русской и китайской лексики периода пандемии, демонстрируют глубокие социолингвистические различия и сходства между двумя культурами, что отражает характерные черты их языковой картины мира в условиях глобальных пандемийных условий. Все выдвинутые гипотезы нашли подтверждение в ходе анализа, подчеркивая как общие черты, так и культурные различия в восприятии пандемии через призму фольклора.

Прежде всего, необходимо отметить, что в обоих языках наблюдается активное формирование новых лексических единиц, связанных с профилактикой здоровья и изменениями в социальной жизни. Как в русском, так и в китайском языках ключевыми темами стали социальная дистанция, ношение масок, соблюдение мер гигиены, а также самоизоляция. Этот факт подтверждает универсальный характер восприятия и языковой интерпретации пандемийных реалий, что отражает глобализацию современных коммуникаций.

Однако несмотря на схожесть тем, используемых в обеих культурах, лексическая адаптация этих понятий демонстрирует принципиальные различия. В частности, китайская лексика акцентирует внимание на технологических аспектах борьбы с вирусом, таких как система «健康码» (*Код здоровья*), позволяющая отслеживать состояние здоровья граждан. Этот технологический аспект отсутствует в русской картине мира, где больше внимания уделяется бытовым и социальным изменениям, таким как «масочный режим» и «ковидиворс». Таким образом, можно констатировать, что в китайской лингвистической картине мира технологии играют центральную роль, что отражает высокий уровень доверия к государственным и цифровым инструментам контроля над распространением вируса.

Дополнительно следует подчеркнуть, что в китайской лексике сильно выражена коллективная ответственность и дисциплина, в то время как в русской картине мира превалирует индивидуальный подход к вопросам безопасности и здоровья. В частности, в китайских пословицах и поговорках часто фигурирует идея коллективного вклада и общественного долга, что подчёркивается выражениями, такими как «不聚集就是保护他人» (*Не собирайтесь – защитите других*), «疫情当前不添乱，待在家里莫乱转» (*Не усугубляйте хаос эпидемии, сидите дома*). В русском языке, напротив, присутствует акцент на личную ответственность за собственное здоровье и здоровье близких, что проявляется в поговорках типа «Кто без маски ходит, того вирус находит», «Маска защитит тебя и других».

Кроме того, использование юмора и языковой игры является ещё одной важной отличительной чертой русского языкового пространства, особенно в условиях пандемии. Выражения, такие как «ковидиоты» и «коронавеселье», активно используются для осмысления ситуаций пандемии через призму юмора и иронии. В китайской же лексике подобные элементы почти отсутствуют, что свидетельствует о различии в культурных кодах и восприятии пандемийных реалий. Такое положение дел можно рассматривать как отражение лингвокультурологических особенностей восприятия пандемийных условий: в русской традиции юмор используется как способ психологической адаптации и самозащиты, в то время как китайская культура фокусируется на более серьёзном и дисциплинированном подходе.

Таким образом, выводы данного исследования подтверждают гипотезу о том, что культурно-языковые различия в лингвистической интерпретации пандемии обусловлены как историко-культурным контекстом, так и различиями в восприятии роли государства, технологий и коллективной ответственности. В то же время обе культуры демонстрируют стремление к адаптации языка к новым реалиям через создание новых лексических единиц, отражающих специфику каждого общества. Это подтверждает необходимость дальнейшего изучения лингвокультурологических особенностей разных культур в условиях глобальных потрясений, что позволит глубже понять механизмы формирования новых языковых реалий и способы адаптации обществ к изменяющимся условиям жизни.

В итоге данный анализ позволяет сделать вывод о том, что пандемийная единица является важным индикатором изменений в обществе, демонстрирующим, как языковые средства отражают социокультурные различия, психологические реакции и коллективные механизмы выживания в условиях глобальной угрозы.

При рассмотрении фольклора как системы в традиционной культуре, необходимо учитывать различные подходы к его изучению.

Исследования в области языка фольклора указывают на то, что на уровне концепций фольклорный текст не является результатом авторского творчества, а скорее представляет собой конструкцию, составленную из отдельных элементов —

преимущественно формул. Концепты, наряду с формулами, которые являются базовыми компонентами фольклорного дискурса, формируют образ мира в фольклорных текстах, который можно рассматривать как устойчивую систему, состоящую из концепций.

Например, концепт «запрет» представляет собой элемент формирования языковой картины мира, отражающий как социальные, так и когнитивные аспекты. В социальном сознании «запрет» интерпретируется как ситуативная нежелательность и разновидность нормы, которая регулирует поведение индивида в обществе. Однако «запрет» представляет собой культурно-ментальное образование, отражающее различные знания, связанные с менталитетом народа, его мировосприятием, обычаями и верованиями.

Исследования В. Я. Проппа подчеркивают, что «запреты» играют значимую роль как культурно-исторический элемент. Они отражают особенности конкретной эпохи и характера общества. Исходя из того, что запрещается в определенный период времени, можно сделать выводы о ценностях, нормах и табу данной культуры.

В русской и китайской культурах концепт «запрет» имеет сходные, но в то же время отличающиеся аспекты. В русской культуре запреты часто связаны с индивидуальными правами и свободами, а также с моралью и этикой. Запреты обычно связаны с соблюдением законов и правил поведения в обществе, но также имеют более личное и эмоциональное значение.

В китайской культуре запреты традиционно имеют более общественное значение и чаще всего связаны с коллективными нормами и традициями. Запреты в китайской культуре являются более строгими и жесткими, основанными на долге перед обществом и семьей. Кроме того, в китайской культуре запреты могут быть более формализованными и закреплёнными в обычаях и религиозных установлениях.

Репрезентация концепта «запрет» в пословицах и поговорках может варьироваться, однако сам концепт «запрет» содержит значительное коммуникативное содержание, что приводит к его реализации не только через одно

слово, а скорее через выражение суждения, содержащего собой «сгусток смысла» (термин Ю. С. Степанова).

Например, *«Не усугубляйте хаос нынешней эпидемии, сидите дома и не передвигайтесь»* (疫情当前不添乱, 待在家里莫乱转。); *«Не приближайтесь к местам скопления людей. Иностранцам и приезжим своевременно сообщать о случившемся»*, (人多场所少靠近 · 外来人客及时报。); *«Не болтайте без дела, заразиться легко; не паникуйте, у нас свой путь. Не болтайте без дела, часто мойте руки, не позволяйте вирусу преследовать вас»*, (莫乱串 · 易感染; 莫惊慌 · 自有方。莫串门 · 勤洗手 · 别让病毒跟着走。) Запрет иногда усиливается: *«Никаких соборщ, никаких пересечений, никаких вирусных вспышек за дверью»*, (不聚集, 不串门, 病毒疫情不上门。); *«Профилактика эпидемий не побеждает, решительно не выходит; эпидемия не закончилась, маски снимать нельзя»*, (防疫不搞赢 · 坚决不出门; 疫情不解除 · 口罩不能除。).

Здесь мы привели примеры китайского фольклора, связанного с самоизоляцией и посещением массовых мероприятий. Есть также запреты, связанные с нарушением карантина, масочного режима, протестами, возмущениями, нарушениями определенной диеты и приема лекарств.

В лексико-семантической структуре концепта «запрет» присутствует информация языкового выражения, включающая использование отрицательной частицы «не» и ее эмоционально-экспрессивную функцию. Примерами таких выражений являются: *«не снимай маску»*, *«не ходи на мероприятия»*, *«не покидай дома»*, *«не встречайся»* и другие. Эмоциональная окраска данной частицы определяется контекстом, связанным с развитием сюжета в фольклоре, что подразумевает нарастание трагического напряжения, предчувствия потерь и беды. В связи с этим иногда подчеркивается начальная ситуация – это описание подчеркнутого благополучия: *«Не было беды, да вирус в дом пришел»*, (没有麻烦 ·

但病毒进入了房子); *«Не было тревожных мыслей, да пандемия застала врасплох»*
(没有令人不安的想法 · 大流行使我们措手不及).

Дополнительным элементом семантики концепции «запрет» является когнитивный компонент, взаимосвязанный с традиционными значениями и системой духовных ценностей участников языкового сообщества. Семантика данного концепта уходит своими корнями к древнему убеждению в том, что нарушение запрета приведет к несчастью: *«Самоизоляция – забота о себе и о других, а нарушение ее – путь к беде», (自我隔离是照顾自己与他人 · 打破它是麻烦的方式 °)*; *«Без маски – как без парашюта: надеяться на удачу, но лучше не проверять на практике!»* (没有面具 · 就像没有降落伞一样: 希望运气 · 但最好不要在实践中测试它!).

Необходимо отметить, что концепт «запрет» выполняет функцию сюжетообразования в как в русском, так и в китайском фольклорном тексте, поскольку способствует развитию сюжетной линии. Нарушение запрета со стороны героя приводит к наказанию, которое часто представлено в виде испытания. В данном контексте концепт «запрет» эквивалентен концепту «испытание» в концептосфере русского и китайского фольклорного текста:

«Почему программист не смог соблюсти самоизоляцию? Потому что у него был вирус, который заставлял его выходить из дома искать антивирусные программы!»

«Один парень не смог соблюсти самоизоляцию и отправился на вечеринку. В итоге, он так залип в игре «Карантин: Выживание», что забыл про реальный мир! Теперь он сидит дома и «переживает» за своего персонажа, который заразился коронавирусом в игре».

В эпоху коронавируса запреты – как тень: их следует учитывать, но не позволять им затмевать здравый смысл (在冠状病毒的时代·禁酒令就像一个影子：你应该尊重它·但不要让它掩盖了光明).

Подводя итог, можно отметить, что концепция «запрета» включает в себя два основных аспекта. Первый аспект – это понятийная составляющая, которая представляет собой типизированные представления о наложенных обществом ограничениях на поведение индивидов. Это понимание имеет универсальное значение и является культурным стандартом. Второй аспект – это ценностная составляющая, которая проявляется, например, в фольклорных произведениях о нарушении запретов. Она выражает особенности отношения общества к данному факту. Как подчёркивает Т. В. Ломакина, современная пословица сохраняет статус «универсального коммуникативного кода», позволяющего выразить оценку, норму или коллективное отношение к ситуации в компактной форме [Ломакина, 2020: 7]. Это объясняет её активное тиражирование в интернет-среде, включая модифицированные, иронические и антипословичные формы.

С точки зрения носителя китайского языка, русский фольклор, в котором отношение к нарушению запрета может рассматриваться как проявление «бунтарского русского духа», как правило, вызывает интерес и удивление. В китайской культуре уважение к авторитету, соблюдение традиций и законов обычно занимают важное место и идея бунтарства или нарушения запретов воспринимается как нечто необычное. Таким образом, в контексте фольклора с позиции носителя китайского языка концепцию «запрета» можно понимать, как модель правильного поведения, ценностный ориентир, моральный стандарт, необходимые для защиты человека и регулирования его взаимоотношений с другими людьми в рамках культурного сообщества.

Языковая картина мира отражает культурные, социальные и исторические реалии, характерные для определённого сообщества. Период пандемии COVID-19 оказался уникальным временным отрезком, породившим новые лексические единицы, которые можно сравнить с фольклорной лексикой в том смысле, что эти

слова используются преимущественно в контексте пандемии и редко встречаются в повседневной речи, оставаясь специфическими для этого временного периода. Примерами таких слов могут служить термины как «социальная дистанция» или «локдаун», которые стали активно использоваться в разных языках включая русский. Анализ этих лексических единиц с точки зрения носителя китайского языка позволяет выявить культурные и лингвистические особенности, а также сходства и различия между русским и китайским языками в контексте пандемии. Так, нами была составлена таблица русских и китайских поговорок, с целью анализа языковой картины мира. (Прил. 1., табл 1.) Проведенное исследование пословиц показывает схожесть в восприятии мер предосторожности в обеих культурах. Например:

«Мыть руки – полдела, главное – не трогать лицо» – 洗手只是其中一半, 最重要的是不要摸脸。

«Соблюдай дистанцию – спаси жизнь» – 保持距离, 拯救生命。

«Маска на лице – безопасность в сердце» – 脸上戴口罩, 心中有安全。

«Лучше дома сидеть, чем вирусом болеть» – 宅在家中胜过染疫。

«Чистота – залог здоровья, маска – залог безопасности» – 清洁是健康的保证, 口罩是安全的保证。

Приведенные выражения подчеркивают важность гигиенических мер и социального дистанцирования, что указывает на универсальность этих концепций в борьбе с пандемией.

Таблица 15

Пословицы с эквивалентным значением

Русский вариант	Китайский вариант	Общие черты	Различия
«Мыть руки– полдела, главное – не трогать лицо»	洗手只是其中一半, 最重要的是不要摸脸。	-Противопоставление действий через частицу «полдела» / «一半». – Акцент на гигиене и запрете.	В русском используется разговорный стиль («полдела»), в китайском – более формальная структура.

«Соблюдай дистанцию — спаси жизнь»	保持距离，拯救生命。	- Императивная форма. - Связь между действием и последствием.	В китайском чаще используется параллелизм (четырёхсложные конструкции).
«Маска на лице — безопасность в сердце»	脸上戴口罩，心中有安全。	- Метафорическое соединение внешнего действия и внутреннего состояния.	В китайском выражение ритмичнее за счёт парных структур (戴口罩 ↔ 有安全).
«Лучше дома сидеть, чем вирусом болеть»	宅在家中胜过染疫。	- Сравнение двух ситуаций через «лучше... чем...».	Русский вариант более разговорный («сидеть»), китайский лаконичен (宅 — «оставаться дома»).
«Чистота — залог здоровья, маска — залог безопасности»	清洁是健康的保证，口罩是安全的保证。	- Параллельные конструкции с использованием «залог» / «保证».	В китайском повтор иероглифа 保证 усиливает запоминаемость.

2. Лексические единицы существуют в русском языке, отсутствует в китайском языке.

Русские выражения, не имеющие аналогов в китайском языке, часто подчеркивают личную ответственность и героизм:

«Сидишь дома — героем станешь» — 呆在家里，你就是英雄。

«Лучше маска на лице, чем трубка в горле» — 脸上戴口罩总比喉咙插管好。

«Не выходи без маски — думай о ближнем» — 没有口罩别出门，想想他人。

«Карантин — друг, вирус — враг» — 隔离是朋友，病毒是敌人。

«Чем сидеть в больнице, лучше сидеть дома» — 与其住院，不如待在家里。

Эти выражения акцентируют внимание на личной ответственности каждого человека за свое здоровье и здоровье окружающих. В китайском языке подобные выражения встречаются реже, что может свидетельствовать о более коллективистском подходе к пандемии.

Таблица 16

Русские пословицы без китайских аналогов

Русский вариант	Ключевые особенности
«Сидишь дома — героем станешь»	Использование метафоры героизма для мотивации.

Русский вариант	Ключевые особенности
«Лучше маска на лице, чем трубка в горле»	Прямое противопоставление через гиперболу («трубка в горле»).
«Не выходи без маски – думай о ближнем»	Акцент на социальной ответственности (альтруизм).
«Карантин – друг, вирус – враг»	Олицетворение карантина и вируса как антагонистов.
«Чем сидеть в больнице, лучше сидеть дома»	Использование сравнения для подчёркивания выгоды.

3. Лексические единицы существуют в китайском языке, отсутствует в русском языке.

Китайские пословицы, не имеющие эквивалентов в русском языке, фокусируются на конкретных действиях и предостережениях:

戴口罩，不传病毒 – Надевай маску, не передавай вирус.

宅在家中，避免染疫 – Оставайся дома, избегай заражения.

勤洗手，保健康 – Часто мой руки – сохраняй здоровье.

戴好口罩，不给病毒机会 – Надевай маску правильно – не давай вирусу шанса.

保持通风，远离病毒 – Обеспечь вентиляцию – держись подальше от вируса.

Эти выражения более конкретны и направлены на выполнение определенных действий, что может отражать практический и дисциплинированный подход китайского общества к пандемии.

Таблица 17

Китайские пословицы без русских аналогов

Китайский вариант	Ключевые особенности
戴口罩，不传病毒 (Надевай маску, не передавай вирус.)	Краткость и прямота. Нет аналога в русском, где акцент на передаче вируса менее выражен.
宅在家中，避免染疫 (Оставайся дома, избегай заражения.)	Использование 宅 (zhái) – сленгового термина для «сидения дома».
勤洗手，保健康 (Часто мой руки – сохраняй здоровье.)	Ритмичный параллелизм (четырёхсложная структура).
戴好口罩，不给病毒机会 (Надевай маску правильно – не давай вирусу шанса.)	Указание на правильность действия («戴好» – «правильно надеть»).
保持通风，远离病毒 (Обеспечь вентиляцию – держись подальше от вируса.)	Акцент на технических мерах (вентиляция), редко встречается в русских пословицах.

Анализ русских и китайских пословиц и поговорок в контексте фольклора периода COVID-19 выявляет как сходства, так и различия. Русские пословицы и поговорки часто акцентируют внимание на личной ответственности и героизме, в то время как китайские пословицы и поговорки фокусируются на конкретных действиях и предостережениях. Эти различия отражают культурные особенности двух народов и их подход к решению глобальных проблем.

Наше исследование показало, что традиционные значения, заключенные в русских фольклорных текстах, создают особый мир, отличный от реальности, но отражающий особенности восприятия этносом окружающего мира, основные этические и эстетические ценности. Ключевую роль в формировании этого мира играют концепты с их уникальными кодами и национально окрашенной семантикой.

Исследование функций фольклора в сохранении и передаче языковой картины мира в условиях пандемии подчеркивает его значимость в поддержании культурной непрерывности и социальной связи в периоды нестабильности. В условиях пандемии фольклор выполняет несколько ключевых функций, в том числе сохранение культурной идентичности, поддержание социальной координации, предоставление психологической поддержки, передача знаний и опыта, а также отражение изменений в социальной реальности.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что фольклорные традиции, такие как песни, сказки, обряды и пословицы, являются важным инструментом сохранения культурного наследия и передачи ценностей народа в условиях пандемии. Они помогают людям поддерживать связь с историей, традициями и обычаями своего народа, укрепляя социальные связи и обогащая языковую картину мира.

Анализ функций фольклора в условиях пандемии подчеркивает его адаптивный характер и способность адекватно реагировать на изменяющиеся обстоятельства. Фольклорные тексты приспосабливаются к новым социокультурным контекстам, сохраняя свою значимость и актуальность для современного общества.

Таким образом, исследование функций фольклора ситуации пандемии подчеркивает его важную роль в поддержании и передаче языковой картины мира, способствуя сохранению культурной непрерывности, социальной стабильности и психологическому благополучию общества.

Пандемийный фольклор в обоих языках конденсирует нормы поведения в императивные и паремийные формулы, а также в меметические клише; различия проявляются в доле технологизированной лексики и степени публичной языковой игры. В русской традиции сильнее выражена ироническая адаптация, в китайской – мотивы дисциплины и коллективной ответственности. Эти различия отражают устойчивые культурные коды, а не только ситуативные реакции.

3.3. Исследование русской языковой картины мира актуализированной пандемийным дискурсом методом анкетирования

В рамках исследования русской языковой картины мира в текстах фольклора коронавирусной эпохи, воспринимаемых носителями китайского языка, был использован метод анкетирования, адаптированный к задачам лингвокультурного анализа. В лингвистическом анализе данный метод рассматривается как эффективный инструмент фиксации языкового сознания, выявления ассоциативных связей, реконструкции семантических полей и описания культурно маркированных языковых единиц.

Анкета «Анализ восприятия интернет-фольклора эпохи COVID-19 носителями русского и китайского языков» была построена по принципу комбинированного опросного инструмента и включала как закрытые вопросы (альтернативный и множественный выбор), так и открытые, требующие развернутого комментария. Такая структура позволила совместить количественный анализ распределения ответов и качественное описание индивидуальных интерпретаций.

Анкета включала шесть функциональных блоков:

1. Паспортная часть (вопросы 1–5) – был зафиксирован социолингвистический профиль информанта (возраст, пол, национальность, уровень владения русским языком, образовательный контекст).

2. Концептуальный блок (вопросы 6–7) – выявлял семантическую структуру базовых понятий пандемийного дискурса («карантин», «пандемия») в рецепции респондентов.

3. Эмоционально-оценочный блок (вопросы 8, 10, 11, 13, 15, 17) – содержал унифицированный перечень эмоций (радость, смех, недоумение, тревога и др.) для оценки прагматического потенциала паремий, мемов, карантинков, хэштегов и поликодовых сообщений.

4. Интерпретационный блок (вопросы 9, 12, 14, 16, 18) – предлагал либо выбор одной из нескольких трактовок текста, либо самостоятельное толкование,

что позволило выявлять механизмы вторичной номинации, метафоризации, иронии, гиперболизации и других тропов, характерных для пандемийного дискурса.

5. Блок креативной репродукции (вопросы 19, 21) был направлен на выявление известных респондентам примеров фольклорных текстов, сформировавшихся в период пандемии COVID-19, что позволило получить эмпирический материал для анализа механизмов креативного освоения и трансформации языковых формул.

6. Рефлексивно-прогностический блок (вопросы 20, 22) – выявил представления о культурной значимости и долговечности элементов интернет-фольклора в языке.

Объектом исследования выступали русскоязычные тексты фольклора коронавирусной эпохи (паремии, мемы, «карантинки», хэштеги, поликодовые сообщения), а предметом – их интерпретация носителями китайского языка: изменения смысловой структуры, коннотативный профиль и прагматические эффекты. Цель исследования состояла в описании элементов русской языковой картины мира, актуализированных пандемийным дискурсом, в межкультурной перспективе.

Методологическая основа включала подходы лингвокультурологии, паремиологии, прикладной лингвистики и психолингвистики. Применялись анкетирование как метод фиксации языкового сознания, анализ семантических полей, интерпретационный и прагмалингвистический анализ, контент-кодирование открытых ответов.

Для статистического анализа использовался пакет IBM SPSS Statistics. Этапы обработки включали кодирование переменных, дескриптивная статистика, сравнительный анализ – критерий χ^2 Пирсона для выявления статистически значимых различий между группами по национальности и уровню владения русским языком, расчёт ф-коэффициента и V Крамера.

Валидизация результатов обеспечивалась содержательным охватом основных жанров интернет-фольклора, двойным кодированием части открытых ответов и контролем языковой компетенции информантов.

В исследовании, направленном на выявление особенностей восприятия русской языковой картины мира в фольклорных текстах коронавирусной эпохи носителями китайского языка, в качестве эмпирической базы была сформирована выборка из 200 информантов, представителей Китая и России.

Возрастная структура выборки продемонстрировала доминирование группы 18–25 лет (127 человек; 63,5 %), что соответствует возрастной категории, характеризующейся высокой цифровой компетенцией, интенсивным использованием интернет-коммуникации и активной включенностью в функционирование интернет-фольклора. Вторая по численности группа – 26–35 лет (64 человека; 32,0 %) – представляет аудиторию с уже сложившейся языковой и культурной компетенцией, но сохраняющую вовлечённость в современные жанры интернет-дискурса. Минимально была представлена категория младше 18 лет (9 человек; 4,5 %), что, вероятно, связано с ограниченной доступностью данной возрастной группы для исследовательских процедур.

Гендерная структура выборки также оказалась асимметричной: женщины составили 71,5 % (143 человека), мужчины – 28,5 % (57 человек). Подобная диспропорция соответствует тенденциям, зафиксированным в ряде психолингвистических и лингвокультурологических исследований, где женщины демонстрируют более высокую готовность участвовать в опросах и экспериментах. Этот фактор необходимо учитывать при интерпретации эмоционально-оценочных данных, поскольку гендерные различия могут оказывать влияние на восприятие и интерпретацию фольклорных текстов.

Распределение по уровню владения русским языком в совокупной выборке показало, что почти половина участников (49,5 %; 99 человек) являются носителями русского языка. Доля респондентов со средним уровнем владения составила 21,0 %, с начальным – 17,0 %, с продвинутым – 12,5 %. Таким образом, в исследовании представлены как полностью компетентные носители, так и

информанты с различной степенью овладения русским языком, что позволяет выявлять корреляции между уровнем языковой компетенции и спецификой лингвокультурной интерпретации.

В национальном разрезе выборка была практически сбалансирована: 48,0 % (96 человек) – носители китайской национальности и 52,0 % (104 человека) – российской. Это обеспечивает надёжную базу для анализа, позволяя выявлять межкультурные различия в восприятии пандемийного фольклора.

Внутригрупповой анализ китайских участников показал, что у 39,6 % (38 человек) уровень владения русским языком был средним, у 35,4 % (34 человека) – начальным, у 24,0 % (23 человека) – продвинутым, и лишь 1,0 % (1 человек) являются носителями. Такое распределение отражает ситуацию, при которой русский язык для большинства китайских информантов является средством вторичной языковой социализации, что непосредственно влияет на интерпретацию и семантическую переработку русских фольклорных единиц.

Таким образом, сформированная выборка сочетает культурно и языково гетерогенные группы, что создаёт основу для лингвокультурологического анализа.

В блоке, посвящённом толкованию ключевых концептов пандемийного дискурса, зафиксированы как универсальные, так и культурно-специфические особенности семантизации.

Концепт «карантин» в обеих национальных выборках интерпретируется преимущественно как медицинская мера профилактики (72,9 % у китайских информантов и 65,4 % у российских), что соответствует его нормативной дефиниции в современном русском языке и международных медицинских документах. Однако дополнительные семантические акценты демонстрируют культурно-языковое расхождение. У российских участников выше доля выбора варианта «временное изменение образа жизни» (19,2 % против 4,2 % у китайцев), что отражает прагматико-бытовую интерпретацию меры, встроенную в повседневный дискурс. Китайские респонденты чаще выделяют аспект «ограничение передвижения» (19,8 % против 13,5 % у россиян), фиксируя пространственную семантику и репрезентируя карантин как территориально

ограничительное мероприятие. Вариант «другое», маркирующий индивидуальные или нестандартные толкования, встречается у обеих групп, но чаще у китайских участников (3,1 % против 1,9 %).

Результаты критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 11,351$; $p = 0,010$) указывают на статистически значимые различия в распределении ответов, что позволяет говорить о связи национально-культурного фона с интерпретацией данного концепта.

Концепт «пандемия» также демонстрирует общую семантическую доминанту: в обеих группах преобладает понимание как эпидемии, охватывающей несколько стран или континентов (78,1 % у китайских и 85,6 % у российских респондентов), что полностью коррелирует с международным определением термина. Дополнительные варианты выявляют отличительные культурные акценты. Китайские участники чаще определяют пандемию как временное явление в обществе (4,2 % против 1,9 %) либо как символ эпохи коронавируса (13,5 % против 11,5 %), что отражает тенденцию к метафорическому и символическому осмыслению события. Вариант «другое» встречается в 4,2 % случаев у китайских и в 1,0 % у российских респондентов, фиксируя индивидуальные толкования вне предложенной шкалы.

При этом проверка критерием χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 3,387$; $p = 0,336$) не выявила статистически значимых различий в распределении ответов, что свидетельствует о высокой степени унификации данного концепта в двух лингвокультурах.

Таким образом, можно констатировать, что концепт «карантин» в большей степени подвержен культурно-специфическим интерпретациям, тогда как концепт «пандемия» демонстрирует более универсальное понимание, закреплённое в международном и национальном дискурсе.

Переходя к анализу эмоционально-оценочного блока анкеты, в частности к вопросу 8, необходимо отметить, что данный раздел был направлен на выявление прагматического компонента восприятия паремиологических единиц интернет-фольклора эпохи COVID-19. В качестве стимульного материала использовалась пословица *«По маске встречают, по температуре провожают»*, которая

представляет собой пример актуализированной антипословицы, формально воспроизводящей модель известного устойчивого выражения («По одежке встречают, по уму провожают»), но наполненной новым содержанием, связанным с пандемийной реальностью.

Анализ распределений показал, что ведущей реакцией респондентов является нейтральное отношение (35,0 %), за которым следуют недоумение (26,5 %) и тревога (24,0 %). Менее частотны смех (21,0 %), грусть (17,5 %), оптимизм (12,5 %), ностальгия (13,0 %) и радость (9,0 %). Минимально представлены обида (4,5 %), злость (2,5 %) и категория другое (2,0 %). Тем самым выявляется тенденция к смешанным и преимущественно негативно окрашенным реакциям, тогда как позитивный эмоциональный спектр остаётся периферийным.

При сравнении национальных групп установлено, что китайские респонденты значительно чаще выражают радость (15,6 % против 2,9 % у россиян), оптимизм (21,9 % против 3,8 %) и обиду (8,3 % против 1,0 %), тогда как российские информанты чаще указывают недоумение (29,8 % против 22,9 %), тревогу (26,0 % против 21,9 %), грусть (19,2 % против 6,3 %) и ностальгию (19,2 % против 6,3 %). Нейтральное отношение фиксируется в обеих группах, но выше у российских участников (39,4 % против 30,2 %). Эти различия указывают на то, что в китайской выборке преобладает восприятие пословицы как лёгкой, ироничной формулы с элементами позитивной оценки, тогда как у российских респондентов актуализируются сдержанно-негативные и ретроспективные коннотации, связанные с личным опытом пандемии (Рис. 14).

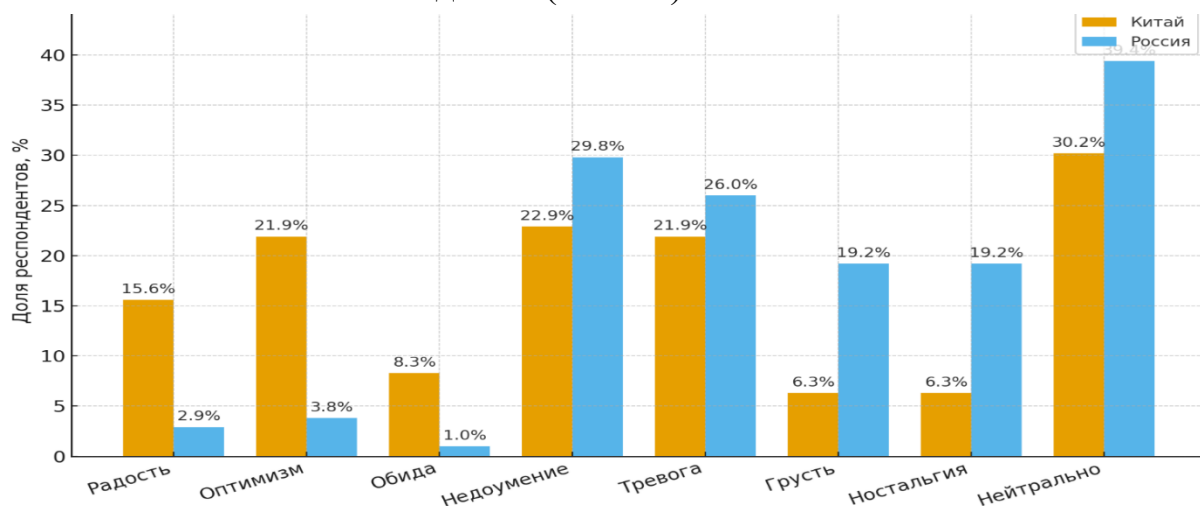

Рисунок 14. Диаграмма распределения эмоциональных реакций российских и китайских респондентов на антипословицу «По маске встречают, по температуре провожают»

Семантический анализ открытых ответов на пословицу «Вirus не воробей, вылетит – не поймаешь» позволил реконструировать её интерпретационное ядро, включающее несколько ключевых компонентов. Во-первых, денотативный план объединяет представления о быстром и неконтролируемом распространении вируса. Во-вторых, прагматический смысл высказывания выражается в предупреждении и в призыве к ранним профилактическим мерам (ношение маски, соблюдение дистанции, предотвращение заражения). В-третьих, интертекстуальная основа строится на модификации классической пословицы «Слово не воробей...», что переводит выражение в разряд антипословиц и наделяет его элементом языковой игры. При этом режим интерпретации варьирует от буквального эпидемиологического прочтения до метафорического осмысления вируса как трудноуловимого явления, требующего предвосхищающего контроля. Дополнительные линии интерпретации включают метаоценки («смешно и грустно»), фиксацию непонимания, а также ответы с китайской лексикой 防控 (контроль) и 共存 (сосуществование).

В структуре выявленных тропов преобладает метафорический перенос, основанный на деконструкции эталонной пословицы, что придаёт высказыванию семантику необратимости и утраты контроля. Ирония и каламбур фиксируются преимущественно у носителей русского языка, тогда как директивные прагматические маркеры («нужно», «следует», «надо») усиливают предписывающий характер высказывания.

Таким образом, пословица функционирует как антипословица, совмещающая иронический формат с жёстким предупреждением. В русской интерпретации активнее проявляется интертекстуальный и юмористический аспект, в китайской – регулятивно-директивная функция. Эти различия демонстрируют, как один и тот же фольклорный текст в русской языковой картине мира сочетает игровую форму с серьёзным содержанием, а в межкультурной рецепции смещается в сторону нормативного и профилактического смысла.

Результаты анализа по вопросу 10 («Сидим дома и спасаем мир») показывают, что данная поговорка активирует широкий спектр эмоциональных реакций, причём их распределение существенно варьирует как в зависимости от уровня владения русским языком, так и от национальной принадлежности респондентов. Для участников с начальным уровнем характерна высокая доля оптимизма (50 %) в сочетании с тревогой (23,5 %) и значительными показателями радости (14,7 %) и смеха (17,6 %), что позволяет интерпретировать восприятие высказывания как вдохновляющего и мобилизующего, но при этом сопровождаемого элементами настороженности. Средний уровень демонстрирует преобладание смеха (28,3 %) и нейтрального отношения (33,3 %), что может свидетельствовать об адаптации к культурным кодам и ироничном прочтении текста. Продвинутый уровень характеризуется сбалансированным распределением смеха (32 %), оптимизма (24 %) и грусти (24 %), отражающим амбивалентное восприятие, сочетающее положительную мотивацию с меланхолическими нотами. У носителей русского языка доминируют оптимизм (38,1 %) и грусть (26,2 %), что, вероятно, связано с личным опытом пандемии и интерпретацией поговорки в контексте реальных событий.

Национальные различия также выявляют специфические особенности восприятия: китайские респонденты чаще выбирают оптимизм (38,5 %), радость (14,6 %) и смех (20,8 %), что позволяет рассматривать данную единицу как позитивный объединяющий лозунг без ярко выраженной ретроспективной окраски. При этом тревога (17,7 %) и грусть (19,8 %) также присутствуют, а ностальгия практически не фиксируется (2,1 %). Российские участники, напротив, демонстрируют более высокие показатели смеха (28,8 %), нейтрального отношения (31,7 %) и ностальгии (22,1 %), тогда как оптимизм встречается реже (19,2 %). Это может отражать ироничное и рефлексивное отношение к ситуации, сформированное длительным опытом ограничений (Рис. 15).

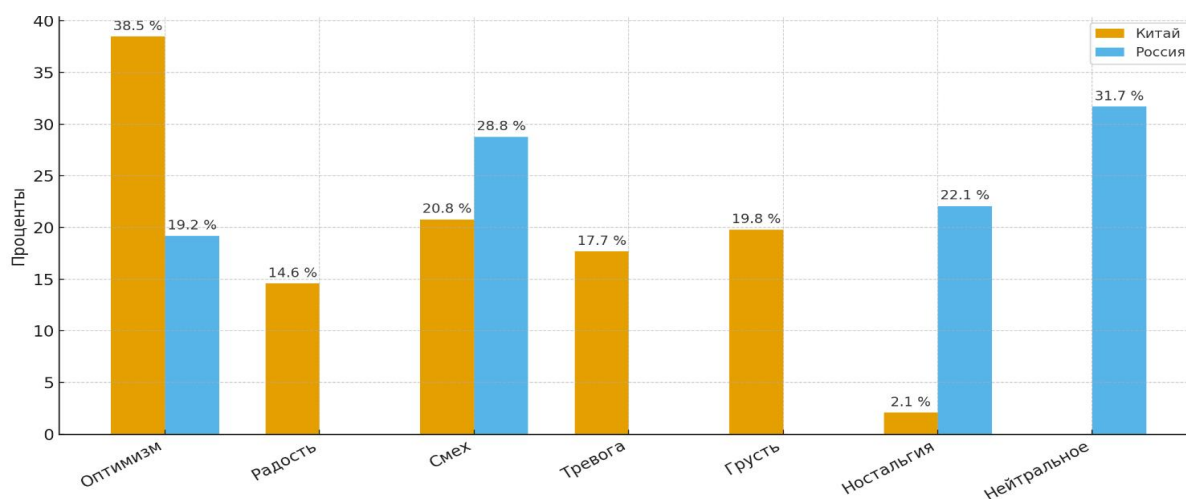

Рисунок 15. Диаграмма эмоциональных реакций на поговорку "Сидим дома и спасаем мир" в китайской и российской выборках

Таким образом, в восприятии китайцев поговорка выполняет мобилизующую и позитивно окрашенную функцию, тогда как для россиян она несёт значительную долю иронии и воспоминаний, формируя смешанный эмоциональный отклик.

Анализ по вопросу 11 («Эмоции от мема») показывает, что в целом по выборке доминирует смех (55,5 %), за которым следуют оптимизм (18,5 %) и радость (14 %). Вместе с тем недоумение (13,5 %) занимает заметное место, что свидетельствует о неполном распознавании культурного кода некоторыми участниками. При рассмотрении по уровню владения языком выявлено, что начальный уровень демонстрирует высокую долю недоумения (35,3 %) и злости (38,2 %), что может объясняться трудностями в интерпретации скрытых культурных аллюзий. Средний уровень характеризуется преобладанием смеха (72,7 %) при почти полном отсутствии обиды (0 %) и минимальной тревоге (1,0 %). У продвинутого уровня сохраняется доминирование смеха (60,0 %) при более сбалансированном распределении других эмоций. Носители русского языка чаще выражают оптимизм (26,2 %) и радость (14,3 %), тогда как смех (40,5 %) у них встречается реже, чем у среднего уровня, что указывает на более многоаспектное восприятие.

Национальные различия проявляются в том, что китайские респонденты фиксируют смех в 38,5 % случаев, но демонстрируют более высокий уровень недоумения (20,8 %) и злости (22,9 %), что указывает на неоднозначность и

потенциальную негативную окраску восприятия. Российские информанты, напротив, реагируют смехом в 71,2 % случаев при низком уровне недоумения (6,7 %), что подтверждает их знание культурных контекстов и более однозначное прочтение мема. В итоге смех остаётся универсальной реакцией, однако его частотность значительно выше у носителей русского языка, тогда как недоумение и негативные эмоции концентрируются у китайских участников и у респондентов с низким уровнем владения языком, что подчёркивает ключевое значение культурно-языковой компетенции для адекватной интерпретации единиц интернет-фольклора.

В совокупности данные по китайским респондентам с разным уровнем владения русским языком по вопросу «Какие чувства и эмоции вызывает у Вас этот мем?» демонстрируют чёткую динамику изменения характера эмоционального отклика в зависимости от языковой компетенции. Для участников с начальным уровнем владения преобладают недоумение (35,3 %) и нейтральное отношение (38,2 %), что отражает затруднения в распознавании культурного кода и отсутствие яркой эмоциональной вовлечённости; при этом смех (20,6 %), тревога и оптимизм (по 14,7 %), а также радость (5,9 %) встречаются реже, а чувства грусти, обиды и ностальгии практически отсутствуют (Рис. 16).

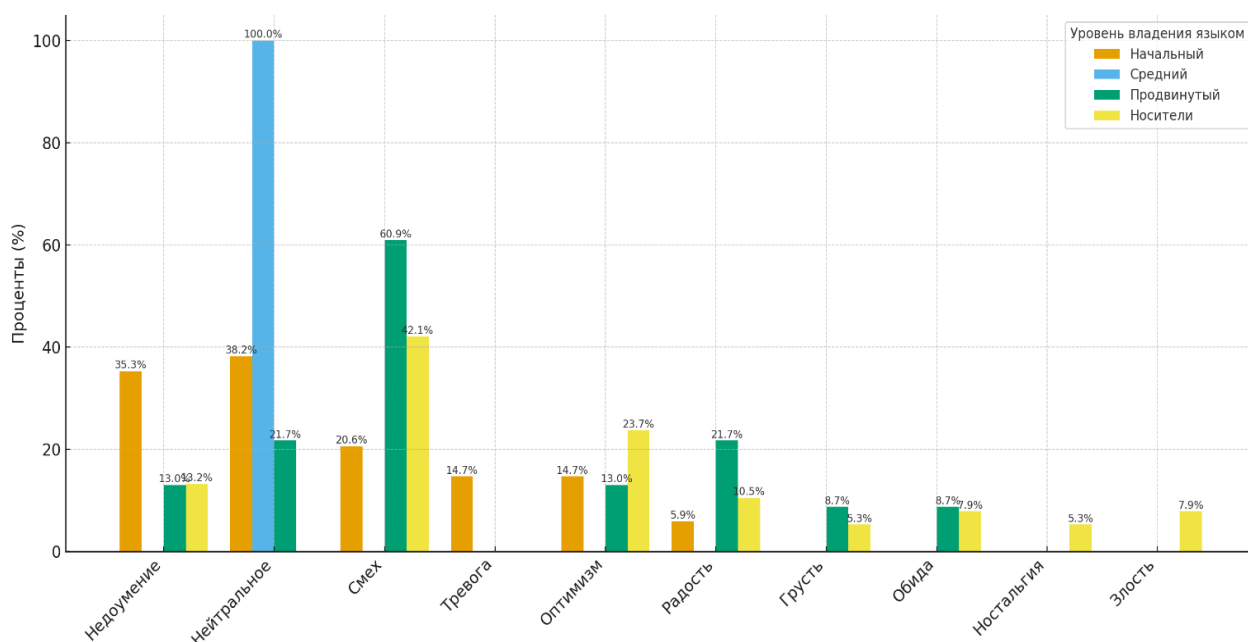

Рисунок 16. Диаграмма эмоциональных реакций китайских респондентов на мем в зависимости от уровня владения русским языком в %

В подгруппе со средним уровнем оказался лишь один респондент, отметивший нейтральное отношение (100 %), что при столь малом числе наблюдений не позволяет делать статистически надёжных выводов, но указывает на слабую эмоциональную реакцию.

Продвинутый уровень владения языком демонстрирует смещение к более положительным реакциям: смех фиксируется в 60,9 % случаев, радость и нейтральное отношение – по 21,7 %, а недоумение и оптимизм – по 13,0 %; отдельные случаи грусти и обиды (по 8,7 %) указывают на наличие смешанных чувств. Это позволяет заключить, что с повышением языковой компетенции усиливается способность воспринимать мем в юмористическом ключе, при сохранении определённой доли амбивалентности.

Носители русского языка китайской национальности демонстрируют наиболее позитивное и ироничное восприятие: смех отмечается у 42,1 % респондентов, оптимизм – у 23,7 %, радость – у 10,5 %, при этом недоумение (13,2 %) и обида (7,9 %) встречаются реже, а грусть, ностальгия и злость имеют минимальные значения (5,3–7,9 %). Более высокий уровень языковой и культурной компетенции, вероятно, обеспечивает лучшее понимание языковой игры и социокультурных аллюзий, заложенных в меме.

Таким образом, с ростом уровня владения русским языком наблюдается отчётливый переход от преобладания нейтральных и непонимающих реакций к юмористическому и позитивному восприятию. Для низкого уровня характерно доминирование недоумения и эмоциональной нейтральности, тогда как на высоком уровне преобладают смех, оптимизм и радость, что свидетельствует о более глубоком включении в прагматический и культурный контекст интернет-фольклора.

Результаты по вопросу 12 («Как вы понимаете смысл этого мема?») показывают, что восприятие стимула носителями китайского и русского языков отличается высокой степенью сходства как на межнациональном, так и на межгрупповом уровне, что подтверждается статистическим анализом. Среди китайских респондентов 46,9 % выбрали вариант «ироническое изображение риска путешествий в период пандемии», 21,9 % – «отражение радости от возможности путешествовать несмотря на пандемию» и 31,3 % – «сатирический взгляд на оптимизм некоторых людей». Российские участники распределили ответы почти идентично: 46,2 %, 23,1 % и 30,8 % соответственно. Результаты критерия χ^2 ($\chi^2 = 0,041$; $p = 0,980$) подтверждают отсутствие статистически значимых различий между национальными группами, что указывает на унифицированность интерпретации данного мема в обеих культурах.

Анализ уровня владения русским языком также не выявил статистически значимых различий ($\chi^2 = 8,319$; $p = 0,216$), однако зафиксированы некоторые содержательные тенденции. Для респондентов с начальным уровнем характерно относительно равномерное распределение между всеми тремя вариантами (около 32–35 %), что может отражать неопределённость в интерпретации и отсутствие выраженного предпочтения. На среднем уровне доминирует первый вариант (47,5 %), при меньшей представленности второго (23,2 %) и третьего (29,3 %). У продвинутых пользователей наблюдается ярко выраженное смещение в сторону первого варианта (48 %) и значительная доля выбора третьего (44 %), при минимальном интересе ко второму (8 %). У носителей языка также лидирует

первый вариант (54,8 %), тогда как второй (21,4 %) и третий (23,8 %) распределены почти равномерно.

В целом можно заключить, что мем преимущественно воспринимается как ироническое изображение риска путешествий (≈ 46 % всех респондентов), несколько реже – как сатира (≈ 31 %) и лишь в меньшей степени – как выражение радости от возможности путешествовать в условиях пандемии (≈ 22 %). Независимо от национальной принадлежности, участники склонны интерпретировать его в ироническом ключе, а повышение уровня владения языком сопровождается более устойчивым выбором именно этой интерпретации.

Результаты по 14-му вопросу («Как вы понимаете смысл карантинки?») демонстрируют статистически значимые различия как по национальной принадлежности ($\chi^2 = 19,297$; $p < 0,001$), так и по уровню владения русским языком ($\chi^2 = 28,645$; $p < 0,001$). Китайские респонденты существенно чаще выбирали вариант «Вирус после мутации стал трудно обнаруженным» (32,3 % против 8,7 % у россиян), тогда как российские участники преимущественно отдавали предпочтение интерпретации «Сатира на то, что вирус меняется и становится незаметным» (51,0 % против 30,2 %). Анализ по уровню владения языком выявил, что носители начального уровня значительно чаще выбирают буквальное толкование («Вирус после мутации...» – 47,1 %), в то время как на среднем уровне доминирует «Сатира...» (51,5 %). Продвинутые пользователи и носители языка демонстрируют более равномерное распределение между вариантами, но при этом склоняются к сатирическому прочтению и к восприятию как «Юмористического изображения борьбы...». Эти данные позволяют заключить, что культурный и языковой контекст существенно влияет на интерпретацию: китайцы и участники с низким уровнем владения языком чаще воспринимают стимул буквально, а русские и более компетентные в языке респонденты – как образец сатиры или юмора.

Вопрос о понимании хэштега #оставайтесьдома выявил различия по национальности ($\chi^2 = 6,108$; $p \approx 0,047$) при отсутствии значимых различий по уровню владения языком ($\chi^2 = 7,824$; $p \approx 0,251$). Китайские информанты чаще воспринимали хэштег как напоминание об изоляции и символ солидарности, в то

время как российские участники склонялись к интерпретации его как прямого призыва к безопасности. Таким образом, в данном случае определяющим фактором выступает культурный фон, а не степень языковой компетенции.

Эмоциональные реакции на сообщение Роспотребнадзора «Масочный режим продлён до 2023 года» оказались одинаковыми во всех группах: распределения не различались ни по национальности, ни по уровню владения языком, что делает статистическую проверку бессмысленной (все переменные – константы).

Анализ ответов на вопрос 20 («Оценка роли интернет-фольклора в условиях пандемии») показал, что 52,5 % респондентов считают его помогавшим справляться с ситуацией, а 62,5 % – объединявшим людей. При этом по функции объединения зафиксированы значимые различия: китайцы чаще соглашались с этим тезисом (71,9 % против 53,8 % у россиян; $\chi^2 = 6,92$; $p \approx 0,009$), а по уровню владения языком более высокие показатели наблюдались у новичков (73,5 %) и носителей (76,2 %) по сравнению со средним (53,5 %) и продвинутым (60,0 %) уровнями ($\chi^2 = 8,58$; $p \approx 0,035$; $\phi \approx 0,19-0,21$). В отношении копинг-функции («давал надежду») различий не выявлено, тогда как негативные аспекты (усиление тревоги – 85,5 %, распространение дезинформации – 86 %, циничность – 92,5 %) оказались признаны большинством. Интересно, что по параметру «распространял дезинформацию» уровень владения языком оказался значимым ($\chi^2 = 11,54$; $p \approx 0,009$; $\phi \approx 0,24$): новички соглашались реже (67,6 %), чем респонденты среднего (89,9 %), продвинутого (88,0 %) уровня и носители (90,5 %). Оценка двойственной роли фольклора (одновременно положительной и отрицательной) также показала межкультурные различия: с этим согласились 84,4 % китайцев и 71,2 % россиян ($\chi^2 = 5,00$; $p \approx 0,025$), при отсутствии значимого влияния уровня владения языком.

В целом данные подтверждают, что национальный контекст влияет на восприятие отдельных фольклорных единиц и на оценку их амбивалентности, а языковая компетенция – на способность распознавать элементы дезинформации. При всех различиях все группы сходятся в признании двойственной природы пандемийного юмора, способного одновременно выполнять поддерживающую и деструктивную функции.

Проведённое исследование показало, что интернет-фольклор эпохи COVID-19 выступает значимым элементом русской языковой картины мира и в межкультурной перспективе демонстрирует различия в интерпретации и эмоциональной оценке.

Китайские информанты чаще склонны к буквальной интерпретации, акцентируя внимание на профилактике, ограничениях и прямых директивных смыслах. Российские участники, напротив, активнее распознают иронические, сатирические и интертекстуальные пласты, что связано с большей встроенностью в культурный код.

С ростом компетенции усиливается способность к распознаванию языковой игры, иронии и юмора. Начальные уровни демонстрируют нейтральность и недоумение, продвинутые и носители – смех, оптимизм и положительное восприятие.

Распределение эмоций указывает на двойственную природу пандемийного фольклора: он может одновременно мобилизовать, поддерживать и объединять, но также усиливать тревогу, вызывать недоумение и транслировать элементы дезинформации.

Большинство участников признают его амбивалентную функцию: юмор помогал справляться с тяжелыми переживаниями и создавал чувство солидарности, но параллельно становился источником тревожности и цинизма.

Таким образом, пандемийный фольклор функционирует как гибридный культурный феномен: в русской традиции он совмещает игровую форму и интертекстуальные аллюзии с серьёзным содержанием, а в китайской рецепции – преимущественно закрепляется в нормативно-директивном ключе. Эти результаты подчеркивают значимость лингвокультурной компетенции для адекватного восприятия интернет-фольклора и демонстрируют, как ситуация глобальной пандемии находит различные культурные интерпретации.

Выводы по Главе 3

Проведённый анализ русских фольклорных текстов периода пандемии COVID-19 в сопоставлении с китайской национальной традицией позволил выявить существенные различия в способах языковой и культурной репрезентации пандемийной действительности, отражающие глубинные особенности национальных языковых картин мира.

В ходе исследования было установлено, что русскоязычный интернет-фольклор пандемийной эпохи характеризуется выраженной ориентацией на ироническое, пародийное и карнавальное переосмысление экстремальной социальной ситуации. Мемы, «карантинки», интернет-пословицы и иные фольклорные формы активно используют механизмы языковой игры, интертекстуальности, сниженной лексики, антипословиц и гротеска. Подобные стратегии выполняют компенсаторную и адаптивную функции, позволяя коллективно перерабатывать травматический опыт через смех, иронию и символическое «снижение» угрозы.

Китайский фольклор пандемийного периода, напротив, демонстрирует иную модель осмысления кризиса, основанную на нормативно-мобилизующей риторике, коллективистских ценностях и дисциплинарных установках. В анализируемых текстах преобладают директивные речевые акты, лозунговые формулы, устойчивые афористические конструкции и образы героического служения. Пандемия в китайской языковой картине мира репрезентируется преимущественно как вызов, требующий рационального поведения, социальной сплочённости и подчинения общему порядку.

Анализ лингвистических и стилистических средств показал, что различия между русской и китайской традициями проявляются на всех уровнях организации фольклорных текстов: лексическом, синтаксическом, прагматическом и семиотическом. Русские тексты тяготеют к разговорной, экспрессивной и часто сниженной лексике, приближённой к устной спонтанной речи, тогда как китайские формы отличаются высокой степенью формализации, ритмической

завершённостью и ориентацией на нормативный дискурс. Эти различия отражают культурно обусловленные сценарии реагирования на ситуации пандемии.

Особое значение в рамках главы имел эмпирический этап исследования, основанный на анкетировании носителей русского и китайского языков. Полученные данные, подтверждённые статистическим анализом (χ^2 Пирсона), свидетельствуют о том, что восприятие и интерпретация фольклорных текстов существенно зависят от национально-культурного фона и уровня владения русским языком. Китайские респонденты, особенно с начальным уровнем языковой компетенции, склонны к буквальному, директивному и нормативному прочтению фольклорных высказываний, в то время как носители русского языка и информанты с высоким уровнем владения языком чаще распознают иронические, интертекстуальные и игровые смыслы. Это подтверждает ключевую роль лингвокультурной компетенции в декодировании прагматического потенциала интернет-фольклора.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что русская языковая картина мира коронавирусной эпохи, репрезентированная в фольклорных текстах, отражает актуализацию и перераспределение ценностных акцентов в условиях пандемии, проявляясь в формах критического осмысления, иронии и индивидуализированного переживания пандемии. В китайской лингвокультуре доминирует установка на нормативную устойчивость, коллективную ответственность и институциональное доверие, что находит отражение в фольклорных формах мобилизационного характера.

С позиции носителя китайского языка русская языковая картина мира пандемийного периода предстает как более экспрессивная, ироничная и семантически многослойная, требующая развитой интерпретационной стратегии и культурного контекста для адекватного понимания. Это подчёркивает значимость межкультурного анализа фольклорных текстов как инструмента выявления различий в концептуализации социальной реальности и механизмов языкового осмысления глобальных пандемии.

В целом, глава 3 подтверждает выдвинутую в исследовании гипотезу о том, что фольклорные тексты эпохи пандемии COVID-19 выступают важным механизмом отражения и трансформации национальной языковой картины мира, а их межкультурный анализ позволяет выявить устойчивые культурные сценарии реагирования на экстремальные условия современности.

Заключение

Пандемия COVID-19 стала фактором, одновременно усилившим динамику языковых изменений и актуализировавшим новые формы осмысления событий в цифровой среде. В сложившихся условиях интернет-фольклор приобретает значение репрезентативного эмпирического источника, дающего возможность проследить, каким образом коллективный опыт находит отражение и интерпретацию в языке. Проведённый анализ русскоязычного интернет-фольклора коронавирусной эпохи с позиции носителей китайской лингвокультуры показал, что фольклорные формы, оказавшись в цифровой среде, не утрачивают своих инвариантных признаков, а переоформляются в соответствии с логикой медиакommunikации, выступая не только отражением социального опыта, но и активным механизмом его переработки, поддерживая эмоциональную устойчивость сообщества, нормируя повседневное поведение и открывая пространство для рефлексии. В рамках исследования интернет-фольклор концептуализирован как совокупность фольклорных жанров и текстов, функционирующих в цифровом медиaprостранстве, отражающих коллективный лингвокультурный опыт через мультимодальность, интерактивность, динамику распространения и способность к межкультурной адаптации.

Выявленная жанровая дифференциация интернет-фольклора пандемийного периода демонстрирует сосуществование малых текстовых форм (интернет-пословиц, поговорок, хэштегов) и визуально-вербальных жанров (мемов, «карантинок», иных поликодовых текстов). Такое представление материала позволяет увидеть, как в одном и том же коммуникативном поле соотносятся переосмысление существующих единиц и мультимодальная репрезентация, где смысл формируется во взаимодействии вербального и визуального компонентов. Малые формы (мемы, демотиваторы, короткие тексты) выполняют преимущественно функцию быстрой языковой фиксации переживаемого опыта, представляя его в легко воспринимаемом виде; визуально-вербальные жанры, напротив, обеспечивают более сложное моделирование оценок, эмоций и

социальных сценариев, опираясь на интертекстуальность, языковую игру, метафоризацию и комический эффект как способы преодоления тревожности и напряжения.

В рамках визуально-вербальных жанров особое значение приобретают мотиваторы и демотиваторы как семиотически насыщенные поджанры цифрового фольклора. Данное разграничение оказалось продуктивным не только для типологии материала, но и для описания прагматических установок, доминирующих в разных лингвокультурах. Мотиваторы ориентированы на поддерживающую и мобилизующую коммуникацию, формируют позитивные установки и нормативные ожидания; демотиваторы, напротив, реализуют ироничную или саркастическую модальность и становятся инструментом критического переосмысления социальной действительности. Количественное распределение данных типов выявляет различие культурных моделей реагирования: в российском материале преобладает демотиваторный тип, тогда как в китайском – мотиваторный, директивно-регулятивный.

Анализ подтвердил, что различия проявляются не только в тематике и тональности, но и в способах текстового конструирования, русскоязычные мемы чаще имитируют разговорность, диалогизацию, экспрессивное членение, допускают сомнение, парадокс, внутреннюю полемику; китайские тексты тяготеют к структурной завершённости, краткости и смысловой однозначности, выступая в качестве инструкций, призывов и напоминаний, поддерживающих коллективную согласованность и ответственность.

В малых текстовых формах, в частности в хэштегах, та же оппозиция реализуется через противопоставление вариативности и стандартизованности. В китайском материале хэштегов воспроизводятся модели с повторяемыми компонентами, отражающими административно-нормативное упорядочивание пандемийной реальности и тематическую маркированность номинаций, что усиливает их регулятивный потенциал в публичном цифровом пространстве.

Лингвокультурологический анализ позволил показать, каким образом пандемия актуализировала и перераспределила ценностные акценты в

национальных языковых картинах мира. В русскоязычном интернет-фольклоре пандемийная реальность осмысляется через экспрессивность, иронию, индивидуализированное переживание и комическое переосмысление запретов и тревог; в китайском – через нормативную устойчивость, моральную санкцию, коллективизм и доверие к институциональным практикам контроля, что закономерно проявляется в мобилизационном характере ряда формул и доминировании директивных стратегий.

В результате становится очевидным, что интернет-фольклор функционирует как индикатор культурных сценариев реагирования на кризисные обстоятельства, фиксируя не только новые номинации и ситуативные смыслы, но и различие в способах концептуализации происходящего.

На этапе анкетирования носителей русского и китайского языков с последующим статистическим анализом была выявлена корреляция между характером интерпретации фольклорных текстов, с одной стороны, и национально-культурной принадлежностью респондентов и уровнем владения русским языком с другой. Китайские респонденты с недостаточно высокой языковой компетенцией обнаруживают тенденцию к буквальному и нормативному истолкованию текстов; по мере роста уровня владения языком возрастает способность к идентификации иронических, интертекстуальных и игровых компонентов, что сопровождается переходом к юмористическому и позитивному эмоциональному восприятию. Полученные данные значимы для общей интерпретации результатов, так как свидетельствуют о том, что реализация прагматического потенциала интернет-фольклора требует наличия лингвокультурной компетенции, обеспечивающей доступ к культурным кодам и имплицитным оценочным смыслам.

Таким образом, результаты исследования позволяют рассматривать интернет-фольклор коронавирусной эпохи как динамичную форму коллективного смыслообразования, где языковая креативность, мультимодальность и тиражируемость объединяются с традиционными фольклорными функциями – интерпретационной, компенсаторной, регулятивной и интегративной. Предложенные в работе определения и типологические разграничения,

выявленные межкультурные различия в прагматике и семантике, а также подтверждённые эмпирическими данными закономерности восприятия материала обеспечивают доказательную основу сформулированных теоретических положений и демонстрируют их состоятельность.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях медиа фольклора, в работах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, а также в практике межкультурной коммуникации и преподавания русского языка как иностранного.

Список использованной литературы

1. Абрамова И.В., Архангельская Ю.В. Демотиватор как медиапрактика и способ актуализации культурной памяти в интернет-коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2024. – № 2. – С. 23–39.
2. Агафонов А.Ю., Крюкова А.П., Бурмистров С.Н. Имплицитное научение искусственным грамматикам: установка vs обратная связь // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. –Т. 17. №1(3). – С. 620–625.
3. Агвоча У.А. Conceptual metaphors in COVID-19 pandemic discourses in the Nigerian print media // International Journal of Communication. – 2024. – № 16. – С. 35–48.
4. Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. – 2010. – С. 151–166.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград, 1993. – 238 с.
6. Аникин В.П. Русский фольклор: Учебник. - М.: Просвещение, 1987. – 224 с
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Иинтегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «языки русской культуры», т.2 –1995 – С. 250–257.
8. Араева Л.А., Федосеев М.И. Русская языковая картина мира в период коронавирусной пандемии // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сб. тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию проф. С.А. Хаврониной. Москва, РУДН, 28–29 октября 2020 г. / под общ. ред. В.М. Шаклеина. – М., – 2020. – С. 6–8.
9. Арутюнова Н. Язык и мир человека. – М., 1999. – 793 с.

10. Атабекова А.А., Блинова, С.В., Горбатенко А.Н. Axiology of COVID-19 as a linguistic phenomenon // Journal of Language and Education. – 2022. – № 2. – С. 20–31.
11. Багана Р.Ж. К вопросу о переключении кодов // Наука, образование и культура. 2016. №11 (14). С. 33–36.
12. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. писатель, 1979. – 445 с.
13. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
14. Бахтина Е.В. Особенности неологизмов китайского языка в период пандемии коронавируса (COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №4 (47). С. 28–32.
15. Белова М.А., Шаклеин В.М. Лингвокультурологический анализ текстов карикатур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 19–23.
16. Белова О.В. Антипословицы в постфольклорной парадигме: трансформация народной мудрости в цифровой культуре // Вопросы фольклора. – 2021. – № 4. – С. 71–79.
17. Белова О.В. Антипословицы в современной культуре: структура и функции / О. В. Белова // Русская речь. – 2021. – № 1. – С. 22–30.
18. Блинова Т.М. Языковая игра в пандемийном фольклоре: неологизмы, антипословицы, интернет-мемы // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 138–145.
19. Блинова О.Ю. Постирония и пандемийный фольклор: механизмы языковой рефлексии / О. Ю. Блинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 14 (9). – С. 2700–2705.
20. Болдырев Н., Магировская, О. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 10.

21. Бугаева А.В. Демотиватор как жанр виртуального стиля // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 14(113). – С. 32–35.
22. Бушев А.Б. Русский фольклор в современном мультикультурном мире // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура, – 2018. – № 2. – С. 90–96.
23. Бушев А.Б. Язык и пандемия. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – 2023. – № 1. – С. 128–148.
24. Вайсбург А.В. Современные методы социологических исследований : Учебное пособие / А. В. Вайсбург. – Тверь : Тверской государственный технический университет, 2019. – 204 с.
25. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
26. Вальтер Х. Коронавирус и его оценка в зеркале современной паремиологии / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 563-572.
27. Веселовский А.Н. Собр. соч.: В 18 т. – Т. 16. – Л.: Наука, 1938. – 416 с.
28. Виноградова Л.Н. Фольклорный факт в этнографическом контексте // Фольклор: Песенное наследие. М.: Наука, 1991. С. 34–37
29. Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография / В. В Воробьев. – Москва : РУДН, 1997. – 331 с.
30. Воробьев В.В. Учет лингвокультурных особенностей сингалцев в процессе межкультурной коммуникации / В. В. Воробьев, И. А. Арсеньева, К. А. А. С. М. Кастуриратна // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – № S6. – С. 72-81.
31. Выготский Л.С. Мышление и речь. –М.; Л.:Соцэкгиз, 1934. 323 с
32. Гадумова С.А. Русская языковая картина мира (Обзор) // Актуальные проблемы лингвокультурологии. – 2011. – № 11. С. 25–44.

33. Гайда Н.Ю. Цифровой фольклор как форма современной коммуникации // Вестник ВГУ. – 2020. – № 3. – С. 22–28.
34. Геккина Е.Н., Кожевников А.Ю. Тенденции лексического обновления в отражении «коронавирусных» слов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – №3 (102). – С. 95–108.
35. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – С. 396–405.
36. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
37. Гусев Е.В. Теоретические основы фольклоризма. М.: Госкультпросветиздат, 1997. 128 с.
38. Дандес А. Кто изобрёл снеговика: Теория фольклора. М.: Либроком, 2003. 208 с.
39. Даниленко Л. Коронавирусная эпоха и её новая лексика, и фразеология в славянских языках // *Slavia Centralis*. – 2022. – Т. 15. – №. 1. – С. 327–346.
40. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: в 2 т. Т. 2. – М. : ТЕРРА; «Книжная лавка - РТР», 1996.– 424 с.
41. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 242.
42. Дмитриев А.В. Социология юмора. Очерки. М., 1996. 151 с.
43. Дмитриева О.А., Ванюшина Н. А. Неологизмы эпохи пандемии COVID-19 (на материале русского и немецкого языков) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021. – №. 64. – С. 48–62.
44. Добренёв В.И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: Инфра-М, 2011. 735 с.
45. Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 1989. – 384 с.
46. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: обзор и библиография. – Тарту: Тартуский университет, 2006. – 324 с.

- 47.Ерофеева И.В., Смирнова Т., Ли В. Информация о коронавирусной пандемии в медийном дискурсе России и Китая: концептуальный анализ // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 25–40.
- 48.Завьялова Е.И. Русские анекдоты на тему "короны": проблематика и поэтика // Вестник филологии. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 120–135.
- 49.Завьялова Е.И. Антропоморфизация вируса в русских анекдотах: поэтика и семантика // Русская словесность. – 2021. – № 6. – С. 64–68.
- 50.Загидуллина М.В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – № 4. – С. 86–96.
- 51.Зализняк А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Яз. слав. культуры, 2005. – 540 с.
- 52.Звегинцев В.А. Введение в языкознание. - М.: Высшая школа, 1962. – 252 с.
- 53.Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995), – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, – 2000. –с. 12
- 54.Карабулатова, И.С. Официальный дискурс и смеховой метадискурс в период пандемии: психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 4 (46). – С. 136–150.
- 55.Карабулатова И.С. Психолингвистические аспекты смеховой девальвации угрозы // Русская речь в цифровую эпоху. - 2020. - № 2. - С. 90–96.
- 56.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 57.Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 25–35.
- 58.Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. – СПб., 2004. – 281 с.
- 59.Климкова Л.А. Нижегородская топонимия в языковой картине мира: монография/ науч. ред. И.А. Ширшов. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

- 60.Климова Ю.А. Имя прилагательное как репрезентант концепта "качество" в русской языковой картине мира: диссертация... кандидата филологических наук: Белгород, 2008. – 197 с.
- 61.Козырев В.А. Пандемийный год: ракурсы картины мира в зеркале словаря / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 214-223.
- 62.Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 633 с.
- 63.Козловская Н. В. Военная метафора в медиадискурсе коронавирусной эпохи: от слова к тексту / Н. В. Козловская // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 234–253.
- 64.Комова Д.Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2019. – №3 – С. 78–86
- 65.Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 14.
- 66.Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 67.Купина Н.А. Карнавализация русского языка в эпоху пандемии коронавируса //Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23. – №. 1. – С. 280–292.
- 68.Купина Н.А. Языковые и индивидуальные метафоры в текстах сми эпохи коронавируса // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С.224–233

- 69.Купина Н.А. Язык пандемии: карнавализация и лексические инновации // Филологический класс. – 2021. – № 1. – С. 73–81.
- 70.Лату М.Н. Тагильцева Ю.Р. Коммуникативные стратегии и тактики в поликодовых текстах массовой самоизоляции // Политическая лингвистика. – 2021. – № 1 (85). – С. 50–71.
- 71.Левина В.Н. Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры. Диссертация... доктора филологических наук: Тамбов, 2013. – 442 с.
- 72.Леонтьев А.Н. Человек и культура. М.: Наука, 1961. 302 с.
- 73.Ли Вэньгэ, Петрова Т.Е., Чжан Тун. Интернет-мем как креативный тип поликодового текста // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 86–99.
- 74.Ли Сяогэ. Анализ сложных слов в русском и китайском языках в эпоху COVID-19 // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 115–120.
- 75.Ломакина О.В. Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике / О.В. Ломакина. – М.: Проблемы истории, филологии, культуры, 2011. – 230 с.
- 76.Лутовинова О.В. Демотиватор как вид сетевого творчества: лингвосомиотический и прагматический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3 (106). – С. 26–32.
- 77.Макарова Е.Ю. Язык как основа этнической культуры: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: защищена 28.10.2006 / Е. Ю. Макарова. – Волгоград, 2006;
- 78.Мамонтов А.С., Жукова А. Г., Столярова А. Г. Концепт «прошлое» в русской языковой картине мира // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2021. – № 464. – С.42–50
- 79.Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.
- 80.Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, – 2001. – С. 70–71.

81. Миньяр-Белоручева А.П. Языковая реальность как средство формирования картины мира современности // Язык. Коммуникация. Перевод. Серия Лингвистика. М.: Наука, 2020. Т. 1. С. 11–20.
82. Молчанов Д.В., Шадрин Д. В. Новые коммуникативные функции культуры во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 99–107.
83. Мохова С.Б. Психологические исследования имплицитных знаний // Психологическая наука и образование. 2004. №4. – С. 28–34.
84. Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3–7.
85. Неклюдов С.Ю. Антология фольклорной мысли / С. Ю. Неклюдов. – М. : ЛАДОМ, 2002. – 320 с.
86. Осмушина А.Ф Семантика пандемии в русском комическом фольклоре // Журнал русской культуры. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 45–60.
87. Осмушина А.Ф. Юмор и страх в пандемийном фольклоре: лингвосемантический анализ // Проблемы языкознания. – 2023. – № 1. – С. 40–52.
88. Павлюк Т.П., Дубинец З.А. Особенности концептуализации понятия «карантин» в современном интернет-фольклоре // Филология и человек, – 2021, – № 3. – С. 145–157.
89. Петухова Л.О. Фольклор, литература: к истолкованию понятий / Л.О. Петухова // Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, – 2014. – С. 210–211.
90. Попова З.Д., Стернин И.А. Языковая картина мира и системная лингвистика. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2. – С. 7–14.
91. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // В кн.: Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
92. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Госиздат, 1958. – 280 с.

93. Приемышева М.Н. Коронавзрыв, коронахаос и коронамир (концептуализация языковой картины мира через метафоры и образы пандемийной неологии) / М. Н. Приемышева // Русский язык коронавирусной эпохи. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, – 2021. – С. 265-306.
94. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. – С. 59–61.
95. Пушкарева Т.В. Цифровой фольклор в эпоху пандемии (на материале коллекции социальной карикатуры Центра социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки) // Наука телевидения. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 61–89.
96. Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / под ред. Е.С. Громенко, Н.В. Козловской, А.С. Павловой, М.Н. Приемышевой, Ю.С. Ридецкой. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 610 с.
97. Рябинина А.Г. Репрезентация пандемии коронавирусной инфекции в поликодовых текстах современной рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 14 (9). – С. 2700–2704.
98. Сарач Х. Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., 2016. – 24 с.
99. Сепир Э. Язык: введение в изучение речи / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностранной литературы, – 1921. – 256 с.
100. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука, 1988. – 244 с.
101. Скнарев Д.С, Кросскультурный фактор и языковые средства создания образа в рекламном дискурсе // Вестник ЮУрГГПУ. – 2014. – №1. – С. 250–259
102. Соколов Ю. М. Русский фольклор. – М.: Академический проект, 2007. – 656 с.
103. Соссюр Ф.де. Курс общей лингвистики / Соссюр Фердинанд де; перевод с французского А. М. Сухотина; научный редактор перевода, предисловие и

- примечания Н. А. Слюсаревой; послесловие Р. Энглера. – Москва: Логос, 1999. – 296 с
104. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – 223 с.
105. Струкова Е.Н., Леонтьев В.А., Голицына Е.В. Коллекция социальной карикатуры, собранная в период самоизоляции в Государственной публичной исторической библиотеке России // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. – 2020. – № 5(430). – С. 74–83.
106. Сурикова Т.И. Демотиватор и мотиватор как жанры медиадискурса: взгляд лингвиста // Дизайн СМИ: Тренды XXI века. – 2019. – № 4. – С. 271–281.
107. Сухих В.И. Пандемия и языковой карнавал: фольклорная репрезентация COVID-19 в русскоязычных цифровых медиатекстах // Вестник ТГПУ. Серия: Филология. – 2020. – № 8 (210). – С. 27–32.
108. Сухих И.Н. Пандемия и паремии: народный юмор в цифровую эпоху / И. Н. Сухих // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1. – С. 50–72.
109. Таюпова О.И., Шарипова Р.Ф. Языковая картина мира в текстах современного фольклорного дискурса // Вестник Башкирск. ун-та. – 2021. – №4. – С. 1038-1043
110. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты - Москва : Шк. "Языки рус. культуры", 1996. – 284 с.
111. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М: Слово, 2000.
112. Толстикова Л.В. Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычных газетных дискурсах: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, – 2012. – С. 153.
113. Толстой Л.Н. Сборник фольклорных размышлений. М.: Издательство «Родина», 2000. 256 с.

114. Тростина Н.А., Шишканова А.А. Универсальные и культурно специфические черты сетевого фольклора: на материале пандемии COVID-19 // Ученые записки ИППИ. – 2021. – № 2. – С. 70–77.
115. Унежева М.К. К вопросу о формировании русской языковой картины мира у иностранных студентов при изучении художественных произведений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №11-3 (65). – С. 51–54.
116. Уорф Б. Язык, мышление и реальность: Очерки по семантике / Пер. с англ., предисл. и примеч. А.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1960. – 416 с.
117. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, – 1988. – С. 108–140.
118. Фан Сяо Современные исследования китайского фольклора. – Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 2008. - 275 с.
119. Фоменко Н.В. Интернет-чистушки как форма кризисной коммуникации в пандемийный период // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2021. – Т. 80, № 6. – С. 54–60.
120. Фоменко М.С. Юмор и страх: язык анекдота и мемов о COVID-19 / М. С. Фоменко // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 100–105.
121. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Просвещение, – 1986. – С. 93.
122. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А. Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.
123. Чавро Т.В. Фольклор и фольклоризм: соотношение понятий / Т.В. Чавро // Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, – 2020. – С. 132–134.
124. Чжан Х. Китайский юмор в период пандемии: от традиционного фольклора к интернет-мемам // Journal of Folklore Research. – 2023. – № 1. – С. 99–120.

125. Чжан Янь Языковая картина мира в русских и китайских пословицах и поговорках // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2019. – №3. – С. 108–111.
126. Чжун Цзинвэнь Китайский фольклор: традиции и современность. – Пекин: Издательство Пекинского университета, – 2008. – 320 с.
127. Чистов К.В. О фольклоре как особой сфере культуры // Вопросы литературы. – 2005. – № 3. – С. 13–27.
128. Чистов К.В. Фольклор и культура этноса. М.: Наука, 1986. 176 с.
129. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 124 с.
130. Чулкина Н.Л. Концептофера русской повседневности: лингвокультурологическое описание / Н.Л.Чулкина // Конгресс МАПРЯЛ:Русское слово в мировой культуре: Концептосфера русского языка. СПб., 2003 – С. 171–180.
131. Чуранова А.И., Попова Т. В. Хештеги со словом «коронавирус» в современном Рунете // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: сб. ст. X Междунар. науч. конф. молодых ученых. – Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2022. – С. 215–220.
132. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация: теоретический и прикладной аспекты. – М.: ФЛИНТА, – 2010. – 147 с.
133. Шаклеин В.М. Лингвокультурный образ Ирана как постоянно меняющееся когнитивное пространство в русской языковой картине мира / В. М. Шаклеин, М. Афшар. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 3. – С. 77–86.
134. Шмелева Е. Русский ковидный: Новые языковые явления глобальной пандемии //Russian Language Journal. – 2021. – Т. 71. – №. 2. – С. 17.
135. Шмелёва Т.В. Ценностный лексикон фольклора пандемии: от этики заботы к постиронии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (841). – С. 42–53.

136. Юлдашбаева А.Ш. Фольклор в информационном обществе: влияние на конструирование национальной идентичности и участие в глокализации // Север и Юг: Филология. Культурология. Политология. – 2021. – № 3 (24). – С. 159–167
137. Яковлева Е.С. Фольклор и культура. – М.: Наследие, 1996. – 256 с.
138. An Zhiwei, Fang Yin. Research on Language "Anti-Epidemic" Work During the COVID-19 Prevention and Control Period // Journal of Xinzhou Teachers University. – 2021. – Vol. 37, № 1. – P.48–53.
139. Atabekova A., Gorbatenko R., Shoustikova T. Axiology of COVID-19 as a linguistic phenomenon: Framing linguistic landscape of pandemic narratives // Languages and Cultures in the Era of Globalization. – 2022. – № 2. С. 1–9.
140. Chen S. Classical Chinese Poetry in the Fight against COVID-19: Expressing Emotions and Shaping Moral Values // Chinese Literature Review. – 2020. – Vol. 28, – № 4. – P. 112–130.
141. Chen Xi. Fighting COVID-19 in East Asia: The role of classical Chinese poetry. Multilingua, – Vol. 39, № 5, – 2020, – P. 565–576.
142. Chen Ziyang. A Collocational Analysis of "Defeat the Epidemic" // Journal of Jiaozuo Teachers College. – 2021. – Vol. 37, № 4. – P.21-23.
143. De Groot J. J. M. The Religious System of China: Its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect, Manners, Customs and Social Institutions Connected Therewith. – Leiden: Brill, 1892–1910. – Vols. 1–6.
144. Denisova A. Internet Memes and Society: Social, Cultural, and Political Contexts. Routledge, – 2019. – 132 p.
145. Eberhard W. Beiträge zur Kosmologie und Mythologie Chinas. – Leipzig: Harrassowitz, 1937. – 150 S.
146. Flecha Ortiz J. A., Santos Corrada M. A., Lopez E., Dones V. Analysis of the use of memes as an exponent of collective coping during COVID-19 in Puerto Rico // Media International Australia. – 2021. – Vol. 178, № 1. – P. 168–181.

147. Han L. Reading Chinese anti-COVID-19 pandemic narratives on facemasks as the art of disaster governance: a semiotic and biopolitical survey', *Social Semiotics*, – 2020 33(2), pp. 278–285.
148. Han L. The Symbolism of Masks during COVID-19: A Semiotic and Biopolitical Perspective // *Chinese Journal of Semiotics*. – 2020. – Vol. 9, № 2. – P. 45–60.
149. He Jing. Chinese folklore and linguistic worldview during COVID-19: Cultural resilience and metaphor // *Cultural Semiotics*. – 2021. – № 3. C. 30–38.
150. He Ziran. Memes in Language // *Linguistic Sciences*. - 2005. - № 6. - P.54-55.
151. Hills J. Cultural and Linguistic Changes in Chinese Folklore: Impact on Social Norms and Behavior // *International Journal of Cultural Studies*. – 2021. – Vol. 18, №1. – P. 34–50.
152. Hou Min, Teng Yonglin. Words Describing China's War Against the Epidemic // *Language Strategy Research*. – 2020. – № 5. – P.50-61.
153. Jiao L., Stone B. 500 Common Chinese Proverbs and Colloquial Expressions: An Annotated Frequency Dictionary. – New York: Routledge, 2014. – 288 p.
154. Kress G., & Van Leeuwen, T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London/ New York: Routledge, 2006
155. Li Huifang. Chinese Folk Literature. // Wuhan: Wuhan University Press. – 1999.
156. Li X. Compound Words in Russian and Chinese during the COVID-19 Era: Phonetic, Morphological, and Syntactic Differences // *Comparative Linguistics Journal*. – 2020. – Vol. 5, № 3. – P. 200–215.
157. Liang H .The Sapir-Whorf Hypothesis and Foreign Language Teaching and Learning // *Us-China Foreign Language*. – 2011, 9. – P. 24–29.
158. Liu Xiaochun. The Ideology of Contemporary Ballads // *New Orient*,. – 2002. – № 3. – P.62–67.
159. Luo Wanqi, Wang Jianhua. Analysis of New Words and New Meanings in the Context of Fighting the COVID-19 Epidemic. // *Journal of Jiangsu University of Science and Technology*. – 2022. – Vol. 34, № 2. – P.155–162.

160. Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport, CT: Greenwood Press, 2004. – P. 91–95.
161. O'Neill, S. Sapir–Whorf Hypothesis // The Encyclopedia of Applied Linguistics / Ed. by C. A. Chapelle. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2015
162. Wang Lei, Chen Qianwen. «Infodemic» is a Greater Challenge for the Global Fight against the Epidemic // Guangming Theory of Thought. – 2020. – № 18.
163. Wang Lin. New Folk Literature Narratives of the COVID-19 Epidemic // Journal of China West Normal University (Philosophy & Social Sciences). – 2021. – № 2. – P.70-74.
164. Wang Jinan, Hu Xuexue. The Dissemination of Network Language in the Context of Fighting the Epidemic // Journal of Fujian Provincial Committee Party School of CPC (Fujian Academy of Governance). – 2020. – № 1. – P.153–158.
165. Wang Hui. Research on the Popular Communication Model of Network Language // Journal of Shandong Normal University (Humanities and Social Sciences). – 2019. – № 1.
166. Wang Xiaoyan, Xu Haoyu. Research on the Use of the Fashionable Internet Word "Cloud" During COVID-19 // Journal of Qiannan Normal University for Nationalities. – 2021. – Vol. 41, № 5. – P.38–44.
167. Wang Y. Themes of Chinese Folklore in the Context of Contemporary Cultural Adaptation // Folklore Studies. – 2020. – Vol. 22, № 2. – P. 150–165.
168. Wang Yi. Pandemic folklore and national identity in Chinese social media // Chinese Studies. – 2020. – № 4. – P. 52–60.
169. Wierzbicka Anna Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford: Oxford University Press. – 1997.
170. Xu Xinjian. Analysis of Popular Online Words During the Coronavirus Period // Journal of Guangzhou University (Social Science Edition). – 2020. – № 4. – P.113–129.
171. Yang X. J. Yuyan wenhuaxue de guannian fanchou yanjiu [Research on the Conceptual Categories of Linguoculturology]. – Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 2007. – 244 p.

172. Yue X. D., Cheung, C. K., Zhang Q. G. Humor styles, dispositional optimism, and mental health among Chinese university students // *Humor: International Journal of Humor Research*. – 2011. – Vol. 24, № 4. – P. 551–570.
173. Zhao Yu, Yao Donglian. The Isomorphism Between Language and Culture-The Influence of Chinese-English Language Differences on the Formation of Chinese and Western Cultural Models // *Journal of Zhejiang Ocean University (Humanities Sciences)*. – 2011. – Vol. 28, № 1. – P. 80–83.
174. Zhang C. Narratives of Chinese Epidemics: Cultural Strategies in Crisis Management // *Journal of Chinese Folklore Studies*. – 2023. – Vol. 15, № 1. – P. 78–95.
175. Zhang Chun. Narrative structures of Chinese pandemic folklore: Strategies of cultural endurance // *Journal of Asian Folklore*. – 2023. – № 1. – P. 15–23.
176. Zhang H. Chinese Tales of Epidemics: In Search of Hope amid Despair // *Journal of Folklore Research*. – 2023. – Vol. 60. № 1. – P. 99–120.
177. Zhang Huisen *Changes and Development of the Russian Language in the 1990s*. – Beijing: The Commercial Press, 1999. – 214 p.
178. Zhang Xuemei. Sapir-Whorf Hypothesis and Chinese Language Teaching for Central Asian International Students // *Journal of Linyi University*. – 2014. – Vol. 36. № 4. – P. 79–83.
179. Zhang Yang, Chen Yi. New Context and the New Meaning of "Retrograde". // *Language Planning*. – 2020. – № 6. – P. 72–74.
180. Zhou Yiquan. A Study on "New Words, New Expressions, and New Meanings" in the First Half of 2020 // *Sinology Culture*. – 2021. – № 3. – P. 4–5.
181. Zittrain J.L. Reflections on internet culture // *Journal of Visual Culture*. – 2014. – Vol. 13 (3). № 3. – P. 388–394.

Словари, справочники

1. Большая советская энциклопедия [В 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. Т. 1-. - Москва : Сов. энциклопедия, 1969-. - 26 см.
2. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX-XXI вв.) / И. А. Голованов. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 251 с.
3. Курская область набирает популярность коронавирусные поговорки // РИА Курск. - URL: <https://riakursk.ru/v-kurskoj-oblasti-nabirayut-populyarno/> (дата обращения: 12.05.2025).
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>
5. Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – 220 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2014. 1376 с.
7. Словарь новых слов. / Под ред. Ли Синцзяня. - Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2021. 512 с.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
9. Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1976. 1232 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. - М.: Академический проект, 2001. - 824 с.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. В. Н.Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. 685 с.

12. 现代俄汉双解词典 / 张建华, 赵文炎主编 ; 2 版. 北京: 外语教学与研究出版社, 2021. (Новый русско-китайский словарь. 2-издание переработанное и добавленное, 2021. 2100 с.).
13. 现代汉语词典 / 吕叔湘, 丁声树 ; 7 版. 北京: 商务印书馆, 2016. (Современный словарь китайского языка / под ред. Лю Шунхиань, Динь Шэньшун. – Пекин: Изд-во «Коммерческое издательство». 2016).
14. 新华字典, 第 12 版. 北京: 商务印书馆, 2020. (Словарь Синьхуа. – 12-е изд. – Пекин: Изд-во «Коммерческое издательство». 2020. – 699 с.).
15. 百度汉语词典 (Китайский словарь Baidu) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dict.baidu.com>.
16. 在线汉语词典 (Китайский онлайн-словарь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/html5/z43m10j174102.html>.

Приложения

Приложение 1. Русские и китайские фольклорные тексты периода пандемии

№	Русские пословицы	
1	Чистота – залог здоровья, маска – залог безопасности	51 Не так страшен ковид, как «перемешанные инфекции»
2	COVID по осени считают	52 Ковид гриппа не слаще
3	Здоровье - богатство	53 Не ковидом единым
4	Не кашлай на друга – думай о себе	54 Мыть руки – полдела, главное – не трогать лицо
5	Вакцина – защита от беды	55 Не так страшен ковид, как его малюют
6	Лучше дома сидеть, чем вирусом болеть	56 Спасение – в руках врачей
7	Домашний уют – лучшее лекарство	57 Вот и сказке ковиде ц, если выжил - молодец
8	Соблюдай дистанцию – спаси жизнь	58 Кому ковидло, кому повидло
9	Не толпись – сохрани жизнь	59 С кем ковиднёшься, от того и наберёшься
10	Маска спасает и ближнего	60 С кем поведёшься, от того и ковиднёшься
11	Здоровье – в руках человека	61 Корона, что дышло - куда чихнёшь, туда и вышла
12	Береженного Бог бережет	62 Кто не курит и не пьёт, от короны не помрёт
13	Вакцина поможет вернуться к жизни	63 Вот тебе, бабушка, и коронавирус
14	Где здоровье, там и счастье	64 Защите время, а коронавирусу час
15	Не так страшен ковид, как идиотские меры борьбы с ним После ковида в четверг	65 Кому суждено быть повешенным - тот от коронавируса не помрёт
16	Не паникуй – просто мой руки	66 Не всё то коронавирус, что чихается
17	Не имей сто рублей, а имей антисептик	67 Сделал дело - гуляй на балконе смело
18	Не добил коронавирус - догонит кишечка на курортах	68 Не так страшен коронавирус, как перспектива погибнуть от голода после карантина
19	Один в поле - не болен	69 После коронавируса в четверг
20	Вакцина - дура, карантин - молодец	70 Вот тебе бабушка, и коронавирусов день
21	Не хвались вакциной в пустой избе	71 Сдай, сверчок, свой мазок
22	Обещанной вакцины три года ждут	72 Вирус не воробей, вылетит - не поймаешь
23	Вирус в бороду - пневмония в ребро	73 Каше маска не помеха
24	Глаза бояться - руки без перчаток, лицо без маски, впереди патруль	74 Лучше синица в руках, чем за курицей без маски в магазин
25	Вируса бояться - на пробежку не ходить	75 На Бога надейся, а сам маску надень
26	Кто про что, а инфицированные про вирус	76 На маску надейся, а сам не плошай
27	Мал вирус, да вреден	77 По маске встречают, по температуре провожают
28	Не пеняй на вирус, коли ДНК крива	78 Своя маска - ближе к телу
29	Плох тот вирус, который не хочет выбиться в люди	79 Одна голова - хорошо, а две - не менее полутора метров друг от друга
30	Человек человеку - друг, товарищ и вирус	80 У семи докторов пациент без маски
31	Седина в бороду - да под маской не видно	81 У семи нянек - дитя без маски
32	Карантин на месяц, а гречи бери на год	82 Любишь кататься - люби и масочки носить
33	У семи докторов пациент без маски	83 Всем пандемиям назло
34	В магазин поспешишь - людей заразишь	84 Переболела - гуляй смело
35	С кем поведёшься, от того и заразишься	85 Вирус в бороду - пневмония в ребро
36	Не в зум ногой	86 Дружба дружбой, а полтора метра врозь
37	Око за око, Zoom за Zoom	87 Уже коронавирус на пороге, а ВОЗ и ныне там
38	Дорогая туалетная бумага - к эпидемии	88 В чужой монастырь со своим карантинном не ходят
39	Кто про что, а инфицированные про вирус	89 Любишь кататься - люби и пропуск не забыть
40	Незванный гость - хуже инфицированного	90 Тише едешь - позже пропуск спросят
41	С инфицированными жить - в карантине быть	91 Паршивая овца все противоэпидемические меры портит
42	Кто рано встает, тому бог пропуск дает	92 Больной лечится, а самоизолированный бесится
43	Где прописан - там и карантин	93 Самоизоляция пережить - не поле перейти
44	Где родился - там и сиди на карантине	94 Друг познается на социальной дистанции
45	Коней на карантине не меняют	95 По маске встречают, по температуре провожают

46	На карантин надейся, а сам не плошай	96	Дорога туалетная бумага к эпидемии
47	Свой на свояка чихает издали	97	Лучше уж зум-зоны, чем цифровые концлагеря
48	Не так страшен коронавирус, как перспектива погибнуть от голода после карантина	98	Не все дома - это не оскорбление, это статья УК РФ, в условиях ка-рантина
49	Один пашет, семеро на карантине пляшут	99	Хорошо чихает тот, кто чихает последним
50	Бойся китайцев, дары приносящих	100	Чихал бы в локоток, да шея коротка

<i>№</i>	<i>Китайские пословицы</i>	<i>Перевод на русский</i>
1	戴口罩，不传病毒。	Надевай маску, не передавай вирус.
2	宅在家中，避免染疫。	Оставайся дома, избегай заражения.
3	勤洗手，保健康。	Часто мой руки – сохраняй здоровье.
4	戴好口罩，不给病毒机会。	Надевай маску правильно – не давай вирусу шанса.
5	保持通风，远离病毒。	Обеспечь вентиляцию – держись подальше от вируса.
6	抗击肺炎，众志成城。	В борьбе с пневмонией все люди едины.
7	我们同努力，疫情定可防！	Мы работаем вместе, и эпидемию можно предотвратить!
8	疫情就是命令，防控就是责任。	Эпидемия - это порядок, профилактика и контроль - это ответственность.
9	疫情无情，人间有情。	Эпидемия безжалостна, на земле есть любовь.
10	团结一心，共克时艰。	Объединившись, преодолеть трудности.
11	健康就是财富。	Здоровье - это богатство
12	疫情无情人有情，防控疫情我先行，众志成城战疫情。	Эпидемия беспощадна, у людей есть чувства, профилактика и борьба с эпидемией я первый, воля людей к борьбе с эпидемией.
13	携手同行，共抗疫情。	Рука об руку, бороться с эпидемией.
14	心手相连，共同抗疫。	Сердце и рука связаны, общая борьба с эпидемией.
15	保持身体健康是抗疫的关键	Сохранять здоровье – ключ к борьбе с эпидемией
16	不聚集就是保护他人	Не собирайтесь – защитите других
17	万众一心，众志成城。	Десять тысяч человек объединены и едины в своей решимости.
18	大疫见大爱，寒冬有暖。	Сильная эпидемия раскрывает великую любовь, в холодную зиму есть теплое солнце.
19	做好防护，共同抗疫。	Хорошая защита, совместная борьба с эпидемией.
20	山川异域，风月同天。	Разные земли, горы и реки, но ветер и луна под одним небом.
21	不怕病毒，怕的是不遵守规则	Не бойся вируса, бойся не соблюдать правила
22	敌忾同仇齐上阵。成城众志斗疫瘟。	Врагов вместе с одним врагом на поле боя. Воля города к борьбе с эпидемической чумой.
23	戴口罩，勿论长短。	Носи маску, не спорь о сроках
24	病从口罩入	Болезнь проникает через маску.
25	一日三测	Три теста за день.
26	宅家就是贡献，躺平也能抗疫。	Оставаться дома - это вклад; даже лежа можно бороться с эпидемией.
27	不聚集就是保护他人。	Не собирайтесь – защитите других
28	行百里者核酸九十	Сотня вёрст - девяносто ПЦР.
29	早起的鸟儿去排队	Ранняя пташка идёт в очередь.
30	远亲不如近医	Лучше врач рядом, чем родня вдали.
31	家封万事停	Дом на карантине - дела на паузе.
32	三山镇毒疫，雷火锁蝠妖。	Три горы город ядовитой эпидемии, гром и огонь замок летучая мышь демон.
33	同舟共济破巨浪，齐心抗疫见曙光。	Вместе в лодке преодолеваем высокие волны, единством побеждаем эпидемию и встречаем рассвет.
34	读万卷书，行一米路	Прочти тысячу книг, пройди один метр.
35	笑一笑，口罩掉	Улыбнись - маска упадёт.
36	众人聚集病毒高	Где толпа - там вирус гуляет.
37	滴水穿口罩	Капля за каплей - и маска сдаёт.
38	大疫当前，科学为盾。	Перед лицом эпидемии наука - наш щит

39	罩不离口	Маска на лице - не снимается.
40	病毒无情如利剑，人间有情似春风。	Вирус безжалостен, как острый меч; человеческая доброта - как весенний ветер.
41	严防死守，战胜疫情。	Строгая оборона, преодоление эпидемии.
42	核酸便饭	ПЦР как хлеб насущный.
43	拭喉以待	Ждём, горло готово (для мазка).
44	民以绿码为天	Зелёный код народу - как небо над головой.
45	孤木不成林，众志可移山。	Одно дерево не создает леса, общая воля может сдвинуть горы.
46	不怕绿码，就怕弹窗	Не страшен зелёный код, страшно всплывающее окно.
47	远亲不如近绿码	Лучше зелёный код рядом, чем родня вдали.
48	红码停，绿码行	Красный код - стой, зелёный код - иди.
49	比病毒更可怕的是人性，能战胜病毒的也是人性！	Хуже вируса только человеческая природа, и именно человеческая природа может победить вирус!
50	在家千日好，出门核酸难	Дома и тысяча дней в радость, а выйти - ПЦР испытание.
51	封凶化吉	Карантин беду отвёл.
52	行之有消	Идешь - дезинфицируй.
53	罩不摘为安	Безопасность - в неснятой маске.
54	亲密有间	Близость на расстоянии.
55	咳不容缓	Кашель не терпит промедления.
56	众志成城，打赢疫情防控攻坚战。	Воля народа к победе в борьбе с эпидемиями.
57	人民至上，生命至上。	Народ превыше всего, жизнь превыше всего.
58	一心移疫	Все силы - на перенос пандемии.
59	防阳于未然	Предотвратить "ковид+" до его прихода.
60	戴口罩，勤洗手，病毒遇你绕道走。	Носите маску, регулярно мойте руки, и вирус обойдет вас стороной.
61	口罩戴得万年安	Носи маску - проживёшь сто лет.
62	明阳易躲，暗阳难防	От явного "ковид+" укроешься, от скрытого - не защитишься.
63	临危不聚	В опасности не сходишь.
64	牢疫结合	Тюрьма и пандемия связаны.
65	谣言似火，真理如盾。	Слухи подобны огню, истина - щиту.
66	进门扫码	Заходишь - сканируй код.
67	封区为牢	Закрытый район - тюрьма.
68	足不出区	Ногой за пределы района не ступлю.
69	人少病毒散	Людей мало - вирус пропал.
70	疫情无情人有情，众志成城共抗击。	Эпидемия безжалостна, у людей есть чувства, вся воля к совместной борьбе.
71	手中有菜，心中不慌	Овощи в руках - паники в сердце нет.
72	咳声皆阳	Каждый кашель - как ковидный звон.
73	网见为实，面见为虚	Онлайн-реальность - вот правда, а личная встреча - почти мираж.
74	礼尚网来	Вежливость через сеть протягивается.
75	共克时艰，抗疫不容有失！	Преодолевая трудности времени, борьба с эпидемией не может позволить себе проиграть!
76	无码寸步难行	Без кода ни шагу ступить.
77	封日如年	Карантинный день - словно год.
78	望码欲穿	Глядишь на код - глаза стёр.
79	开门见码	Откроешь дверь - видишь QR-код.
80	未封囤粮	Пока нет блокировки - запасайся, не ропщи.
81	与疫俱进	С пандемией в ногу.
82	一人阳性，殃及全楼	Один ковид, на весь дом - беда.
83	大疫不过三，过三必有殃。	Последствия крупной чумы имеют определенный срок, обычно не превышающий трех лет. Если эпидемия длится более трех лет, могут возникнуть серьезные проблемы.
84	疫年半载	Пандемийный полгода - годом кажется.

85	严防死守,守候万家灯火。	При профилактике и борьбе с эпидемиями необходимо принимать строгие меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность и тепло каждой семьи.
86	宁可十防九空,不可失防万一。	При профилактике и борьбе с эпидемиями лучше сделать больше приготовлений и иметь некоторые потери, чем вызвать вспышку из-за небрежности.
87	春疫盎然	Весна пришла - пандемия расцвела.
88	早预防,早控制,疫情无处遁形。	Ранняя профилактика и ранний контроль - эпидемии негде спрятаться.
89	疫情如虎,团结如钢,众志成城驱虎狼。	Эпидемия подобна тигру, единство подобно стали, и все объединяются, чтобы прогнать тигров и волков.
90	疫情无情人有情,宅在家里我先行。	Эпидемия безжалостна, у людей есть чувства, оставайтесь дома, я иду первым.
91	网内存知己,天涯若断网	Друзья в сети - рядом, а если интернет упадёт - как на краю света.
92	见利忘疫	Увидишь выгоду - забудешь про вирус.
93	疫情来袭莫慌张,科学防控是关键。	Не паникуйте, когда начнется эпидемия. Ключевыми факторами являются научная профилактика и контроль.
94	疫情之下显真情,团结一心共前行。	Покажите свои истинные чувства в условиях эпидемии и двигайтесь вперед вместе, в единстве.
95	疫情是暂时的阴霾,团结是永恒的阳光。	Эпидемия - это временный туман, а единство - это вечный солнечный свет.
96	断章取疫	Вырвал фразу - исказил вирусную правду.
97	疫情如烈火,防控如筑堤,堤坚火自熄。	Эпидемическая ситуация подобна пожару, профилактика и борьба с ней подобны строительству насыпи, и насыпь прочная, а пожар потушен.
98	抗疫不松懈,病毒难肆虐。	Борьба с эпидемией ведется активно, и вирусу трудно нанести серьезный ущерб.
99	谣不可及	Слухам не распространяй!
100	病毒凶猛如潮水,防控坚固如磐石。	Вирус свиреп, как прилив, а меры профилактики и борьбы с ним прочны, как скала.

№	Русские поговорки		
1	Кто без маски ходит, того вирус находит	51	С бешеной собакой 7 верст – все в кайф.
2	Лучше маска на лице, чем трубка в горле	52	Самоизолированных по осени считают.
3	Сидишь дома – героем станешь	53	В гостях хорошо, а дома лучше.
4	Сидим дома и спасаем мир	54	Сидеть дома – это лучше, чем просто сидеть.
5	На всякую хитрую клетку есть свой штамм с резьбой	55	Любовь – это найти кого-то, с кем можно пережить карантин.
6	Не пеняй на вирус, коли ДНК крива	56	Незванный гость – реже печенег.
7	Вирус не воробей, вылетит - не поймаешь	57	Война войной, а бордюры – по расписанию.
8	Естественно, что нужны меры предосторожности.	58	Война войной, а продажа алкоголя с 11 до 20 часов по расписанию!
9	Свой на свояка чихает издалека	59	Тише едешь – позже пропуск спросят.
10	Судя по поговоркам, самоизоляция нашим согражданам давалась нелегко.	60	Русский медленно запрягает, запрягает-запрягает, запрягает-запрягает...
11	Семь раз отмерь, один раз чихни	61	Что русскому насморк, то немцу - смерть.
12	На бога надейся, а руки-то помой	62	Семь пятниц на неделе, когда работаешь из дома.
13	Сдай, сверчок, свой мазок!	63	На чужой вайфай рот не разевай.
14	Кто не курит и не пьёт, от короны не помрёт	64	А ВОЗ и ныне там...
15	Самоизоляцию пережить - не поле перейти	65	Семь раз отмерь, один раз чихни.
16	Виртуальный друг лучше новых двух	66	Один пашет, семеро на карантине пляшут.
17	На чужой вайфай рот не разевай	67	Сдай, сверчок, свой мазок!
18	А удалённая работа отдельная тема.	68	Москва соплям не верит.
19	Семь пятниц на неделе, когда работаешь из дома	69	Чем бы дитя не тешилось, лишь бы в веб-камеру не лезло
20	Бойся китайцев, дары приносящих!	70	Век живи, век лечись!
21	Один пашет, семеро на карантине пляшут	71	Кто не курит и не пьёт, от короны не помрёт.

22	Мал санитаризер, да дорог. И конечно же людей волнует создание вакцины.	72	Не было заботы – купила баба летучую мышь (на уханьском рынке).
23	А ВОЗ и ныне там...	73	Все дороги ведут в Ухань.
24	Ну а пока вакцины нет и пандемия продолжается, список коронавирусных поговорок, как оптимистичных, так и не очень, будет продолжаться.	74	Лучше синица в руках... предварительно обработанных антисептиком.
25	Больной лечится, а самоизолированный бесится.	75	Однажды коронавирус, обитавший в Китае, узнал, что все дороги ведут в Рим.
26	Коней на карантине не меняют	76	После прививки кулаками не машут.
27	Незванный гость - хуже инфицированного	77	Что у привитого на уме, то у непривитого на языке.
28	Коронавирусная жена и мужу не мила.	78	В чужой монастырь со своей вакциной не ходят.
29	Чихал бы в локоток, да шея коротка	79	Будешь много знать – купишь доллары вовремя.
30	Не хвались началом, хвались прививкой.	80	Эпидемия с ВОЗу, поликлинике легче.
31	Каше маска не помеха.	81	Прививка - голова, минздрав - шея.
32	С кем подцепишь, с тем и помрешь.	82	Добрый конец всей антиковидной кампании венец.
33	До свадьбы доживет, до пика – нет.	83	Между первой и второй промежутков 21 день.
34	Коронавирус и богатого мужика обездолит.	84	За нечаянно прививают отчаянно.
35	Ничего, выживем. В крайнем случае из ума.	85	Всяк кулик свою вакцину хвалит.
36	Кто в лес, а кто по прививкам.	86	Скучен день до вечера, коли в локдаун делать нечего.
37	Сделал дело – вымой руки.	87	Одна летучая мышь эпидемию делает.
38	Любишь кататься – люби и дома посидеть.	88	Сам погибай, а товарища прививай.
39	Седина в бороду – сиди дома.	89	Дареной эпидемии в ДНК не смотрят.
40	Жизнь прожить – не 100 метров перейти.	90	Прививка прививке ДНК не выключает.
41	Рукаха на тело, а маска на лицо.	91	Плох тот вирус, который не хочет выбиться в люди...
42	Семь раз поспи – один поешь.	92	Паршивая овца всё мероприятие заблочит.
43	В тихом омуте черти самоизолировались.	93	Семь раз отмерь, один раз маску надень.
44	Кто в лес, кто из Москвы.	94	Своя прививка ближе к телу.
45	У кого чего болит, тот с тем дома и сидит.	95	Нечего на штрафы пенять, коли рожа непривита.
46	Сделал дело – гуляй на балконе смело.	96	Летучая мышь от летучей мыши недалеко падает.
47	Глаза боятся, а ноги идут в магазин.	97	Инфекция - не воробей, чихнёт - не поймаешь.
48	Где родился – там и самоизолировался.	98	Новая вакцина по новому метёт.
49	Кто рано встает, тому Бог пропуск дает.	99	Прививай своих, чтобы чужие боялись.
50	Семь выходных на неделе.	100	Старый штамм лучше новых двух.

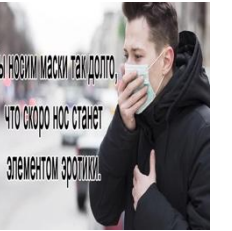
№	Китайские поговорки	Перевод на русский
1	莫乱串，易感染；莫惊慌，自有方。莫串门，勤洗手，别让病毒跟着走	Не болтайте без дела, заразиться легко; не паникуйте, у нас свой путь. Не болтайте без дела, часто мойте руки, не позволяйте вирусу преследовать вас.
2	不聚集,不串门,病毒疫情不上门。	Никаких сборищ, никаких пересечений, никаких вирусных вспышек за дверь.
3	口罩不离口，病毒绕道走	Не снимайте маску - вирус обойдет стороной.
4	居家如修行，静心抗疫情。	Жить дома - как духовная практика, спокойствие помогает бороться с эпидемией.
5	等到疫情有好转。无论干撒都不晚。	Подождите, пока вспышка заболевания не улучшится. Никогда не поздно провести сухое опрыскивание, несмотря ни на что.
6	村里人,不乱窜,冠状病毒在作乱。	Деревенские жители, не заблудитесь, коронавирус разгулялся.
7	防疫不搞赢，坚决不出门；疫情不解除，口罩不能除。	Профилактика эпидемий не побеждает, решительно не выходит; эпидемия не закончилась, маски снимать нельзя.
8	财神驾到，坏的统统去除掉！财神驾到，赶走病毒福来到！	Бог удачи прибыл, чтобы избавиться от плохих! Бог удачи прибыл, и благословения вируса здесь!
9	绿码保卫战	Битва за сохранение зеленого кода здоровья.
10	疫情当前不添乱,待在家里莫乱转。	Не усугубляйте хаос нынешней эпидемии, сидите дома и не передвигайтесь.
11	病毒无声人有情，自律方能保太平。	Вирус безмолвен, но люди чувствительны: самодисциплина сохранит мир.

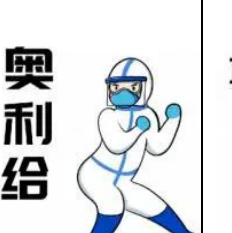
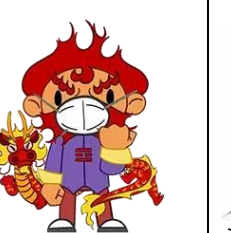
12	勤洗手，戴口罩，防护隔离不能少。不串门，不聚集，攻克疫情早捷报。	Часто мойте руки, носите маску, защита и изоляция не должны отсутствовать. Не тусуйтесь, не собирайтесь, атакуйте эпидемию и получите хороший отчет.
13	待到病毒驱散时，出门再转也不迟。	Еще не поздно выйти и обратиться снова, когда вирус рассеется.
14	乌云遮不住升起的太阳，疫情挡不住春天的来临。	Темные тучи не могут скрыть восходящее солнце, а эпидемии не могут остановить приход весны.
15	心静自然凉，齐心抗疫忙。	Спокойное сердце естественно охлаждается, единство помогает бороться с эпидемией.
16	今日暂别聚，来日笑开颜。	Сегодня временно откажитесь от встреч, завтра будете смеяться от радости.
17	保持距离，拯救生命	Соблюдай дистанцию – спаси жизнь.
18	闭门不出是美德，健康平安最珍贵。	Закрывать двери и не выходить - это добродетель, здоровье и безопасность - самое ценное.
19	平安健康，心安天下	Безопасность и здоровье – это мир на душе.
20	城市农村一盘棋，发现疫情快隔离	Сельские и городские районы находятся в одной лодке. Изолируйте вспышки, как только они будут обнаружены.
21	人多场所少靠近，外来人客及时报	Не приближайтесь к местам скопления людей. Иностранцам и приезжим своевременно сообщать о случившемся.
22	肺炎疫情虽张狂,科学防控策为上。	Эпидемия пневмонии - это безумие, но научная профилактика и контроль - лучшая стратегия.
23	疫情莫去凑热闹,出门必须戴口罩。	Не идите на поводу у эпидемии и надевайте маску, когда выходите на улицу.
24	病毒来袭莫放松,出门口罩不可少。	Не расслабляйтесь, когда вирус поражает вас, выходите на улицу и надевайте маску.
25	幸福来自于健康	Счастье исходит из здоровья
26	君若出门到处游，染上病毒无人求。	Если вы выйдете на улицу и будете путешествовать, вы подхватите вирус, и никто не будет вас искать.
27	贵人相助。关上人，不乱窜，冠状病毒在作乱。	Дворянская помощь. Закройте человека, не разбегайтесь, коронавирус на работе.
28	不集会，莫串门，疫病传播不认人	Не собирайтесь, не тусуйтесь, болезнь распространяется без узнавания человека
29	医护人员是抗疫英雄	Медики – герои борьбы с эпидемией
30	预防就是最好的治疗	Профилактика – лучшее лечение
31	保护生命战疫情。驱赶“瘟神”齐上阵。	Защита жизни от эпидемий. «Боги чумы» в движении.
32	庚子年来不平凡。肺炎疫情在蔓延。	Год язычников - не совсем обычный. Эпидемия пневмонии распространяется.
33	疫情无情人有情,宅在家里我先行。	Эпидемия не знает пощады, а люди - пощады, сидите дома, я первый.
34	有人疫区来。马上要报告。不是小事情。出事不得了。	Кто-либо из зараженного района. Немедленно сообщите об этом. Это не мелочь. Случится что-то плохое.
35	戴口罩为人为己,少串门利国利民。	Носить маску - это хорошо для вас, и это хорошо для вашей страны и для народа.
36	念咒熏醋歪门邪道,戴好口罩佛光普照!	Скандирование заклинаний и окуривание уксусом - это кривой путь, носите маску, и свет Будды прольется сквозь нее!
37	阻击疫情，人人有责，安心居家，利我利他。	Борьба с эпидемией - обязанность каждого. Жить дома с душевным спокойствием выгодно и мне, и другим.
38	疫情来,势汹汹;重预防,讲细节。	Эпидемии приходят, импульс яростный; тяжелая профилактика, разговоры о деталях.
39	健康是幸福的基石	Здоровье - основа счастья
40	戴口罩，勤洗手	Носите маску, регулярно мойте руки.
41	核酸续命	ПЦР-тест продлевает жизнь
42	阴着真好	Отрицательный (тест) - это так хорошо!
43	封了吃，吃了封	Карантин - едим, поели - снова карантин.
44	疫情就是命令,时间就是生命。	Эпидемия - это приказ, время - это жизнь.
45	回来莫乱跑,传染不得了。	Не возвращайтесь, это заразно.
46	病毒防控不可怕,就怕人们不听话。	Не страшна борьба с вирусами, страшны те, кто не слушает.

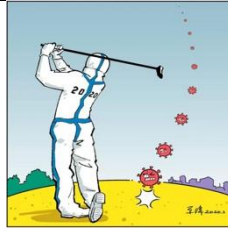
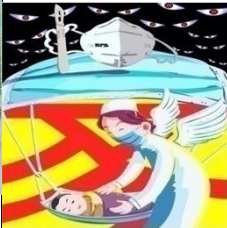
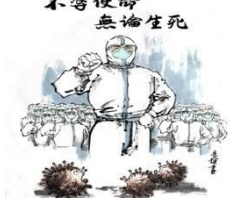
47	疫情防控不乱跑, 感染肺炎不得了。	Профилактика и контроль эпидемий не дают сбоев, и заражения пневмонией можно не опасаться.
48	疫情凶, 疫情险, 科学防控最保险。	Эпидемическая свирепость, эпидемический риск, научная профилактика и контроль наиболее страховые.
49	远离疫情家里宅, 防病防灾幸福来。	Держитесь подальше от эпидемий и сидите дома, предотвращайте болезни и катастрофы и будьте счастливы.
50	勤洗手来勤洗澡, 病毒吓得无处逃。	Регулярно мойте руки и соблюдайте гигиену - это снижает риски заражения
51	亲人归家来团聚, 一场疫情突来到。	Воссоединение семьи, эпидемия возникла из ниоткуда.
52	青春才几年, 疫情占三年	Молодость и так коротка, а пандемия три года забрала!
53	戴口罩, 福星高照。不串门, 福气临门。	Наденьте маску, и вы будете благословлены. Если вы не подойдете к двери, вы будете благословлены.
54	勤洗手, 戴口罩。不出门, 最牢靠。	Часто мойте руки и носите маску. Не выходите на улицу - это самое лучшее, что можно сделать.
55	戴好口罩勤洗手, 空气流通病毒走。	Носите хорошую маску, регулярно мойте руки и обеспечьте циркуляцию воздуха, чтобы не допустить проникновения вируса.
56	以前囤粮, 现在囤药	Раньше запасались едой, теперь - лекарствами.
57	保持两点一线, 病毒说声再见	Дом-работа-дом - и вирусу скажешь "пока"!
58	鼠年伊始遇疫情。日前发病值高峰。	Год Крысы начался с эпидемии. Пик заболеваемости пришелся на несколько дней назад.
59	戴口罩, 勤洗手, 病毒遇你绕道走。	Носите маску, регулярно мойте руки, и вирус уйдет.
60	绿码保平安	Зеленый код хранит покой
61	新冠肺炎不好治, 预防才是最大事	Пневмония нелегко поддается лечению, главное - профилактика.
62	生命如泰山, 防疫重于天。	Жизнь подобна горе Тай, профилактика эпидемии важнее неба.
63	口罩护众生, 善意传千里。	Маска защищает всех, доброта передается на тысячи миль.
64	疫情就是战斗, 通知就是号角。	Эпидемия - это битва, а уведомление - это призыв к оружию.
65	乌云不可遮月, 疫情不可挡春。	Темные тучи не могут закрыть луну, а эпидемия не может остановить весну.
66	口罩必戴, 外衣勤换; 进门洗手, 多洗几遍。	Необходимо носить маски и регулярно менять верхнюю одежду; мыть руки у входа и мыть их несколько раз.
67	囤菜像松鼠	Запасаться едой как белка
68	封城不封胃	Город закрыт, но не желудок
69	防控疫情, 众志成城; 坚定信心, 静待花开。	Профилактика и борьба с эпидемией, воля масс; твердая уверенность, ожидание распускания цветов.
70	疫情就是命令, 防控就是责任, 防范疫情从我做起	Эпидемия - это приказ, профилактика и контроль - это обязанность, предотвращение эпидемии от меня!
71	观疫情, 听指挥, 不打麻将不凑堆	Следите за эпидемией, слушайте команду, не играйте в маджонг, не собирайтесь вместе.
72	不出门, 不扎堆, 病魔不会把你追。	Не выходить. Не наваливаться. Болезнь не будет преследовать вас.
73	我宅家, 我骄傲, 我为国家省口罩	Сижу дома, горжусь собой, стране маски экономлю.
74	今天到处乱跑, 明年坟上长草	Будешь сегодня шататься без дела - на будущий год трава на твоей могиле вырастет.
75	战胜疫情保平安, 守护家园人人安。	Победите эпидемию, чтобы обеспечить мир и защитить дом для всех.
76	戴口罩, 把毒挡, 勤洗手, 莫着凉。	Носите маску для защиты от яда, регулярно мойте руки и не простужайтесь.
77	肺炎疫情传播快, 大家一定要警惕。	Эпидемия пневмонии быстро распространяется, поэтому мы должны быть бдительны.
78	不串门, 不聚餐, 谣言来了不传播。	Никаких пересечений. Никаких встреч. Не распространять слухи, когда они появляются.
79	万众一心除疫患, 众志成城送瘟神!	Все люди объединились, чтобы избавиться от эпидемии, все люди объединились, чтобы послать Бога Чумы!
80	省小钱不戴口罩, 花大钱卧床治病	Сэкономить немного денег, не надевая маску, потратить много денег, оставаясь в постели.
81	新冠病毒不可怕, 就怕有人不听话。	Новый коронавирус не страшен. Страшно, когда кто-то не слушает.

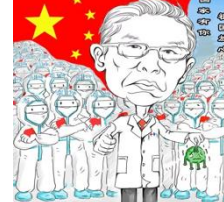
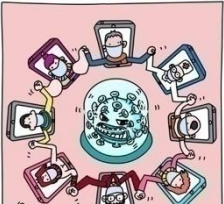
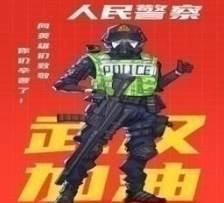
82	勤洗手,戴口罩,预防新型冠状病毒肺炎	Для профилактики новой коронавирусной пневмонии мойте руки и надевайте маску.
83	时空伴随者	Спутник по времени-пространству
84	抗疫如抗敌	Бороться с вирусом как с врагом
85	进屋洗洗手,病毒全流走。	Зайдите в дом и вымойте руки. Вирус исчез.
86	出门打断腿,还嘴打掉牙	Выйдешь из дома - ноги переломаем, грубить будешь - зубы выьем.
87	戴口罩,遮住脸,新冠病毒干瞪眼	Наденьте маску и закройте лицо, новый коронавирус ошеломлен
88	大水不到先垒坝,疾病没来早预防	Если большая вода не построит плотину первой, болезнь не будет предотвращена на ранней стадии.
89	防疫防疫,人人出力	Профилактика эпидемий и предотвращение эпидемий - вклад каждого
90	打赢疫情阻击战,守岗流汗无怨言。	Выиграв битву за предотвращение эпидемии, охранники безропотно потели.
91	亲戚不走,明年还有,朋友不聚,回头再叙。	Родственник не уедет, а в следующем году их будет еще больше. Если друзья не соберутся, мы поговорим об этом позже.
92	带病回村,不孝子孙	Приехал в деревню больным - неблагодарный потомок.
93	面子诚可贵,生命价更高。口罩要戴好,肺炎来不了	Лицо искреннее и ценное, а цена жизни выше. Ты должен носить маску, иначе может развиваться пневмония
94	以前囤粮,现在囤药	Раньше запасались едой, теперь - лекарствами.
95	人人都是防疫员,个个都是战斗员。	Каждый человек является сотрудником по профилактике эпидемий, и каждый является участником боевых действий.
96	与时间赛跑,同病毒较量。	Соревнуйтесь со временем и боритесь с вирусом.
97	随地吐痰是陋习,喷嚏咳嗽遮口鼻。	Плеваться - вредная привычка, чихать и кашлять, прикрывая рот и нос.
98	今天到处串门,明天肺炎上门。	Сегодня побываю везде, а завтра подойду к двери.
99	人间没有永恒的夜晚,世界没有永恒的冬天。	В мире нет вечной ночи, и в мире нет вечной зимы.
100	解封像过年,封控像坐牢	Снятие карантина - как праздник, а сам карантин - как тюрьма.

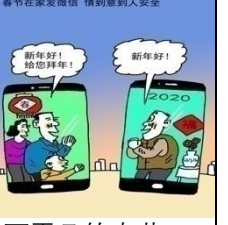
Русские мемы				
				
				
				

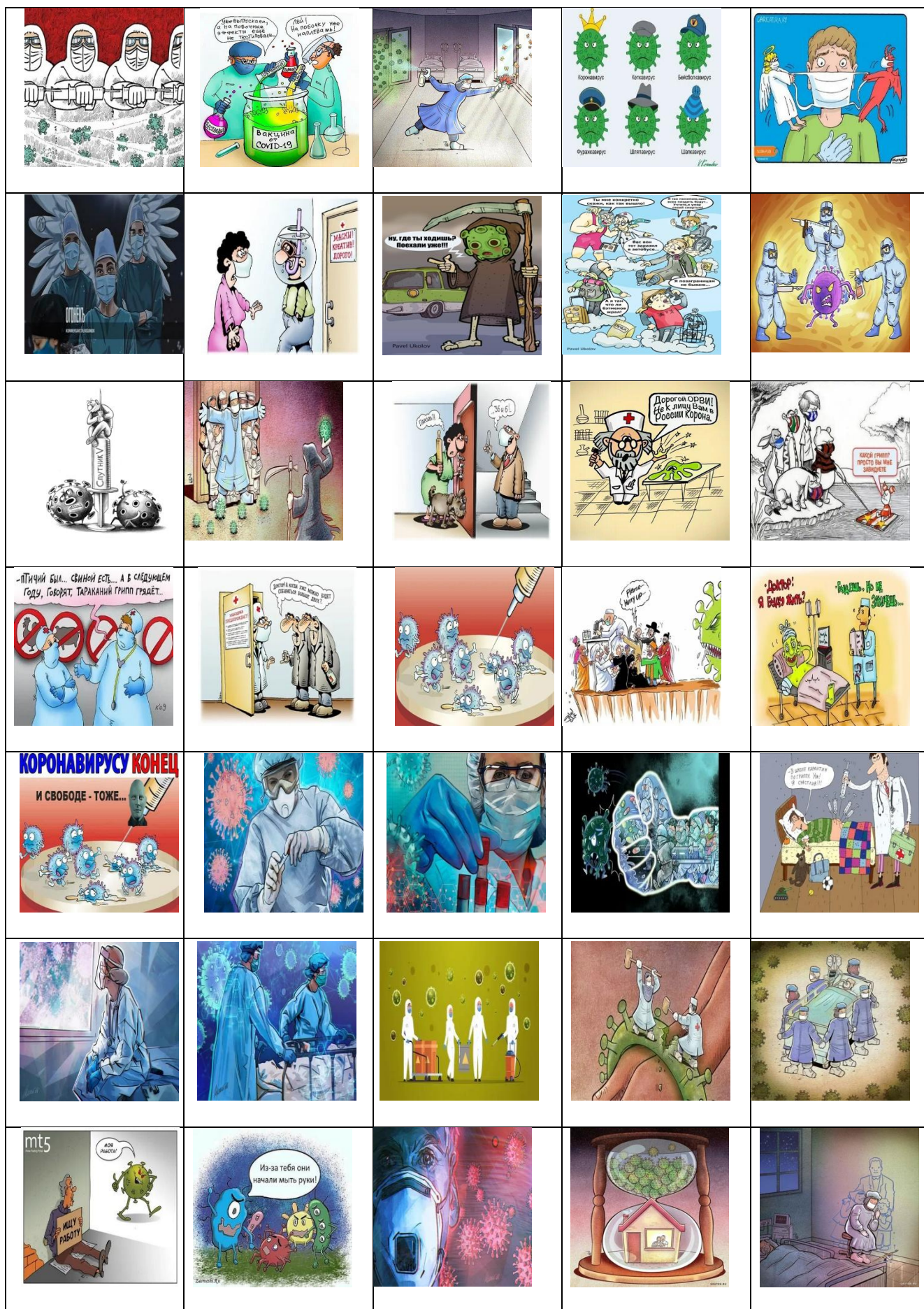
Китайские мемы				
				
跟我一起来 вместе	威力 - мощьность	奥利给 давай	真棒 молодец	必胜 - Должен победить
				
早点休息 - Отдохни пораньше	加油! Давай!	点赞带头人 Как лидер	中国加油 - Давай, Китай	杀死病毒 - Уничтожьте вирус

 金钟罩 Золотой щит	 Пересечение	 Отчет	 清零 Чистый ноль	 Шань Вэй
 加油 Давай	 赛跑 Гонка	 Защита детей	 Ухань, давай	 我是谁? 我在哪? кто я? Где Я?
 武汉加油 Ухань, давай	 战疫 Военная эпидемия	 战疫 Военная эпидемия	 重拳出击 Ударь изо всех сил	 窗户里的祝福 Благословение в окне
 门神让贤 Бог дверей впустил Сианя	 父子齐上阵 Отец и сын идут в бой вместе	 有力支持 Сильная поддержка	 新的战“疫” Новая война «Эпидемия»	 不辱使命 Не соответствуй миссии
 多锻炼, 身体好 多锻炼, 身体好- Больше занимайтесь спортом и будьте в добром здравии	 常通风, 把毒消 常通风, 把毒消- Часто проветривайте помещение, чтобы избавиться от яда	 戴口罩, 防传染 戴口罩, 防传染- Носите маску, чтобы предотвратить заражение	 勤洗手, 病毒走 勤洗手, 病毒走- Почаще мойте руки и не выходите на улицу.	 有症状, 及就医 有症状, 及就医-При появлении симптомов обратитесь за медицинской помощью

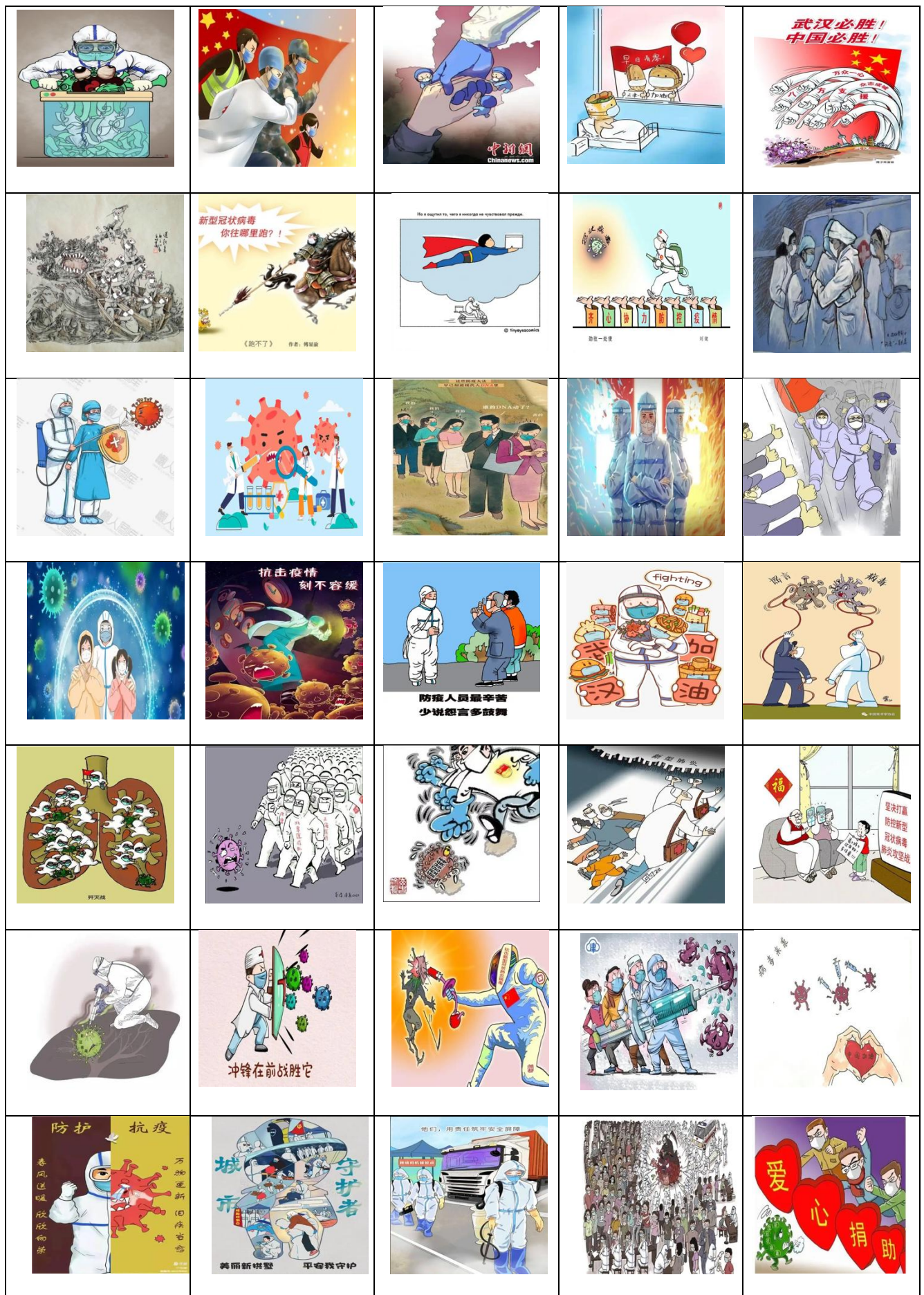
 齐心协力 共战疫情 齐心协力，共战疫情- Работать сообща в борьбе с эпидемией	 要咳嗽,手肘挡 要咳嗽, 手肘挡- Чтобы откашляться, упритесь локтями	 为了春回大雁归 За возвращение диких гусей весной	 我在排队核酸呢 晚点聊 我在排队核酸呢, 晚点聊- Я стою в очереди, поговорим позже.	 国家有你 祖国放心 у страны есть ты, родина может быть спокойна
 最可爱的人 Самый симпатичный человек	 隔离病毒，但不隔离爱 Изолируй вирус, но не любви	 武汉别怕，我们来了 Ухань, не бойся, мы здесь	 众志成城，战胜疫情 Объединяйтесь, чтобы победить эпидемию	 守护患者，我们在行动 Охраняя пациентов, мы действуем
 武汉加油，中国加油 Ухань давай, Китай давай	 武汉加油，致敬英雄 давай, отдай дань уважения герою	 你们都是我们最可爱的人 Вы все наши самые милые люди	 齐心协力，共渡难关 Работайте вместе, чтобы преодолеть трудности	 保护好自己，就是保护好他们 защитить себя - значит защитить их
 武汉加油 Ухань, давай	 雷神，火神 Тор, Вулкан	 天降神兵 Небесный солдат	 武汉加油 Ухань, давай	 武汉加油 Ухань, Давай
 武汉加油 Ухань, давай же	 人民警察 Народная полиция	 战疫 Военная эпидемия	 武汉加油 Ухань, давай	 共同战役 Обычная битва

				
WUHAN Ухань	加油 давай	武汉加油 Ухань Давай	逆行者 Ретроградный	逆行者 Ретроградный
				
武汉加油 Ухань, давай	武汉加油 Ухань, давай	逆行者 Ретроградный	张嘴. 啊 открывать рот. А.....	武汉加油 Ухань, давай
				
放心, 有我在! Не волнуйся, я здесь!	请戴好口罩 Пожалуйста, наденьте маску	不平凡的春节 Необыкновенны й весенний фестиваль	待到樱花烂漫时 когда расцветает сакура	众志成城战胜疫情 объединимся, чтобы победить эпидемию
				
最可爱的人 Самый симпатичный человек	争分夺秒抗疫情 兵贵神速火神山 Борьба с эпидемией наперегонки со временем	中国加油! 战疫 必胜! Вперед, Китай! Война с эпидемией будет выиграна!	钟南山院士 Академик Чжун Наньшань	打赢防疫阻击战! Выиграйте войну с эпидемией!
				
新型冠状病毒环境 下的恋人 Влюбленные в условиях нового коронавируса	来测测你的体温 Измерьте температуру своего тела	所有治愈, 都靠 自愈 Любое исцеление зависит от самоисцеления	眼前无福, 口中有祸 Перед тобой нет благословения, у тебя на устах горе.	消灭新型冠状病毒, 还我自由 Уничтожьте новый коронавирус и освободите меня

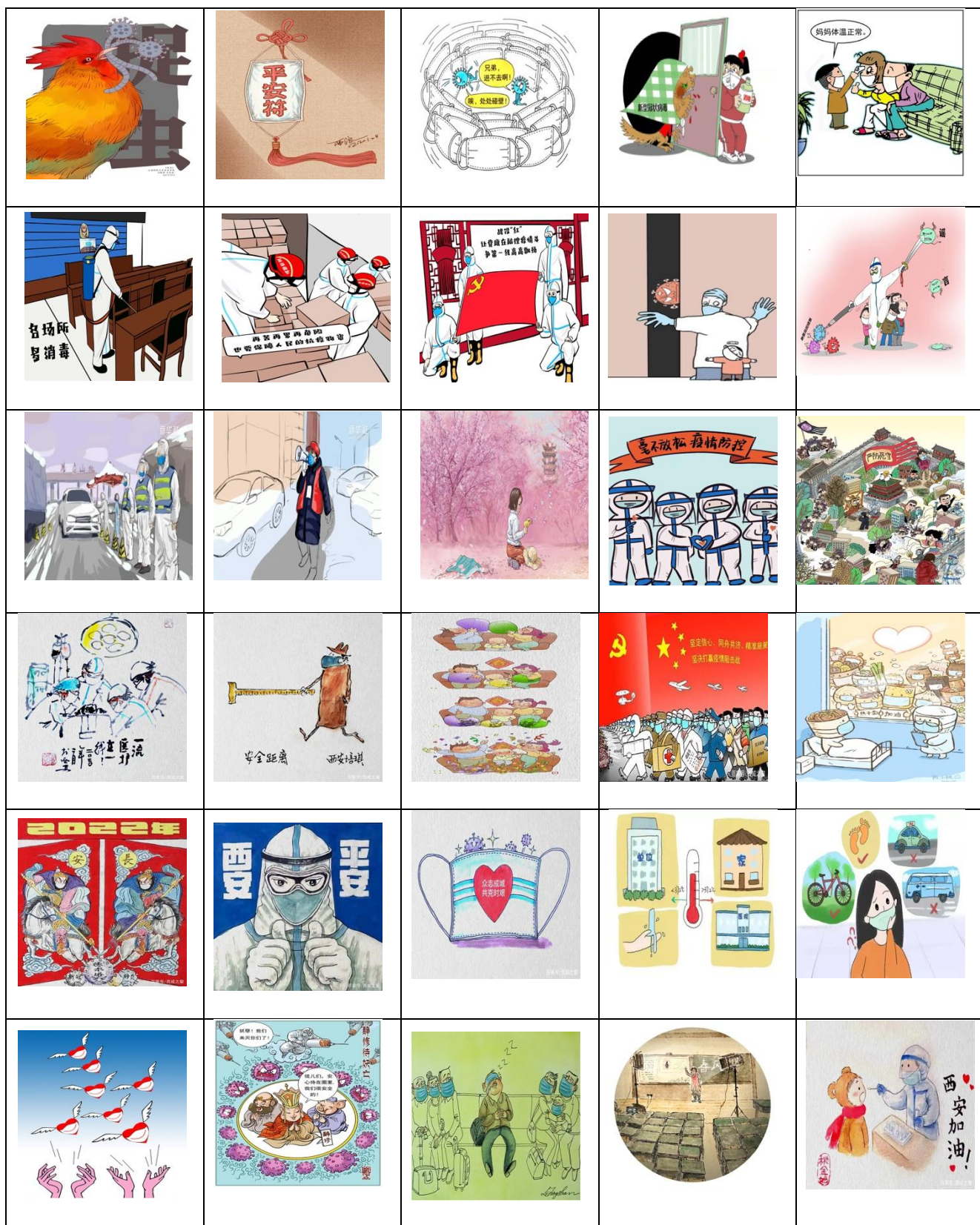
 百毒不侵，诸邪莫近 Не все яды проникают внутрь, не все пороки находятся близко.	 强身健体，身体棒！ Оставайтесь в форме и здоровы, ваше тело великолепно!	 注意卫生，勤洗手 Обращайте внимание на гигиену и часто мойте руки	 不听信谣，也不传谣 Не прислушивайтесь к слухам, не распространяйте их.	 对付敌人！出拳要快！准！狠！ Разберись с врагом! Бей быстрее! разрешать! агрессивный!
 仁心仁术，生命守护 Благожелательность и доброжелательность к людям, защита жизни	 为了自己的健康，也为了家人少外出 Для своего здоровья, а также для того, чтобы ваша семья меньше выходила на улицу!	 战「疫」仍在进行，千万保持警惕 Война с эпидемией все еще продолжается, так что будьте бдительны	 火神山，雷神山，钟南山，三山镇疫妖 Гора Вулкан, гора Тор, Чжун Наньшань, Эпидемический демон в городе Саньшань	 你是……的吧 你怎么知道？ 喉咙都有茧了 Вы……Из-за этого Откуда ты знаешь? У тебя в горле словно комок застрял
 希望如约而至的不止春天，还有疫情过后平安的你 Я надеюсь, что не только весна придет, как было обещано, но и вы будете в безопасности после эпидемии.	 二十四小时不眠不休，也要和病魔抢人 Если вы не спите 24 часа в сутки, вам приходится бороться с болезнью.	 生命重于泰山 - 众志成城抗疫情 Жизнь важнее горы Тай - Объединяйтесь для борьбы с эпидемией	 勤洗手，勤通风，戴口罩，多喝热水，适度锻炼 Часто мойте руки, часто проветривайте помещение, надевайте маску, пейте много горячей воды и умеренно занимайтесь спортом	 此时此刻什么宝马、野马、悍马，都比不上拥有24小时绿码。愿大家平安健康，一直绿码 此时此刻什么宝马，都比不上拥有 24 小时绿码。愿大家平安健康，一直绿码- На данный момент ни один BMW не сравнится с обладателем 24-часового зеленого кода. Пусть все будут в безопасности и здоровы, всегда соблюдайте зеленый код

№	Русские хэштеги			
1	#лучшедома	51	#бесконтактнаядоставка	
2	#оставайтесьдома	52	#обсервационныецентры	
3	#стопкоронавирус	53	#обязательнаявакцинация	
4	#самоизоляция	54	#ковидныегоспитали	
5	#Коронавирус: шаг за шагом	55	#обеспечениекислородом	
6	#Безопасныйдом: Коронавирус	56	#антиковидныеограничения	

7	#оставайтесьдома	57	#сертификатповакцине
8	#социальнаядистанция	58	#тестнаантитела
9	#надевайтемаски	59	#спутникv
10	#Ношениемасок	60	#вакцинациядетей
11	#дистант	61	#побочныеэффекты
12	#мывместе	62	#вакцинацияпропаганда
13	#карантин	63	#фейкиовакцинах
14	#спасибодокторам	64	#наукапротивпаники
15	#победимвместе	65	#иммунныйпаспорт
16	#Дистанцирование	66	#бустернаядоза
17	#Социальноедистанцирование	67	#вакциныбезполитики
18	#Зум–встречи	68	#мрнквакцины
19	#Телемедицина	69	#карантинныечелленджи
20	#Ковид–19	70	#локдаунмемы
21	#Изоляция	71	#домашнийфитнес
22	#Маски	72	#онлайнвечеринки
23	#Котики	73	#вирусныйюмор
24	#Политика	74	#карантинныеподелки
25	#Экономический кризис	75	#танцынабалконе
26	#Здоровье	76	#пандемийноеискусство
27	#Гигиена	77	#чтопосмотретьнакарантине
28	#Удаленная работа	78	#карантинныерецепты
29	#Слухи	79	#антикризисныемеры
30	#Обучение	80	#удалёнканавсегда
31	#Пропуски	81	#ростбезработицы
32	#Штрафы	82	#инфляция2021
33	#Выгулсобак	83	#кризисмигрантов
34	#Одинокиедни	84	#цифровойпаспортздоровья
35	#Медики	85	#искусственныйинтеллектвмедицине
36	#Безопасность в первую очередь	86	#онлайнэкзамены
37	#Плюшевые компаньоны	87	#роботывбольницах
38	#Смех над политикой	88	#виртуальныелаборатории
39	#Деньги под угрозой	89	#платформыдлязума
40	#Фитнес в карикатурах	90	#кибербезопасностьудалёнки
41	#Ванная комедия	91	#электронныепропуска
42	#Домашний офис	92	#биометрическийконтроль
43	#Учеба на расстоянии	93	#санкциииковид
44	#Проход со стилем	94	#российскаяпомощь
45	#Деньги за ошибки	95	#туризмвпандемию
46	#Счастье на поводке	96	#закрытиеграниц
47	#Смех с врачами	97	#ковидныйнационализм
48	#Горячие темы	98	#миграцияизгородов
49	#режимповышеннойготовности	99	#спутникvзарубежом
50	#планпоэтапногоснятия	100	#дезинформацияocovid

№	Китайские хэштеги	Перевод на русский	№	Китайские хэштеги	Перевод на русский
1	#冠状病毒	# коронавирус	51	#希望之光	#Луч надежды
2	#疫苗研发	#Разработка вакцины	52	#云展览	#Онлайн-выставки
3	#科学防控	#Научная профилактика	53	#留守儿童	#Дети мигрантов
4	#戴口罩行动	#Акция «Носите маски»	54	#老年人防疫	#Защита пожилых
5	#健康码	#Зелёный код здоровья	55	#残障人士保障	#Поддержка инвалидов
6	#健康码红码	#Красный код здоровья	56	#核酸检测	#Тест на нуклеиновую кислоту
7	#健康码黄码	#Жёлтый код здоровья	57	#疫苗分配公平	#Справедливость вакцинации
8	#居家隔离	#Домашний карантин	58	#我们在一起	# Мы вместе
9	#方舱医院	#Мобильные госпитали	59	#疫苗护照	#Вакцинный паспорт
10	#行程码	#Код передвижения	60	#无症状感染者	#Бессимптомные носители

11	#社交距离	#Социальная дистанция	61	#反疫苗运动	#Антивакцинное движение
12	#隔离艺术展	#Карантинная выставка	62	#疫情污名化	#Стигматизация эпидемии
13	#直播带货	#оперативная доставка	63	#后疫情时代	#Эпоха постковид
14	#网课生活	#Онлайн-обучение	64	#云端音乐会	#Онлайн-концерты
15	#健康意识觉醒	#Осознание здоровья	65	#复工复产	#Возобновление производства
16	#宅家美食	#Домашняя кухня	66	#医疗资源挤兑	#Перегрузка медучреждений
17	#口罩妆	#Макияж под маской	67	#远程教育常态化	#Регулярное онлайн-обучение
18	#阳台音乐会	#Балконный концерт	68	#气候变化关联	#Связь с изменением климата
19	#隔离日记	#Дневник карантина	69	#公共卫生改革	#Реформа здравоохранения
20	#宠物陪伴	#Питомцы-компаньоны	70	#免疫力提升	#Укрепление иммунитета
21	#线上办公	#Удалённая работа	71	#生物安全法	#Закон о биобезопасности
22	#社区团购	#Совместные закупки	72	#人类与病毒共存	#Существование с вирусами
23	#抗疫歌曲	#Песни против ковида	73	#中小企业扶持	#Поддержка малого бизнеса
24	#武汉加油	#Ухань, держись!	74	#雷神山医院	#Госпиталь Лэйшэньшань
25	#健康码互认	#Взаимное признание кодов здоровья	75	#健康码互认	#Взаимное признание кодов здоровья
26	#减税降费	#Снижение налогов	76	#动态清零	#Динамический нулевой ковид
27	#稳就业	#Стабильность занятости	77	#新常态生活	#Новая нормальность
28	#医护人员权益	#Права медработников	78	#健康码变色	#Изменение цвета кода здоровья
29	#疫情文学	#Литература о ковиде	79	#全民抗疫	#Народная борьба с эпидемией
30	#云监工	#Онлайн-наблюдение за строительством	80	#群体免疫争议	#Споры о коллективном иммунитете
31	#边境管控	#Пограничный контроль	81	#心理援助	#Психологическая помощь
32	#财政补贴	#Финансовые субсидии	82	#全球抗疫	#Глобальная борьба с эпидемией
33	#远程医疗	#Телемедицина	83	#信息透明化	#Прозрачность информации
34	#口罩涂鸦	#Граффити на масках	84	#联防联控	#Совместный контроль
35	#疫苗外交	#Вакцинная дипломатия	85	#封城有效性	#Эффективность локдауна
36	#数字人民币试点	#Пилотный проект цифрового юаня	86	#口罩文化差异	#Культурные различия в ношении масок
37	#WHO 合作	#Сотрудничество с ВОЗ	87	#抗疫排名	#Рейтинг борьбы с эпидемией
38	#病毒溯源	#Происхождение вируса	88	#中国疫苗援助	#Китайская вакцинная помощь
39	#医疗物资援助	#Медицинская помощь	89	#信息战与假新闻	#Инфовойна и фейки
40	#旅行禁令	#Запрет на поездки	90	#舆论战	#Информационная война
41	#全球治理挑战	#Проблемы глобального управления	91	#健康码大数据	#Большие данные кодов здоровья
42	#中国经验	#Китайский опыт	92	#核酸检测常态化	#Регулярные ПЦР-тесты
43	#中国模式 VS 西方模式	#Китайская модель vs Западная	93	#抗疫国际合作	#Международное сотрудничество
44	#云毕业典礼	#Онлайн-выпускной	94	#人类命运共同体	#Сообщество единой судьбы
45	#无人机配送	#Доставка дронами	95	#经济复苏	#Восстановление экономики
46	#AI 防疫	#ИИ в профилактике	96	#智能测温	#Умное измерение температуры
47	#隐私权争议	#Споры о приватности	97	#疫情诗歌	#Поэзия о пандемии
48	#无接触服务	#Бесконтактные услуги	98	#抗疫漫画	#Комиксы о борьбе с эпидемией
49	#远程会议	#Онлайн-совещания	99	#全球供应链	#Глобальные цепочки поставок
50	#疫情纪录片	#Документальные фильмы о пандемии	100	#抗击新冠肺炎	# Борьба с новой коронавирусной пневмонией

№	Русские поликодовые тексты			
1	"Москва: режим самоизоляции для всех старше 65 лет"	51	"Самокат: доставка продуктов без контакта - оставайтесь дома!"	
2	"QR-код для посещения общественных мест - ваша безопасность!"	52	"Аптека 36.6: бесплатная доставка лекарств пенсионерам"	
3	"Спутник V: первая в мире зарегистрированная вакцина"	53	"FitMost: онлайн-тренировки с чемпионами мира #спортдома"	

4	"Бесплатная вакцинация в МФЦ - запись через Госуслуги"	54	"МТС: 200 ГБ для Zoom - учитесь и работайте удалённо!"
5	"Пропуск на передвижение: скачайте на портале mos.ru"	55	"Яндекс.Такси: антисептик в каждой машине"
6	"Метро Москвы: маски обязательны! Нарушителям - штраф 5000Р"	56	"Сбермаркет: доставка за 15 минут - без контакта!"
7	"Школы переходят на дистант с 12.10.2021 - расписание на сайте mos.ru"	57	"Аптека.RU: скидка 20% на витамины для иммунитета"
8	"Бесплатные тесты на антитела в поликлиниках - запись через Госуслуги"	58	"World Class Online: персональные тренировки дома"
9	"Общественный транспорт: дезинфекция каждые 2 часа"	59	"МТС: безлимитный интернет для удалёнки - 500Р/мес"
10	"COVID-сертификат для выезда за границу - срок действия 1 год"	60	"Яндекс.Такси: антивирусная обработка каждые 2 часа"
11	"Роспотребнадзор: масочный режим продлён до 2023 года"	61	"Л'Этуаль: маскируем усталость от Zoom-совещаний"
12	"Аптеки обязаны продавать маски по фиксированной цене - 15Р/шт"	62	"СберЗвук: подкасты для карантина - слушайте бесплатно"
13	"Госпитализация только по QR-коду - правила для пациентов"	63	"Gloria Jeans: маски и антисептики в каждом заказе"
14	"Скорая помощь: приоритет для пациентов с температурой выше 38°C"	64	"Тройка с QR-кодом: новый формат проездных билетов"
15	"Ozon: носки с принтом «Я вакцинирован»"	65	"Детский мир: игрушки для карантина - скидки 50%"
16	"DNS: ноутбуки для учёбы - рассрочка 0%"	66	"Алёнка: шоколад для поднятия настроения"
17	"Таксисты обязаны носить маски и перчатки - контроль через приложения"	67	"Настолки по Zoom: «Монополия» в режиме апокалипсиса"
18	"Офисные работники: 30% сотрудников на удалёнке"	68	"Wildberries: подарки для тех, кто застрял дома"
19	"Москва: арт-инсталляция «Вирус в клетке»"	69	"Перекрёсток: органические продукты с ферм"
20	"Запрет массовых мероприятий до 2022 года - указ мэра"	70	"Читай-город: электронные книги со скидкой 50%"
21	"Госуслуги: электронный больничный для контактных лиц"	71	"Вирус в стиле поп-арт: уличная инсталляция в Москве"
22	"Мойте руки! Санитайзеры в каждом подъезде"	72	"Московское долголетие онлайн: йога для бабушек в Zoom"
23	"Детские сады: ежедневная термометрия и маски для воспитателей"	73	"Бесплатные психологические консультации: кризисный центр COVID-19"
24	"Статистика COVID: онлайн-карта заражений по регионам"	74	"Санкт-Петербург: граффити «Спасибо врачам» на Невском"
25	"Экстренное SMS: новые ограничения в вашем регионе"	75	"Телемедицина СберЗдоровье: консультации врачей онлайн"
26	"#маскарад2021: как я провёл карантин в костюме медведя"	76	"Новосибирск: граффити «Мы справимся» на фасаде больницы"
27	"Кот-карантинщик: 30 дней в четырёх стенах (спойлер: он спит)"	77	"Москва: арт-объект «Социальная дистанция» в Парке Горького"
28	"Zoom-вечеринка: танцуем в пижамах под Русское радио!"	78	"Казань: мозаика из масок на стене ТЦ «Кольцо»"
29	"Рецепт карантинного хлеба: дрожжи из 1845 года найдены в кладовке!"	79	"Велопробег «Маски на старт!» в поддержку медиков"
30	"Топ-5 книг для тех, кто пересмотрел все сериалы #лучшедома"	80	"Санкт-Петербург: уличный театр в масках «Пандемия и любовь»"
31	"#удалёнка2022: мой кот - начальник отдела"	81	"МГУ: онлайн-лекции для студентов - доступ через личный кабинет"
32	"Zoom-вечеринка: танцы в пижамах и масках"	82	"Российские учёные публикуют исследование о мутациях COVID-19"
33	"Топ-10 книг для карантина: от Толстого до Булгакова"	83	"Библиотека им. Ленина: электронные книги бесплатно"
34	"Вино и Netflix: мой план на локдаун"	84	"Детский научный клуб: онлайн-эксперименты для школьников"
35	"Собака устала от прогулок - требую отпуск! #карантинныебудни"*	85	"Онлайн-олимпиада «Биология vs Вирусы» для школьников"

36	"Фитнес-марафон дома: 30 дней до идеальной формы"	86	"Вакцина «Спутник V»: инфографика о механизме действия"
37	"Рисую COVID: вирус в стиле аниме"	87	"Супермаркеты: ограничение 1 человек на 10 м²"
38	"Рецепт карантинного печенья: мука, сахар и отчаяние"	88	"Математическая модель распространения COVID в Москве"
39	"ТикТок-челлендж: танец в маске и перчатках"	89	"Инфографика: как работает коллективный иммунитет"
40	"Театр онлайн: «Чайка» в Zoom - билеты бесплатно!"	90	"Вебинар «Психология изоляции» от Высшей школы экономики"
41	"Кот-блогер: как пережить карантин с хозяином-ипохондриком"	91	"Конкурс студенческих проектов «Технологии против вирусов» "
42	"Карантинный плейлист: от Шопена до «Ленинграда»"	92	"Эрмитаж онлайн: виртуальные экскурсии по пустым залам"
43	"Вышиваю маски: модно и безопасно"	93	"Календарь вакцинации: третья доза через 6 месяцев"
44	"Велосипедные прогулки - единственное спасение от безумия"	94	"Яндекс.Учебник: бесплатный доступ для школ на время карантина"
45	"Киномарафон: 100 фильмов, которые вы откладывали"	95	"Мобильные лаборатории ПЦР-тестов в парках Москвы"
46	"Йога на балконе: новый тренд мегаполисов"	96	"Большой театр в TikTok: балетные этюды от солистов"
47	"Кролик в маске: символ 2022 года"	97	"Сколтех: вебинар «ИИ в борьбе с пандемией» "
48	"Доставка пиццы: единственный друг в изоляции"	98	"МГУ: защита дипломов через Zoom - инструкция для студентов"
49	"Распаковка посылок - новая терапия"	99	"Эко-маски из переработанных материалов - проект «Зелёный щит»"
50	"ПЦР-тесты в аэропортах: результат за 3 часа"	100	"Велобайк: бесплатный прокат для медработников"

№	Китайские поликодовые тексты	Перевод на русский
1	"全民接种 共筑免疫屏障"	Всеобщая вакцинация: создаём иммунный щит
2	"发热门诊 24 小时开放"	Лихорадочное отделение: открыто круглосуточно
3	"明日全员核酸 6:00-12:00 携带身份证"	Завтра массовое тестирование: 6:00-12:00, возьмите паспорт
4	"社区团购接龙: 1 号楼需土豆 5 斤, 2 号楼需鸡蛋 10 盒..."	Совместные закупки: корпус 1 - 2.5 кг картошки, корпус 2 - 10 лотков яиц...
5	"中国援外医疗队出征仪式"	Китайская медбригада отправляется за рубеж
6	"中俄防疫物资专列启运"	Спецпоезд с медтоварами Китай-Россия отправлен
7	"AI 测温机器人 快速筛查发热者"	Робот с ИИ для измерения температуры
8	"疫情地图实时更新 风险区域一目了然"	Онлайн-карта эпидемии: зоны риска в реальном времени
9	"熊猫大使: 戴口罩 保持距离"	Панда-посол: маски и дистанция
10	"抗疫年画: 门神持体温枪 驱赶病毒"	Новогодние картины: божества с термометрами
11	"地铁防疫广播: 全程佩戴口罩 感谢配合"	Объявление в метро: носите маски, спасибо
12	"隔离生日: 志愿者代送蛋糕和贺卡"	День рождения в карантине: торт от волонтеров
13	"校园封闭管理 线上教学不松懈"	Закрытый кампус: онлайн-обучение продолжается»
14	"负压救护车 专车转运患者"	Реанимобили с отрицательным давлением: специальная транспортировка
15	"抗原自测 15 分钟出结果"	Самотестирование на антиген: результат за 15 минут
16	"入境隔离 14+7 闭环管理保安全"	Карантин для въезжающих: 14+7 дней, замкнутый цикл
17	"社区大喇叭 防疫知识天天播"	Громкоговорители в микрорайонах: ежедневные объявления
18	"抖音挑战: 口罩创意妆容大赛"	TikTok-челлендж: креативный макияж на масках
19	"宠物健康码 P 图大赛 #狗子也要绿码"»	Фотошоп-конкурс: зелёный код для питомцев #СобакамТожеНуженКод
20	"隔离套餐: 蔬菜包+午餐肉+速食面"	Карантинный набор: овощи, тушёнка, лапша
21	"疫情经济: 宅家炒股成新潮流"	Ковидная экономика: биржа в пижаме
22	"阳台话剧《隔离时代的爱情》"	Балконный спектакль «Любовь в изоляции

23	"手工布口罩大赛：最美防疫装备"	Конкурс тканевых масок: самое красивое средство защиты
24	"驰援上海：志愿者车队免费送药"	Помощь Шанхаю: волонтеры доставляют лекарства
25	"乡村儿童网课设备捐赠计划"	Пожертвование гаджетов для онлайн-уроков в деревнях
26	"中国经验：方舱医院建设手册（英文版）"	Китайский опыт: руководство по полевым госпиталям (на английском)
27	"全球抗疫诗歌大赛：用文字跨越隔离"	Международный поэтический конкурс: слова против изоляции
28	"方舱医院 生命之舱"	Полевые госпитали - ковчеги жизни
29	"行程码带星号 主动报备"	Звёздочка в коде передвижения - срочно сообщите властям
30	"非必要不离开 非必要不返回"	Не уезжайте без необходимости, не возвращайтесь без нужды
31	"居家厨神大赛 晒出你的暗黑料理"	Конкурс домашних шеф-поваров: покажите свои кулинарные провалы
32	"隔离美食大赛：电饭锅蛋糕挑战"	Кулинарный челлендж: торт в рисоварке
33	"京东到家 无接触安心购"	JD доставка: безопасные покупки без контакта
34	"直播囤货指南 米面粮油罐头"	Лайв-стрим по закупкам: рис, масло, консервы
35	"核酸贴纸 集齐召唤绿码"	Наклейки за ПЦР-тест: собери все для зелёного кода
36	"戴口罩 勤洗手 保持社交距离"	Носите маски, мойте руки, соблюдайте дистанцию
37	"健康码 绿码通行 黄码居家"	Зелёный код здоровья - доступ разрешён, жёлтый код - оставайтесь дома
38	"核酸检测 应检尽检 不漏一人"	Тестирование на нуклеиновую кислоту: проверьте всех без исключения»
39	"宅家云吸猫 #隔离不孤单"	Онлайн-общение с котиками в изоляции #КарантинНеОдиночество
40	"网课生存指南：1. 关麦克风 2. 假装网络卡顿 3. 截图当打卡"	Руководство по выживанию на онлайн-уроках: 1. Выключить микрофон 2. Притвориться, что лагает интернет 3. Скриншот как отметка присутствия
41	"未戴口罩 禁止入内"	Без маски вход запрещён
42	"请扫描场所码 登记行程"	Отсканируйте код места для регистрации передвижений
43	"无接触配送 安全送到家"	Бесконтактная доставка: безопасно до двери
44	"连花清瘟胶囊 新冠防治推荐用药"	Lianhua Qingwen: рекомендованное средство против COVID
45	"阳台演唱会 今夜我们都是歌手"	Балконный концерт: сегодня вечером мы все певцы
46	"方舱考研哥 隔离不忘刷题"	Студент в полевом госпитале: готовится к экзаменам в изоляции
47	"动态清零 坚持就是胜利"	Динамический нулевой ковид: упорство ведёт к победе
48	"火神山医院 10 天建成 中国速度！"	Госпиталь Хошэньшань построен за 10 дней - китайская скорость!
49	"场所码必扫 轨迹可追溯"	Обязательно сканируйте код места для отслеживания маршрутов
50	"红码人员请立即报告社区"	Красный код здоровья - срочно сообщите в управу
51	"停课不停学 网课全覆盖"	Уроки онлайн - обучение без остановки
52	"地铁限流 保持一米间距"	Ограничение потока в метро - дистанция 1 метр
53	"疫苗接种 全民免费"	Вакцинация для всех бесплатно
54	"疫情防控法律责任告知书"	Юридическое уведомление о мерах профилактики
55	"120 优先接诊发热患者"	Скорая помощь: приоритет для пациентов с температурой»
56	"入境隔离政策：14+7+7"	Карантин для въезжающих: 14+7+7 дней
57	"疫情数据每日通报 透明公开"	Ежедневная публикация данных о COVID»
58	"口罩半永久 呼吸自由是什么？"	Маска как новый аксессуар: что такое свобода дыхания?
59	"云养猫互助群：你的猫今天拆家了吗？"	Группа помощи кошатникам: ваш кот сегодня громил дом?
60	"阳台涂鸦：被口罩封印的呐喊"	Балконные граффити: крик, запечатанный маской
61	"中欧班列 防疫物资专列启程"	Китайско-европейские поезда с медтоварами отправлены»
62	"中非抗疫合作：捐赠疫苗+医疗队"	"Китайско-африканское сотрудничество: вакцины и медбригады
63	"全球疫情地图 中国经验分享"	Глобальная карта эпидемии: китайский опыт
64	"《新冠肺炎防控手册》多语种版发布"	Руководство по профилактике COVID на 4 языках
65	"健康码国际互认 助力跨境出行"	Международное признание кодов здоровья для путешествий

66	"5G+AI 远程诊疗系统上线"	5G+ИИ: система телемедицины запущена
67	"无人机配送药品至封控区"	Доставка лекарств дронами в закрытые зоны
68	"核酸检测机器人 全自动采样"	Робот для ПЦР-тестов: автоматический забор проб
69	"疫情大数据预测模型"	Большие данные: модель прогнозирования эпидемии
70	"北斗系统追踪物资运输"	Система BeiDou отслеживает грузопотоки
71	"云端签约 线上招商引资"	Онлайн-подписание контрактов: привлечение инвестиций
72	"移动 PCR 检测车 快速筛查"	Мобильная ПЦР-лаборатория: быстрая проверка
73	"健康码 AI 核验闸机"	Турникеты с ИИ-проверкой кодов здоровья
74	"区块链技术保障疫苗溯源"	Блокчейн для отслеживания вакцин
75	"基因测序追踪病毒变异"	Генетическое секвенирование: отслеживание мутаций
76	"淘宝直播: 居家健身器材专场"	Taobao Live: тренажёры для дома
77	"海底捞自热火锅 隔离必备"	Haidilao самогреющийся хот-пот: must-have для карантина
78	"联想网课平板 学习不中断"	Lenovo для онлайн-уроков: учёба без перерывов
79	"滴滴防疫专车 全车每日消毒"	Didi антиковидное такси: дезинфекция ежедневно
80	"Keep 健身 App 隔离燃脂计划"	Keep: программа тренировок на карантине
81	"华为健康码快速入口"	Huawei: быстрый доступ к коду здоровья
82	"京东 618 防疫物资大促"	JD 618: распродажа защитных товаров
83	"全棉时代 居家睡衣套装"	Purcotton: пижамы для удалёнки
84	"金龙鱼粮油 家庭应急储备"	Jinlongyu: стратегический запас для семьи
85	"阳台涂鸦: 口罩背后的微笑"	Балконное граффити: улыбки под масками
86	"抗疫春联: 居家平安 扫码吉祥"	Новогодние парные надписи: мир дома, QR-код вместо иероглифа счастья»
87	"手工口罩: 绣上'百毒不侵' "	Тканевые маски с вышивкой «Неуязвим к вирусам»
88	"隔离剧场: 线上《雷雨》演出"	Онлайн-спектакль «Гроза»: Цао Юй в облаке
89	"抗疫书法大赛 柳体写'动态清零'"	Конкурс каллиграфии: стиль Люшу для лозунга "Динамический нулевой ковид"
90	"书法抗疫: 柳公权体写'众志成城' "	Каллиграфия против ковида: «Единство народа - крепость» стилем Лю Гунцюаня»
91	"阳台音乐会: 《我和我的祖国》合唱"	Балконный концерт: хор «Я и моя Родина»
92	"宠物防疫服 DIY 大赛"	Конкурс самодельных костюмов для питомцев
93	"隔离 Vlog: 14 天从崩溃到平静"	Карантинный влог: от паники к спокойствию за 14 дней
94	"拼图挑战: 1000 片口罩拼图"	Пазл-челлендж: 1000 деталей в форме маски
95	"隔离书单: 从《鼠疫》到《霍乱时期的爱情》"	Карантинный список книг: от «Чумы» до «Любви во время холеры»
96	"核酸贴纸: 唐代仕女戴口罩"	Наклейка для ПЦР-теста: танская красавица в маске
97	"元宵节灯谜: 谜面藏防疫知识"	Фонарные загадки на Праздник фонарей: секреты профилактики»
98	"家庭防疫手抄报大赛"	Конкурс детских плакатов: семья против вируса
99	"共享单车消毒打卡行动"	Акция «Проверь дезинфекцию велосипедов»
100	"防疫绘本: 《病毒星球大作战》"	Детская книга «Битва на планете вирусов»

Приложение 2. Русские и китайские пословицы и поговорки периода пандемии

Пословицы	
Русские и китайские пословицы, имеющие эквивалентное значение	
русский язык	перевод на китайский язык
«Мыть руки – полдела, главное – не трогать лицо»	洗手只是其中一半，最重要的是不要摸脸。
«Соблюдай дистанцию – спаси жизнь»	保持距离，拯救生命。
«Маска на лице – безопасность в сердце»	脸上戴口罩，心中有安全。
«Лучше дома сидеть, чем вирусом болеть»	宅在家中胜过染疫。
«Чистота – залог здоровья, маска – залог безопасности»	清洁是健康的保证，口罩是安全的保证。
Выражения, существующие в русском языке, отсутствующие в китайском языке	
русский язык	перевод на китайский язык
«Сидишь дома – героем станешь»	呆在家里，你就是英雄。
«Лучше маска на лице, чем трубка в горле»	脸上戴口罩总比喉咙插管好。
«Не выходи без маски – думай о ближнем»	没有口罩别出门-想想他人。
«Карантин – друг, вирус – враг»	隔离是朋友，病毒是敌人。
«Чем сидеть в больнице, лучше сидеть дома»	与其住院，不如待在家里。
Выражения, существующие в китайском языке, отсутствующие в русском языке	
китайский язык	перевод на русский язык
戴口罩，不传病毒	Надевай маску, не передавай вирус.
宅在家中，避免染疫	Оставайся дома, избегай заражения.
勤洗手，保健康	Часто мой руки – сохраняй здоровье.
戴好口罩，不给病毒机会	Надевай маску правильно – не давай вирусу шанса.
保持通风，远离病毒	Обеспечь вентиляцию – держись подальше от вируса.
Поговорки	
Русские и китайские поговорки, имеющие эквивалентное значение	
русский язык	перевод на китайский язык
Береженого бог бережет	谨慎者上帝保佑。
Скорая помощь ближе к дому	救护车离家近。
«Маска на лице – безопасность в сердце»	戴口罩者，寿命倍增。
Кто маску носит, тот вдвое живет	饭前洗手，健康保障。
Мыть руки перед едой – забота о здоровье	健康是最大的财富。
Выражения, существующие в русском языке, отсутствующие в китайском языке	
русский язык	перевод на китайский язык
Карантин – дело времени	隔离是时间问题。
Вирус не выбирает, а мы выбираем	病毒不挑人，我们却能选择。
Кто без маски ходит, того вирус находит	不戴口罩者，病毒找到他。
Домашний уют – лучшее лекарство	家的温暖是最好的药。
Здоровье – в руках человека	健康掌握在自己手中。
Выражения, существующие в китайском языке, отсутствующие в русском языке	
китайский язык	перевод на русский язык
莫乱串，易感染；莫惊慌，自有方。莫串门，勤洗手，别让病毒跟着走。	Не болтайте без дела, заразиться легко; не паникуйте, у нас свой путь. Не болтайте без дела, часто мойте руки, не позволяйте вирусу преследовать вас.
疫情当前不添乱，待在家里莫乱转。	Не усугубляйте хаос нынешней эпидемии, сидите дома и не оборачивайтесь.
等到疫情有好转。无论干撒都不晚。	Подождите, пока вспышка заболевания не улучшится. Никогда не поздно провести сухое опрыскивание, несмотря ни на что.
防疫不搞赢，坚决不出门；疫情不解除，口罩不能除。	Профилактика эпидемий не побеждает, решительно не выходит; эпидемия не закончилась, маски снимать нельзя.
财神驾到，坏的统统去除掉！财神驾到，赶走病毒福来到！	Бог удачи прибыл, чтобы избавиться от плохих! Бог удачи прибыл, и благословения вируса здесь!

Приложение 3. Анкета «Анализ восприятия интернет-фольклора эпохи Covid-19 носителями русского и китайского языков»

1. Укажите Ваш возраст:

1. < 18
2. 18-25
3. 26-35

2. Укажите Ваш пол:

- Мужской
- Женский

3. Укажите национальность

-
-

4. Укажите Ваш уровень владения русским языком:

- Начальный
- Средний
- Продвинутый
- Носитель

5. Укажите место учебы (университет, факультет, курс, специальность, страна)

6. Как вы понимаете концепт «Карантин»? (выбрать один вариант)

- 1) Ограничение передвижения
- 2) Медицинская мера профилактики
- 3) Временное изменение образа жизни
- 4) Другое

7. Как вы понимаете концепт «Пандемия»? (выбрать один вариант)

- 1) Эпидемия, которая охватывает несколько стран или континентов
- 2) Символ эпохи коронавируса
- 3) Временное явление в обществе
- 4) Другое

8. Какие чувства и эмоции вызывает у Вас эта пословица? (можно выбрать несколько)

«По маске встречают, по температуре провожают»;

- Радость
- Смех
- Недоумение
- Тревога
- Оптимизм
- Обиду
- Нейтральное отношение
- Грусть
- Ностальгия
- Злость
- Другое (укажите)

9. Как вы понимаете эту пословицу? Напишите.

«Вирус не воробей, вылетит - не поймаешь»

10. Какие чувства и эмоции вызывает у Вас эта поговорка? (можно выбрать несколько)

«Сидим дома и спасаем мир»

- Радость
- Смех
- Недоумение
- Тревога
- Оптимизм
- Обиду
- Грусть
- Ностальгия
- Злость
- Нейтральное отношение
- Другое (укажите)

11. Какие чувства и эмоции вызывает у Вас этот мем? (можно выбрать несколько)

Ешьте три головки чеснока в день, может от вируса это не поможет, но люди будут держаться от вас подальше

- Радость
- Смех
- Недоумение
- Тревога
- Оптимизм
- Обиду
- Грусть

- Ностальгия
- Злость
- Нейтральное отношение
- Другое (укажите)

12. Как вы понимаете смысл этого мема? (выбрать один вариант)

- 1) Ироническое изображение риска путешествий в период пандемии
- 2) Сатирический взгляд на оптимизм некоторых людей
- 3) Отражение радости от возможности путешествовать несмотря на пандемию

13. Какие чувства и эмоции вызывает у Вас эта карантинка? (можно выбрать несколько)

- Радость
- Смех
- Недоумение
- Тревога
- Оптимизм
- Обиду
- Грусть
- Ностальгия
- Злость
- Нейтральное отношение
- Другое (укажите)

14. Как вы понимаете смысл карантинки? (выбрать один вариант)

- 1) Вирус после мутации стал трудно обнаруженным

2) Сатира на то, что вирус меняется и становится незаметным

3) Юмористическое изображение борьбы между вирусом и ученым

15. Какие чувства и эмоции вызывает у Вас этот хэштег? (можно выбрать несколько)

«#спутникv»

- Радость
- Смех
- Недоумение
- Тревога
- Оптимизм
- Обиду
- Грусть
- Ностальгия
- Злость
- Нейтральное отношение
- Другое (укажите)

16. Как вы понимаете смысл данного хэштега? (выбрать один вариант)

«#оставайтесьдома»

1) Призыв к безопасности

2) Символ солидарности и общей борьбы

3) Напоминание об ограничениях и изоляции

17. Какие чувства и эмоции вызывает у Вас этот поликодовый текст? (можно выбрать несколько)

«Роспотребнадзор: масочный режим продлён до 2023 года»

- Радость
- Смех
- Недоумение
- Тревога
- Оптимизм
- Обиду
- Грусть
- Ностальгия
- Злость
- Нейтральное отношение
- Другое (укажите)

18. Как вы понимаете смысл этого поликодового текста? (выбрать один вариант)

«Спутник V: первая в мире зарегистрированная вакцина»

1) Достижение российской науки

2) Политический символ

3) Надежда на окончание пандемии

19. Какие пословицы и поговорки, связанные с пандемией, вы знаете? (можно написать несколько)

1)

2)

3)

20. Как Вы оцениваете роль сетевого фольклора в условиях всемирного кризиса и социальной изоляции? (можно выбрать несколько)

1) Положительно

- Помогал справиться
- Объединял
- Давал надежду

2) Отрицательно

- Усиливал тревогу
- Распространял дезинформацию
- Был циничным

3) Нейтрально

4) Амбивалентно (положительные и отрицательные аспекты)

5) Другое (укажите)

21. Напишите самое запоминающееся выражение коронавирусной эпохи (пословицы, выражения, мемы, поликодовый текст, хэштеги и др). Можно написать несколько.

22. Как Вы считаете, останется ли какой-то элемент «ковидного» фольклора (слова, выражения, образы) в языке и культуре надолго?

- Да
- Скорее да
- Скорее нет
- Нет, не останется
- Затрудняюсь ответить
- Если да, приведите примеры _____

Благодарим за участие!